Л6574
707

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

1819–1944

1654
707

1654 707

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

1819–1944

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ НАУКА"
МОСКВА · 1945 г.

Авторы книги — профессора:

Г. А. ГУКОВСКИЙ
(часть I, гл. I—IV)

С. В. КАЛЕСНИК
(часть I, гл. V)

В. В. МАВРОДИН
(часть II)

О. Л. ВАЙНШТЕЙН
(часть III)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ПРОФЕССОР
В.В.МАВРОДИН

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
931212 V/m

М 02137. Тираж 3000. Печ. л. 11½. Подп. к печ. 16/V 1945 г. Заказ № 345.
21 тип. ОГИЗ'а им. Ив. Федорова

ПРЕДИСЛОВИЕ

20 февраля 1944 г. исполнилось 125 лет со дня основания Петербургского-Петроградского-Ленинградского университета, одного из важнейших центров и рассадников русской культуры. Из университета вышли сотни виднейших деятелей русской науки, литературы и общественности. Ученые университета вписали блестящие страницы в историю русской и мировой науки, создали передовые научные школы и направления, получившие особенно широкое развитие в советский период. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции, широко открывшей народу двери храма науки, университет выпустил десятки тысяч специалистов, работающих во всех уголках нашей необъятной родины и на всех участках социалистического строительства. В тяжелые годы Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков, в годы блокады великого города Ленина университет высоко держал знамя передовой русской науки, посвятив всю свою деятельность помощи фронту и отдав тысячи своих питомцев Красной Армии.

Советское правительство отметило день 125-летия Ленинградского университета, наградив университет орденом Ленина и многих его работников орденами и медалями Советского Союза.

«За выдающиеся заслуги в деле развития советской науки и культуры, за большие успехи в подготовке высококвалифицированных кадров для страны, в связи со 125-летием со дня основания, наградить Ленинградский Государственный Университет орденом Ленина, — читаем мы в указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1944 г.

Настоящая книга, выходящая в свет в юбилейный для университета год, имеет своей задачей обрисовать славный

путь Петербургского-Ленинградского университета за все 125 лет его существования. Читатель не найдет здесь подробной истории университета: для этого понадобилось бы несколько томов, подготовка которых требует длительных и кропотливых изысканий в архивах. Условия войны сделали выполнение такой задачи неосуществимым. Однако руководство университета и его научный коллектив не оставляют мысли о создании полной истории Ленинградского университета, являющейся важной составной частью истории великой русской культуры.

Для данного же момента пришлось ограничиться небольшим очерком, который дает представление об основных этапах развития университета и является таким образом первым шагом на пути к подготовке его истории.

Часть первая

1819 — 1917

Глава I

ОТКРЫТИЕ УНИВЕРСИТЕТА

Первые годы XIX столетия принесли с собой значительное оживление в области русской культуры. Новое правительство Александра I предприняло ряд шагов для развития дела народного образования в стране. В частности, было обращено особое внимание на вопросы высшего образования. Были учреждены новые университеты в Казани, в Харькове, в Дерпте (Юрьеве, ныне — Тарту). В 1804 г. был издан университетский устав, по тем временам довольно либеральный, создавший возможность творческого развития научно-учебной жизни в университетах как основных центрах культуры страны. Согласно этому уставу, каждый из русских университетов становился руководителем целого учебного округа; особый училищный совет университета непосредственно должен был управлять всеми средними учебными заведениями данного округа. Общее наблюдение за университетом и округом осуществлял назначенный царем попечитель, живший в столице и являвшийся членом правительственного органа — «Главного правления училищ». Всей жизнью университета руководил его совет, состоявший из всех профессоров, и выбранный этим советом ректор. Оперативным органом управления университета являлось его правление, состоявшее из деканов факультетов. Университет получал права широкой автономии во всех делах своей научно-

учебной работы, вплоть до права цензуры книг, выходящих в его округе.

Развитие университетского образования в стране поставило остро вопрос о создании или, вернее, возрождении университета в столице.

В январе 1724 г. Петр Великий утвердил устав Академии наук, согласно которому при Академии открывался в Петербурге университет; лекции в нем должны были читать академики, или, как они назывались в XVIII веке, профессора Академии наук; студенты, русские молодые люди, предназначались к научной деятельности; они должны были впоследствии заменить выписанных из-за границы академиков. Академия наук вместе со своим университетом была официально открыта уже после смерти Петра, в 1725 г.

Академический университет в Петербурге не развился в крупное культурное учреждение. Вследствие безразличия правительственной верхушки, он не смог сыграть той важной роли, которую предписала ему мысль Петра I. Тем не менее, он воспитал не одного русского ученого, не одного замечательного деятеля русской культуры и общественной мысли. Годами расцвета академического университета были 1758—1762, когда им заведывал великий Ломоносов. Он влил новую жизнь в захиревшее-было учреждение, создал материальные условия для его преуспевания и дал ему подлинный творческий импульс.

Еще с 1780-х годов неоднократно в кругах, руководивших народным образованием страны, возникала мысль о создании в Петербурге университета, независимого от Академии наук. К началу XIX столетия мысль эта начала приобретать все более реальные формы. К этому времени Петербург стал мощным центром культуры и, в частности, науки. Это был огромный город с населением, приближавшимся к полумиллиону, с значительными отрядами интеллигенции — ученых, писателей, журналистов, художников, — с богатыми музеями, с двумя превосходными научными библиотеками (будущей Публичной библиотекой и библиотекой Академии наук), с целой системой высших учебных заведений, к которым принадлежали, кроме Академии художеств, Медико-хирургическая академия, Горный корпус, Институт путей сообщения, педагогические учебные заведения. В 1803 г. Александр I утвердил сметные штаты Петербургского университета, который должен был открыться не позднее следующего года. Однако дело задержалось, видимо, вследствие бюрократической неповоротливости царских канцелярий. Тем временем созданная еще в XVIII веке учительская семинария, возобновленная затем в качестве учительской гимназии, была в 1804 г. преобразована в Педагогический институт. И вот министерство просвещения решило рассматривать этот институт как базу «имею-

щего учредиться в С.-Петербурге университета». Учреждение же его откладывалось вследствие военных событий 1805—1807 гг. В 1808 г. двенадцать лучших студентов Педагогического института были отправлены за границу для усовершенствования в науках; они должны были «по возвращении своем занять места профессоров и адъюнктов[1] в предполагаемом С.-Петербургском университете» (слова доклада царю министра просвещения Завадовского). Однако, когда они вернулись на родину, об открытии университета не могло быть и речи: грянула Отечественная война. Молодые русские ученые вступили в число преподавателей воспитавшего их института, который в 1816 г. получил наименование Главного педагогического института. Новый устав почти приравнивал его к университету как по устройству факультетов и кафедр, по охвату наук, так и по правам, вплоть до права присуждения всех ученых степеней, т. е. степени кандидата, магистра и доктора. Наконец, 8 февраля 1819 г. (по старому стилю, т. е. 20 февраля по новому) Александр I утвердил доклад министра просвещения Голицына о переименовании Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет; при этом ведению его был поручен Петербургский учебный округ и ему разрешалось иметь как «казеннокоштных» студентов (стипендиатов, живших на полном содержании казны), так и «своекоштных», обучавшихся бесплатно, но не получавших от государства никаких пособий. Тогда же от бывшего Педагогического института отделился особый Учительский институт, готовивший учителей для уездных и приходских училищ. Попечителем округа, а стало быть, теперь и университета, был в то время С. С. Уваров, впоследствии ставший известным реакционным министром просвещения, гонителем Пушкина, душителем свободной русской мысли, но в эти ранние годы — еще либерал, молодой сановник, не чуждый прогрессивных тенденций. Он в то время еще не забыл своего недавнего участия в передовом литературном кружке «Арзамас», где встречался с юношей Пушкиным, с радикалами и будущими декабристами Н. Тургеневым, М. Орловым и др.; он с увлечением занимался научными исследованиями в области греческих древностей и поддерживал передовую науку и литературу.

Петербургский университет был учрежден в составе трех факультетов: философско-юридического, физико-математического и историко-филологического. К моменту открытия университета ряд кафедр не был замещен; своекоштных студентов не было вовсе, и всех учащихся было 70 человек — прежних студентов Педагогического института. Лишь к концу года набралось 20 новых студентов — своекоштных. Тем

[1] Т. е. доцентов, по нашей теперешней терминологии.

не менее, сразу после официального учреждения университета состоялся акт открытия его — 14/26 февраля: впрочем, публичного торжества не было. Немедленно после открытия совет (конференция) университета выбрал ректора и деканов. При выборе ректора голоса разделились поровну между проф. Балугьянским, читавшим энциклопедию политических

Первый ректор Петербургского университета
проф. Балугьянский.

и юридических наук и политическую экономию, и проф. Раупахом, читавшим всеобщую историю и немецкую литературу. Между ними бросили жребий, и достался он Раупаху. Однако комитет министров, который представлял кандидатуру ректора на утверждение царя, признал выбор по жребию незаконным; при вторичных выборах большинством 12 голосов из 16 был избран Балугьянский, и царь утвердил его. Деканами были выбраны: по философско-юридическому факультету сначала тот же Балугьянский, а затем, когда он стал ректором, проф. Лодий; по физико-математическому — проф. Чижов, по историко-филологическому — проф. Герман.

Управлялся университет на первых порах не на основании типового устава Московского университета 1804 г., а на основании временного положения, во многом сохранившего старую структуру Педагогического института; сохранена была даже старая должность директора, теперь сделавшегося помощником ректора (им остался прежний директор Д. А. Кавелин).

Среди первых профессоров университета находились люди весьма различные: были здесь старозаветные схоласты, иногда мало осведомленные, иногда знающие, но неизменно превращавшие науку и преподавание в сухую зубрежку и в бессмысленный каталог названий и имен; имелись и более молодые, творчески одаренные, живые и передовые ученые. К первым принадлежали, например, проф. Лодий, читавший философию и право, тупой реакционер, непоправимо отставший в науке, или профессор литературы Толмачев, чинуша, реакционер и в политических вопросах, и в своей научной области. Из числа вторых можно назвать проф. А. И. Галича, философа и эстетика, талантливого ученого, яркого педагога, автора нескольких ценных трудов, вводивших в оборот идей в нашей литературе и науке новейшие учения современной философии; Галич памятен русской культуре и как учитель Пушкина, учитель, которого ценил и воспел его гениальный ученик. Учителем Пушкина был и проф. А. П. Куницын, государствовед, философ права, человек благородный, передовой, талантливый, благотворно влиявший на молодежь. Широко известны стихи Пушкина:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень...
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

Яркой фигурой был и К. И. Арсеньев, адъюнкт по географии и статистике, также передовой деятель культуры. Стоит отметить, что и Галич, и Куницын, и Арсеньев учились в Педагогическом институте, из которого вырос наш университет.

Из других ученых, профессоров первого состава университета, упомянем экономиста и юриста В. Г. Кукольника, автора ряда трудов по сельскому хозяйству и по теории права; К. Ф. Германа, крупного статистика, издавшего целую серию ценных работ по изучению России, ее экономики в частности; Е. Ф. Зябловского, автора популярных в свое время учебных пособий по истории и географии; В. К. Вишневского, астронома и географа, положившего много труда для картографического изучения России; математика Д. С. Чижова и химика и физика М. Ф. Соловьева, оба — ученики Педагогического института; физика Н. П. Щеглова, воспитанника того же института.

Вскоре после открытия университета его совет внес новшество, еще неизвестное в России, а именно—специализацию студентов: физико-математический факультет был разделен на два разряда (цикла): собственно физико-математический и естественно-испытательный; историко-филологический факультет разделился на три разряда: исторический, филологический и восточный.

Курс обучения в университете был трехлетний. Студентов, как сказано, было немного. Подготовка поступавших в университет была невысока. Затруднения возникали еще и от наличия немалого числа профессоров-иностранцев, не

Здание Петербургского университета.

знавших русского языка и читавших лекции по-латыни, которою не все студенты хорошо владели. Несмотря на все это, дело в университете пошло на первых порах относительно успешно благодаря энергии и усердию ряда профессоров и студентов. Впрочем, дисциплина студентов, особенно своекоштных, в первое время стояла не на должной высоте. Студенты ходили на лекции неаккуратно. Иной раз лекции срывались из-за неявки слушателей. Исключение нерадивых не оказывало должного действия. Лишь исподволь и постепенно удалось наладить учебный процесс. Занятия происходили утром, от 8 до 12 час., и днем, от 2 до 6 час. Лекции были двухчасовые. Учебный год начинался 1 января. Каникулы были полуторамесячные, с начала июля до середины августа. С 1831 г. учебный год был установлен с августа по июнь с месячным перерывом.

Университет был открыт в том же здании, в котором он работает, в основной своей части, и до сих пор, в так называемом здании «Двенадцати коллегий». Это изящное и своеобразное сооружение, представляющее собою как бы цепочку из двенадцати корпусов, объединенных прославленной университетской галереей, было начато постройкой еще при Петре I, но закончено лишь в 30-х годах XVIII века. Строил

его Трезини. На протяжении XVIII столетия в нем помещались различные правительственные учреждения. С 1806 г. часть этого здания занял Педагогический институт. Новоучрежденный университет разместился в четырех корпусах здания; в остальных остались посторонние учреждения. Зато университету принадлежал еще старый деревянный дом на 6 линии Васильевского острова, недалеко от основного здания. Впрочем, предполагалось, что оба эти помещения временные, а для университета будет построено большое новое здание; на эту постройку были даже отпущены властями немалые деньги — не одна сотня тысяч рублей; однако деньги утонули в бездонных карманах чиновников, и новое здание даже не начали строить.

Глава II

УНИВЕРСИТЕТ В 1820—1835 гг.

Через два года после учреждения Петербургского университета в нем произошли печальные события, надолго задержавшие его нормальное развитие.

Наступили мрачные для всей русской культуры дни. Либеральная политика первых лет александровского царствования сменилась открытой реакцией. Царь подчинился влиянию изуверов-мистиков. Культурная жизнь страны подавлялась усилиями мракобесов-реакционеров, повсюду видевших призраки революции. Австро-немецкая политика Меттерниха проникла во дворец русского царя. Цензура свирепствовала, не давая дышать ни литературе, ни науке. Начался официальный поход против просвещения. Попечитель Казанского университета Магницкий, переметчик, интриган и вор, разорил этот очаг культуры в 1820 г. с благословения царя, с помощью разработанной им инструкции. Эта инструкция должна была стать руководством и для всех других университетов. В ней говорилось, что «душа воспитания и первая добродетель гражданина есть покорность», главе университета предписывалось наблюдать, «чтобы дух вольнодумства ни открыто, ни скрыто не мог ослаблять учения церкви в преподавании наук». Профессорам предписывалось все науки излагать так, чтобы из них явствовала правота библии и незыблемость самодержавия; даже математики должны были доказывать это, а медики обязаны были бороться с «гибельным материализмом».

Вся эта свистопляска мракобесия началась еще с 1819 г., но Уваров сопротивлялся мутной волне средневекового исступ-

ления два года. Наконец он был побежден и летом 1821 г. покинул пост попечителя. Вместо него (временно) был назначен сотоварищ Магницкого Рунич, человек низкой души и тупореакционного склада мыслей, уже ранее «отличившийся» при подавлении одного крестьянского восстания. Вступив в число членов главного правления училищ, Рунич, еще до назначения своего попечителем, добился от правления осуждения книги Куницына о естественном праве как либерального произведения. Книга была изъята и сожжена. Куницына выгнали из университета. Курс естественного права был передан реакционеру Лодию, который читал его по австрийским образцам. Философия же оказалась сосредоточенной—на короткое время—в руках Галича. Но это было только начало. Став попечителем, Рунич принялся за университет всерьез. Осенью 1821 г. через проф. Толмачева и директора университета чинушу Кавелина, к науке отношения не имевшего, зато проявившего готовность холопски служить ему, Рунич достал тетради студентов. На основании записей в этих тетрадях он обвинил ряд профессоров в пропаганде идей, «разрушительных для общественного порядка и благосостояния», сделав соответствующий доклад главному правлению училищ. Последнее подняло крик чуть ли не о революционной пропаганде. Обвинялись профессора Герман и Арсеньев (лекции по статистике), Галич (история философии), Раупах (всеобщая история). Узнав об этом, ректор Балугьянский ушел (или был вынужден уйти) со своей должности и был заменен Зябловским в качестве временно исправляющего не по выбору, а по назначению обязанности ректора. В первых числах ноября Рунич организовал в университете суд над «нечестивыми» профессорами на трех заседаниях совета. Это были постыдные заседания. Рунич издевался над почтенными учеными, кричал на них, угрожал совету, громил университет, в котором, мол, проповедуется ниспровержение алтарей и тронов. Ему подыгрывал Кавелин. Нашлись и другие подхалимы и трусы. Но не все члены совета испугались. Ряд профессоров, как Плисов, Ржевский, Вишневский, Чижов, Балугьянский, Шармуа, Доманж и др., смело выступил в защиту обвиняемых. Даже реакционер Лодий встал на защиту науки против дикого произвола. Обвиняемые держались стойко и благородно; один Галич несколько пал духом, — ведь дело шло о самых тяжких карах для «крамольников». Эти три многочасовые заседания произвели ошеломляющее впечатление на членов совета. Проф. Балугьянский на одном из них упал в обморок, а проф. Соловьев доведен был угрозами Рунича до патологического состояния: ночью после заседания он пошел домой, а попал на другой конец города, и затем, будучи доставлен домой, долго не мог оправиться от потрясения.

Рунич рассчитывал раздуть все происшествие в большой политический процесс. Однако дело приняло столь скандальный характер, что правительство было смущено и поспешило замять его. Обвиненные профессора пострадали незначительно. Они были отстранены от преподавания, хотя не были уволены из университета и получали жалование еще в течение 2—3 лет. Но зато сильно пострадал сам университет, тем более что Рунич добился применения к нему инструкции, составленной Магницким для Казанского университета. В итоге Петербургский университет лишился ряда ценных работников, «замешанных» в процессе четырех профессоров, не желавших согнуть спину перед Руничем и превратиться в его лакеев. Так, из университета ушли Балугьянский, востоковеды Шармуа и Деманж, экономист Плисов, минералог Панснер и др. — вслед за четырьмя «обвиняемыми». Наоборот, сделали карьеру холопы Рунича. Университет был подавлен, творческая жизнь в нем не могла расцвести; в нем воцарился дух изуверства. Правда, постепенно «строгости» отпадали, и жизнь брала свое: в 1823 г. был уволен директор Кавелин, и самая должность его отменена; в 1824 г. Петербургскому университету было предписано руководиться типовым уставом Московского. Но Рунич и казанская инструкция делали свое дело. И только уже в царствование Николая I, в 1826 г., выяснилось, что Рунич проворовался, присвоив часть сумм, отпущенных на строительство университета и других учебных заведений округа; тогда царь велел отставить его. С отставкой Рунича отпала и казанская инструкция. Вскоре попечителем был назначен Бороздин (до 1832 г.), человек бесцветный. Но еще несколько лет университет не мог оправиться от руничевского разгрома. Лишь в начале 30-х годов началось оживление и учебной, и научной деятельности в нем. Все эти годы, с 1825 по 1835, ректором был историк А. А. Дегуров, французский эмигрант, не лишенный знаний и культуры, но не ученый в подлинном смысле слова, человек ловкий, гибкий и умевший ладить с разным начальством; так, при Руниче он исповедывал его «направление», а потом не менее изящно излагал совсем иные начала.

Хотя 20-е и даже начало 30-х годов были периодом подавленности университета, все же, постепенно оправляясь от руничевского разгрома, он мало-помалу расширял и свою учебную и свою научную работу. В стенах университета появились новые люди, среди которых были и яркие педагоги и значительные ученые. В 1822 г. в университете начал работать совсем еще тогда юный (22 лет) арабист проф. О. И. Сенковский, незаурядный человек, блестяще одаренный, увлекавший студентов, полный новых идей. Мало устойчивый и нимало не принципиальный в вопросах политических, он тем не менее сыграл положительную роль в истории на-

шего университета: именно Сенковский положил начало блестящему развитию в университете востоковедения: его усилиями начало складываться то особое положение, в последствии прочно установившееся и сохраненное как благородная традиция по сей день, согласно которому Петербургский-Ленинградский университет являлся и является крупнейшим центром востоковедения в нашей стране. Еще более, чем своими трудами по изучению Востока, О. И. Сенковский прославился впоследствии своими шумными и, иной раз, скандальными выступлениями в качестве писателя, сатирика, критика и журналиста, — «барона Брамбеуса».

Вместе с Сенковским востоковедение насаждали вернувшийся в университет через 10 лет Шармуа, виднейший исследователь языка и литературы Ирана, и молодые русские ученые Волков и Грацилевский.

В начале 30-х годов произошла значительная реформа в преподавании литературы. Вместо устаревшего схоласта Толмачева были приглашены новые и свежие творческие силы. Кафедру русской словесности занял П. А. Плетнев, друг Пушкина, критик и поэт, человек умеренной позиции, но благожелательный по отношению к новым литературным исканиям и к студенческой молодежи. Чтение теории литературы перешло к не менее известному человеку, А. В. Никитенко, сначала преподававшему в университете политическую экономию. Бывший крепостной, выбившийся «в люди» благодаря своей незаурядной энергии, дарованиям, уму, Никитенко был видным деятелем литературы и в 40-х годах, когда он совмещал должность цензора с участием в «Современнике» Некрасова и Белинского.

В области изучения истории в университете с 1831 г. оживление внес Н. Г. Устрялов, блестяще читавший историю России и впервые в нашем университете организовавший практические занятия студентов по своей дисциплине. Деятельность Устрялова в русской историографии отмечена обширным трудом по истории Петра I; ему принадлежат и учебники по русской истории.

В 1834 г. преподавание истории Западной Европы в средние века и истории античного мира было поручено гениальному русскому писателю Гоголю, или, официально, Н. В. Гоголю-Яновскому.

Не будучи специалистом-исследователем, Гоголь был, однако же, вполне образованным по тем временам историком, обладавшим и творческой интуицией, и широтой взгляда. Тем не менее, лекции Гоголя не имели успеха, чему виною было, очевидно, отсутствие у него лекторского дарования. На лекцию Гоголя в университетскую аудиторию однажды пришел Пушкин, встреченный с восторженным благоговением студенческой молодежью. В 1835 г. Гоголь покинул универ-

ситет. Памятником его занятий историей является несколько статей о преподавании истории, об истории средних веков и др. В области точных и естественных наук в 20-е годы блистали молодой (и рано умерший) астроном Тихомиров, но особенно профессор физики Н. П. Щеглов, работавший плодотворно и в других областях науки, как, например, химия, минералогия, ботаника; он был не только способным ученым, но и талантливым лектором-педагогом и энергичным популяризатором науки в России. Кипучая деятельность ускорила его смерть, слишком раннюю (в 1831 г.). Широкими интересами отличался и Д. И. Соколов, читавший в университете курс «геогнозии». С начала 30-х годов в университете развернулась работа талантливого зоолога С. С. Куторги, одного из основателей русского научного естествознания XIX века, учителя нескольких поколений русских естественников, читавшего, кроме зоологии, еще сравнительную анатомию и палеонтологию, а также молодого блестящего математика Ф. В. Чижова, читавшего начертательную геометрию.

С 1824 г. университет начал печатать обозрения преподавания на год и при них — научные работы профессоров. Это было началом научно-издательской деятельности Петербургского университета. В первой такой брошюре (1824) было опубликовано (на французском языке) ценное исследование О. И. Сенковского об узбекском царстве в Бухаре и Хорезме. В следующем году — исследование проф. Грефе «Некоторые места в античных древностях, объясненные из русского языка и обычаев» (на латинском языке), в 1826 г. — его же работа по сравнительной грамматике славянских и классических языков и др.

С 1833 г. начали печататься речи профессоров, читанные на годичных актах университета. Так, были опубликованы речи проф. Плетнева «О народности в литературе», проф. Шармуа «О пользе восточных языков для изучения истории России» (акт 1833 г.), речь проф. Фишера (философа) «О развитии цивилизации в России и о роли, которую должна сыграть при этом философия» (по-французски, 1834), речь проф. С. Куторги «Взгляд на изучение естественной истории» (1835). Одновременно с такими официальными публикациями профессора университета печатали много научных и научно-популярных работ в журналах и отдельными изданиями, по преимуществу после 1825 г.

В 1828 г. был учрежден при русских университетах особый институт подготовки научных работников высшей квалификации (нынешняя аспирантура). Еще в конце 1827 г. Николай I приказал отобрать в университетах человек 20 лучших студентов и окончивших (со званием кандидата) и направить их на счет казны в Дерпт, а потом за границу для заверше-

ния курса и подготовки к профессуре. Главное правление училищ разработало план обучения этих молодых людей, рассчитанный на 5 лет, причем они должны были затем прослужить 12 лет «по учебной части». Николай утвердил этот план, оговорив, чтобы посылаемые «непременно были все природные русские». И вот Петербургский университет выделил шесть студентов (одного последнего курса и пятерых первокурсников); из числа окончивших, желающих усовершенствоваться в науках не нашлось. Выделенные студенты были подвергнуты экзамену в Академии наук и все были признаны прекрасно подготовленными. Из них Чивилев и Лапшин стали потом профессорами Московского и Харьковского университетов, П. Д. Калмыков и два брата Куторга (М. С. и С. С.) — профессорами Петербургского университета (Калмыков — юрист, М. Куторга — историк, С. Куторга — зоолог); шестой — Шкляревский, молодой поэт — умер в Дерпте. Все молодые люди, выделенные университетами, образовали особый «профессорский институт». В последующие годы будущие профессора готовились и непосредственно при самом университете. Впрочем, с самого начала университет оставлял при своих факультетах в качестве кандидатов на преподавательские должности лучших студентов. В 1834 г. впервые Петербургский университет организовал защиту магистерских и докторских диссертаций. В этом году было проведено шесть защит, — все по юридическим наукам; из них пять — на степень доктора прав, одна — на степень магистра прав. Кроме того, девяти юристам университет присудил степень доктора прав без представления диссертаций, а лишь на основании защиты представленных ими тезисов «из науки законоведения». В 1835 г. защит не было.

Первый выпуск Петербургского университета был произведен в 1823 г. Выпускной экзамен был организован публично и не без торжественности. Окончило 27 чел. (по философско-юридическому факультету — 10; по физико-математическому — 7; по историко-филологическому — 10). Выпускали по трем группам: лучших со степенью кандидата (13 чел.), затем — со званием старшего учителя (10 чел.), наконец, получивших более низкие оценки — с званием «действительного студента» (4 чел.). Уже с следующего, 1824 г. звание старшего учителя отпало, и впредь выпускали либо кандидатами, либо действительными студентами. В 1824 г. университет окончило всего только 4 чел., а в 1825 г. — 3 чел., в 1826 г. — 6 чел., в 1827 г. — 11 чел., в 1828 г. — 23 чел., в 1829 г. — 12 чел., в 1830 г. — 25 чел., в 1831 г. — 30 чел., в 1832 г. 29 чел., в 1833 г. — 36 чел., в 1834 г. — 39 чел., в 1835 г. — 39 чел., всего с 1819 по 1835 г. университет выпустил 257 молодых людей с законченным высшим образованием. Наименее многолюдным был физико-математический

факультет. В 1824, 1825, 1826 гг. он не выпустил ни одного студента, в 1827 г. — двух, да и в последующие годы случалось, что выпуск этого факультета не превышал 2 чел. (1832, 1833 гг.).

Прием новых студентов также был невелик. В 1823 г. вовсе не было нового приема, и после первого выпуска в университете осталось не более 22 студентов. Затем прием по годам был таков: 1824 г. — 10 чел., 1825 г. — 23 чел., 1826 г. — 8 чел., 1827 г. — 8 чел., 1828 — 48 чел., — 1829 — 52 чел., 1830 — 43 чел., 1831 — 52 чел., 1832 — 84 чел., 1833 — 65 чел., 1834 — 73 чел., 1835 — 77 чел., 1836 — 83 чел. Всего в начале 30-х годов бывало 120—150 студентов. В 1823 г. приема не было вследствие «мер», принятых Руничем, который еще в 1822 г. с согласия царя выгнал ряд казеннокоштных студентов как подозрительных по части благонадежности.

Среди студентов уже в этот ранний период университета выделялись талантливые люди, из которых некоторые и попали затем в «профессорский институт» или по окончании университета были отправлены за границу (на запад или на восток) для усовершенствования в науках. Назовем, например, будущего знаменитого историка-профессора Московского университета Т. Н. Грановского, известного Печерина, востоковеда В. В. Григорьева. В 1824 г. окончил Петербургский университет упомянутый выше Н. Г. Устрялов, в 1828 г. также упомянутый А. В. Никитенко, в 1832 г. — Ф. В. Чижов, уже через несколько месяцев начавший читать в университете лекции. Студенты усердно занимались переводами научных и художественных произведений, иногда выступали в печати. Они живо интересовались современной литературой. В эти годы в университете учился П. П. Ершов, автор «Конька-Горбунка». В 1834 г. в Университет поступил И. С. Тургенев. Великий писатель пробыл в Петербургской alma mater два года, а затем, еще через год, в 1837 г., сдал экзамен на звание кандидата. И через много лет он тепло вспоминал годы, проведенные в стенах университета, своих учителей и товарищей.

Впрочем, были среди студентов и будущие чинуши, учившиеся «для аттестата». Бывали в учебной жизни университета и эксцессы: то проф. Сенковский, недовольный, что один студент нерегулярно посещал его лекции, пригрозил ему розгами, вышел конфликт: в результате попечитель сделал профессору выговор; то студенты замечали пристрастие немца-профессора Грефе к студентам-немцам и т. п. Но такие случаи бывали не часто. В 20-х и в начале 30-х годов стала расти учебно-вспомогательная база университета, на первых порах, впрочем, не очень богатая. От Педагоги-

ческого института университет унаследовал библиотеку в 2150 названий (до 8000 томов), кроме журналов. Путем по-

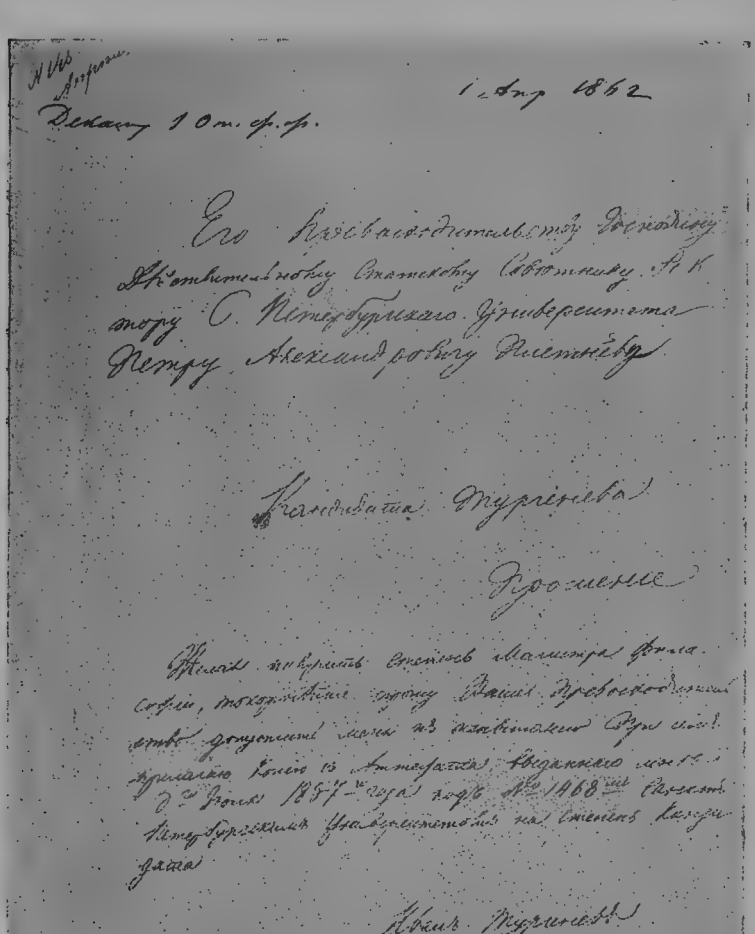


Рис. 3. Заявление И. С. Тургенева на имя ректора Петербургского университета.

купок, пожертвований и т. д. библиотека эта, хотя и недостаточно, но все же в несколько раз выросла. Затем составился нумизматический кабинет, минералогический кабинет, ботанический, зоологический, физический кабинеты (послед-

ний — бедный). Суммы, отпускавшиеся на библиотеку, кабинеты и лабораторию, были малы — по 6000 руб. ассигнациями в год (т. е. около 2000 руб. в год серебром). Осенью 1823 г. по распоряжению Рунича университет переехал с Васильевского острова на другой конец города, в старый дом на углу Кабинетской (ныне улица Правды) и Звенигородской улицы.[1] Это неудобное и тесное помещение считалось временным, хотя постоянного нового здания никто не строил. Там же поселились казеннокоштные студенты и некоторые из профессоров. Совет и правление университета помещались в особой квартире, снятой для них на Фонтанке между Семеновским и Обуховским мостами. Только в 1837 г. университет вернулся в здание «Двенадцати коллегий», вновь отделанное и приспособленное для учебных и научных целей. Университет занял теперь бо́льшую часть этого здания, а меньшую занимал Педагогический институт. С этих пор университет никогда уже не покидал своего исторического здания, лишь постепенно расширяясь вокруг него.

Глава III

УНИВЕРСИТЕТ В 1835—1863 гг.

В 1835 г. Николай I утвердил новый устав русских университетов, выработанный особой комиссией. Этот устав действовал на протяжении 28 лет. Впрочем, время от времени в него вносились изменения, главным образом клонившиеся к все большему подчинению университетов полицейско-бюрократической опеке.

По уставу 1835 г. университеты освобождались от заведывания средними учебными заведениями их округа, а также от обязанности цензуровать книги, печатающиеся в их округе. Высшим начальником и руководителем университета оставался попечитель его, назначаемый царем. Ректор и деканы оставались выборными, но на более долгий, чем ранее, срок: на 4 года. Деканы должны были утверждаться министром народного просвещения, а ректор — царем. Научно-учебными делами университета ведал его совет, состоявший из всех профессоров (профессора были двух рангов: высшего—«ординарные»—и низшего — «экстраординарные»). Хозяйственно-административным органом университета было правление, состоявшее из ректора, деканов и синдика (заведующего канцелярией, непременно юриста). Воспитательной работой

[1] Этот дом был занят ранее Благородным пансионом, открытым еще при Педагогическом институте и продолжавшим существовать при университете.

ведал инспектор, назначаемый, как и синдик, попечителем. Кроме профессоров, в университете преподавали адъюнкты и лекторы. Инспектор также мог входить в правление. Совет университета имел право избрания почетных членов; это звание получали чаще всего виднейшие царские сановники и, реже, крупнейшие ученые, русские и иностранные (так, почетными членами Петербургского университета были с 1830 г. Кювье, с 1841 г. А. Гумбольдт, с 1867 г. А. Ранке), в том числе и профессора университетов.

Профессор, прослужив 25 лет, получал звание заслуженного и выходил в отставку, освобождая штатное место для более молодого ученого; впрочем, совет мог избрать его еще на 5 лет (и даже повторить это избрание).

Ректором и проректором, который также избирался советом и утверждался министром, могли быть только ординарные профессора. Профессора должны были иметь степень доктора, адъюнкты — степень магистра.

По уставу 1835 г. в состав университетов могли входить максимум три факультета: философский, юридический и медицинский. В Петербургском университете было только два первых. Философский факультет делился на два отделения: историко-филологическое и физико-математическое. В Петербургском университете оба отделения, в свою очередь, делились на «разряды»: первое на разряды общей словесности и восточной словесности,[1] второе — на разряды математических и естественных наук. Курс на обоих факультетах был четырехлетний. Устав 1835 г. упорядочил дело присуждения ученых степеней и диспутов (защит). Студентам, отлично окончившим университет, присуждалась степень кандидата без особых испытаний. Остальные должны были выдержать кандидатские экзамены. Для получения степеней магистра и доктора необходимо было и выдержать экзамен и защитить диссертацию. Защиты проходили живо и содержательно, превращаясь нередко в энергичный научный спор; при этом на защитах выступали и молодые люди, студенты; по положению на диспуте сначала с диссертантом спорили желающие из публики, а уж затем — официальные оппоненты. С 1836 по 1864 г. в Петербургском университете было проведено всего 136 магистерских и докторских диспутов. Многим замечательным ученым присудил наш университет высшие ученые степени. Среди них были: Н. Устрялов — доктор, 1836; Ф. Чижов — магистр, 1836; А. В. Никитенко — доктор, 1837; П. Чебышев — доктор, 1849; М. М. Стасюлевич — магистр, 1849, доктор, 1851; В. В. Спасович — магистр, 1851, доктор, 1863; А. Бекетов — магистр, 1853;

[1] В течение 1 года (1836/37) было 3 разряда — историко-политических наук, древней филологии и восточной филологии.

Н. Н. Булич — доктор, 1854; И. Вышнеградский — магистр, 1854; М. И. Сухомлинов — доктор, 1856; Д. И. Менделеев — магистр, 1856 («Об удельных объемах»), доктор, 1865 («Исследование о возможности употребить молочную кислоту для извлечения углекислой извести из костяного угля»); А. Н. Пыпин— магистр, 1857; Ор. Миллер — магистр, 1858; В. И. Ламанский — магистр, 1860; Л. Н. Майков — магистр, 1863, и мн. др. В 1855 г. произошло громкое и поистине историческое дело с защитой Н. Г. Чернышевского. Великий русский демократ-революционер, публицист и ученый поступил в Петербургский университет на филологическое отделение в 1846 г. и вскоре выдвинулся благодаря своим гениальным способностям и поразительной работоспособности. Он с успехом занимался у Никитенко и Плетнева изучением литературы, а в особенности усердно и много русско-славянским языкознанием у И. И. Срезневского. В 1850 г. Чернышевский окончил университет со степенью кандидата, написав работу о комедии Фонвизина «Бригадир» (под руководством проф. Никитенко). В 1855 г. он представил факультету диссертацию на степень магистра: «Эстетические отношения искусства с действительностью». Это был манифест материалистической и революционной эстетики, философское и политическое значение которого было чрезвычайно велико. Члены факультета не разобрались в глубоком внутреннем смысле книги, написанной осторожно. Диссертация была допущена к защите и напечатана, как вдруг на нее обратил внимание министр просвещения Норов (нашлись люди, донесшие ему на крамольную диссертацию), и он набросился на декана Н. Г. Устрялова с упреками и требованиями отменить защиту. Однако факультет оказался на высоте положения и провел диспут (10 мая 1855 г. ст. ст.). Официальные оппоненты, Никитенко и Сухомлинов, выступали неопределенно и, хотя и не приняли положений Чернышевского, вяло оспаривали их. Ректор Плетнев сказал несколько ни к чему не обязывавших слов. Чернышевский защищался решительно и сильно. Публики было много, в том числе представители передовой интеллигенции. Они устроили Чернышевскому овацию, не лишенную политического характера. В результате факультет присудил Чернышевскому степень, но министр Норов не захотел утвердить это решение и положил дело под сукно. Чернышевский прождал более 3 лет. Он был утвержден в ней лишь в 1858 г., когда министра Норова сменил Ковалевский. Но тогда степень была уже не нужна Чернышевскому: он более не собирался сделаться профессором университета, как в 1855 г.; он уже стал вождем русской революционной демократии.

Университетский устав 1835 г. предусматривал одно мероприятие, которое, без сомнения, способствовало оживле-

нию научных интересов в среде студенчества и повышало общий уровень учебной жизни университета, а именно: присуждение медалей и почетных отзывов студентам, представившим сочинения на темы, предложенные советом. Такие темы, или, как они назывались тогда официально, «задачи», давались каждый год по различным отраслям знания, например, по математике, истории права, химии, физике, русской и всеобщей литературе и т. д. Темы выдвигались довольно

Н. Г. Чернышевский.

серьезные, требовавшие некоторого самостоятельного исследования, и молодежь охотно откликалась на этот научный конкурс. Впервые медали присуждались в 1837/38 г. Среди студентов, подавших сочинения и получивших премии, был ряд даровитых юношей, впоследствии прославившихся в науке. Так, в 1846/47 г. серебряную медаль за исследование о фольклорном характере Илиады и Одиссеи, написанное, согласно условию, на латинском языке, получил М. М. Стасюлевич, тогда студент IV курса; в 1847/48 г. за сравнительное исследование поэзии Крылова и Пушкина— почетный отзыв получил второкурсник В. Я. Стоюнин, впоследствии знаменитый педагог и известный литературовед. В 1852/53 г. за работы по истории русской комедии от

Сумарокова до Шаховского золотые медали получили студенты А. П. Пыпин (IV курс) и О. Ф. Миллер (II курс). В 1853/54 г. за исследование «О языке Русской правды» золотую медаль получил будущий историк и литератор Д. Л. Мордовцев, а серебряную — будущий ученый славист В. И. Ламанский (оба — студенты IV курса). В 1854/55 г. за исследование хвойных растений петербургской флоры золотую медаль получил второкурсник А. С. Фаминцын, впоследствии крупнейший ботаник. В 1860/61 г. за сочинение на тему «Апполоний Тианский и его время» серебряную медаль получил Д. И. Писарев, наш знаменитый критик, тогда студент IV курса. Наконец, в 1863/64 г. за сочинение на тему «О печеночных мхах», по кафедре ботаники, был награжден золотой медалью вольнослушатель Климент Тимирязев.

Первым ректором, избранным по новому уставу, был И. П. Шульгин, историк Запада. В 1840 г. ректором был избран П. А. Плетнев, переизбранный в 1844 и 1848 гг. и покинувший ректорский пост только осенью 1861 г. Это был удачный выбор. Плетнев, человек способный, благожелательный, аккуратный, хотя и неяркий, умел ладить со всеми; он был удобен для правительственных кругов, так как не перечил им; он пользовался уважением молодежи как друг Пушкина, член славной пушкинской плеяды, друг Гоголя; наконец, он был вполне приемлем для передовой профессуры как человек, хотя и консервативно настроенный, но безусловно честный, чуждый чиновничьих интриг и жандармских нападок на культуру. С 1861 г. ректором стал профессор-химик А. А. Воскресенский.

На первых порах жизнь и работа университета после издания нового устава протекала нормально. На ежегодных торжественных актах, связанных с выпусками студентов, университет имел право и возможность отчитаться в своих успехах перед обществом. Правда, этим актам, на которых произносились и научные речи-доклады ведущими профессорами университета, придавался несколько официально-монархический оттенок. Так, в программу акта в 1838 г., когда университет уже вернулся в свое исконное здание «Двенадцати коллегий», кроме речи ректора Шульгина, давшего очерк истории нашего университета за 18 лет, и имевшего значительный успех «Похвального слова Петру Великому» Никитенко, была включена еще речь на латинском языке проф. Грефе, содержавшая благодарность Николаю I за его «благодеяния» университету. Тогда же — в память преобразования университета по новому уставу и переселения его в старое здание — была выбита медаль: на одной ее стороне был портрет Петра I, а на другой аллегорическая фигура России,

указывающей на 1724 и 1835 годы, с надписью «единым вдохновением».

О том, как строилось преподавание в университете, можно судить, например, по перечню курсов и занятий, осуществленных на всех факультетах в 1836/37 г. В этом году на философском факультете преподавались психология и логика, метафизика, история древняя, средних веков и новая, российская история, политическая экономия, греческий язык и словесность, римская словесность и латынь, история русской литературы, основания философского языкоучения, теория прозаической и поэтической словесности, философия изящного, языки арабский, турецкий, персидский, новые языки (французский, немецкий, английский, итальянский) с историей соответствующих литератур. На юридическом факультете читались курсы: энциклопедия законоведения, российские государственные законы, римское гражданское право, история римского права, введение в науку общенародного правоведения, дипломатия, российские гражданские законы, полицейские и уголовные законы, государственное благочиние и благоустройство, основные законы, законы о состояниях, сельское хозяйство, лесоводство и торговое счетоводство.

Наконец, на факультете математическом излагались: дифференциальное и интегральное исчисление, алгебра, плоская и сферическая тригонометрия, аналитическая и начертательная геометрия, теория теней и перспективы, теоретическая механика, физика невесомых тел с теорией теплорода и электричества, теория электродинамических явлений, теория света, химия тел неорганических и органических, минералогия, геогнозия, ботаника, физиология растений, тайнобрачные растения, петербургская флора, зоотомия, естественная история слизняков и теория развития животных.

Количество студентов в Петербургском университете в 30-х и 40-х годах неизменно возрастало. В 1837 г. их было 333, в 1848 — более 700, к 1859 число студентов доходило до 1000, а к 1861 г. почти до 1500 чел. Из общего числа студентов значительное большинство было своекоштных, остальные — стипендиаты (казенные пансионеры)[1] и вольнослушатели. Больше всего студентов было все время на юридическом факультете; из отделений философского факультета сначала было многолюднее филологическое, а затем, с 50-х годов, когда в русском обществе и, в частности, в кругах передовой молодежи особенно распространилось увлечение

[1] Число казеннокоштных студентов было в 1835 г. сокращено до 20, а в 1850 г. они были упразднены. Казенные пансионеры это были стипендиаты ведомств, готовивших для себя чиновников, например, преподавателей тех или иных дисциплин, судебных чиновников в Польше, чиновников Кавказского наместничества.

естественными науками, — естественно-математическое. Среди филологов всегда было много востоковедов, иной раз больше, чем остальных. Несмотря на значительные социальные сдвиги в стране, студенчество Петербургского университета рекрутировалось все еще главным образом из дворянства (об этом имело особое попечение начальство). В 1836 г. из 241 студента 185 было дворянами. В 1860 из 1442 студентов сыновей дворян (и чиновников) было 1164, из духовенства 64, из купечества 102, мещан, цеховых и др. 112. Всего с 1836 по 1863 г. университет окончило 2223 чел., в том числе 1595 со степенью кандидата и 628 с званием действительного студента.

В 1835—1863 гг. значительно выросла материально-учебная и научная база университета. В 1861 г. университетская библиотека насчитывала уже около 74 000 томов, кроме заведенной особо студенческой библиотеки (около 4000 томов), которая впоследствии также влилась в общую. Выросли и кабинеты: нумизматический, минералогический, ботанический, зоологический, физический, химический (и лаборатория), технологический (организованный в 1848 г.), сельскохозяйственный (тогда же).

На протяжении почти тридцатилетнего действия устава 1835 г. структура университета не оставалась неизменной, произошло немало потрясений, особенно в конце этого периода. Сразу же после введения нового устава был значительно обновлен состав университетских профессоров и преподавателей; многие были уволены за выслугой 25-летнего срока и по иным поводам (в том числе бывший ректор Дегуров и др.). На их места были назначены по преимуществу молодые ученые, посланные за несколько лет до этого за границу и числившиеся в «профессорском институте».

В 1839 г. была произведена важная реформа в университете: была введена плата за обучение. Все своекоштные студенты и вольнослушатели должны были платить за право слушания лекций по 100 руб. ассигнациями в год. От платы освобождались только представившие официальное свидетельство о бедности, своей или родителей; ясно, что в условиях того времени добыть такое свидетельство было и нелегко и унизительно. После ликвидации разницы ассигнационного и металлического рубля плата была повышена: в 1845 г. — до 40 руб. серебром, в 1848 г. — до 50 руб. серебром.

В 1840 г. в Петербургском университете была принята предложенная его советом пятибалльная система оценки знаний студентов (вместо прежней четырехбалльной с дробями). Согласно этой системе, окончивший университет получал звание действительного студента в том случае, если средний балл его оценок был не ниже 3, а кандидата не ниже 4½;

кроме того, для получения степени кандидата надо было представить научную работу.

С 1839 г. при университете было организовано два дополнительных отделения для обучения специалистов, практически подготовленных для определенных мест в системе государства: реальное отделение, готовившее по заданию и на счет министерства финансов преподавателей технических наук, и молдавское отделение или кафедра, готовившая по заданию и на счет министерства иностранных дел чиновников для Бессарабии, знающих молдавский язык (студенты были, по преимуществу, молдаване). Первое из этих отделений с 1839 по 1840 г. подготовило 6 техников и затем было закрыто до 1849 г., когда на него опять было принято 6 студентов, закончивших курс в 1851 г. Что касается молдавского цикла, то он готовил специалистов до 1858 г. С 1845 г. в университете были учреждены кафедры армянского, грузинского и татарского (азербайджанского) языков; в число студентов на эти кафедры вступали молодые люди, специально присланные из Тбилиси с целью подготовки их к чиновническим местам на Кавказе.

В 1841 г. совет университета разработал проект образования на юридическом факультете разряда (цикла) камеральных наук, т. е. финансово-хозяйственных наук. В 1843 г. этот разряд был открыт. В нем преподавались такие науки: государственное право, финансовое законодательство, политическая экономия, статистика, технология, агрономия, архитектура и др. С 1860 г. камеральный разряд был реорганизован в административный.

В 1843 г. во всех университетах было введено новое звание доцента (впоследствии приват-доцента); доцентами являлись магистры (и доктора), не включенные в штат, но имевшие право читать лекции студентам без жалования, получая лишь единовременные денежные выдачи.

Последним в царствование Николая I изменением структуры Петербургского университета была организация особого факультета восточных языков, выделенного из филологического отделения философского факультета царским указом в 1854 г. Еще в 1845 г. попечителем Петербургского округа был назначен М. Н. Мусин-Пушкин, ранее усердно насаждавший ориенталистику в Казани, где он был попечителем. Он-то и подал проект о закрытии восточного факультета в Казани и Института восточных языков в Одессе с целью сосредоточить все силы русского востоковедения в Петербурге. Проект Мусина-Пушкина был принят и осуществлен указом 1854 г. Новый факультет Петербургского университета включал кафедры (или циклы) арабского, персидского, турецко-татарского, монголо-калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского, манчжурского языков.

* * *

До 1848 г. жизнь Петербургского университета, хотя и скованного опекой сановника-попечителя и общими тяжелыми условиями николаевского режима, развивалась все же нормально. Но как только пришли в Россию первые вести о революции 1848 г., правительство Николая I насторожилось, а по мере углубления и расширения революционных событий на Западе русские власти все более резко завинчивали пресс реакции. Началось так называемое мрачное семилетие дикого разгула реакции, репрессий, мракобесия, семилетие чудовищного похода царизма против русской культуры, против свободной мысли, против общественного движения и науки.

Уже в марте 1848 г. правительство запретило отпуска и командировки за границу для всех служащих по министерству народного просвещения. В апреле 1849 г. царь издал приказ, фактически обрекавший русские университеты на смерть: этим указом число студентов в каждом университете ограничивалось тремя стами. А так как фактически студентов было гораздо больше, то указ предлагал не производить новых приемов в университеты до тех пор, пока число студентов не снизится до нужного уровня, т. е. несколько лет. Оголтелая реакция в делах просвещения испугала даже министра С. С. Уварова, уже более 15 лет усердствовавшего в качестве верного слуги Николая I и душителя свободной мысли. Он оказался слишком умеренным. Осенью 1849 г. он заболел на нервной почве и вскоре был уволен в отставку. Между тем, реакция углублялась. В октябре того же года советы университетов были лишены права выбирать ректора, а факультеты — деканов; при этом, если ранее ректор избирался непременно из числа членов совета, то теперь ректор, назначаемый властями, мог быть лицом, посторонним университету. Первым назначенным ректором Петербургского университета был Плетнев, ранее трижды избиравшийся советом. Тогда же деканам было предписано строжайшим образом следить за содержанием преподавания, дабы в нем не укрывалось ничего несогласного «с учением православной церкви или с образом правления и духом государственных учреждений».

Затем правительство стало «наводить порядки» в учебных планах университета. Так, совершенно исключалось преподавание в нем государственного права европейских держав, «потрясенных внутренними крамолами и бунтами». Затем упразднялось преподавание философии, о которой Николай I говорил, что «польза от нее не доказана, а вред возможен». Из области философских наук сохранялись лишь логика и психология; эти науки даже объявлялись обязательными для

всех факультетов, но зато они организационно причислялись к кафедре богословия, т. е. преподавание их поручалось священникам, профессорам богословия.

В 1850 г. университеты были лишены права бесцензурной выписки книг из-за границы. В том же году было повелено принимать в университеты преимущественно дворян; таким образом, правительство старалось сберечь университет и от «опасных» идей и от «опасных» социальных элементов. Наконец, в 1854 г. было предписано царем ввести в университеты военную муштру по всем правилам николаевской «фрунтомании». Петербургский университет задыхался. Наконец, наступило облегчение: Николай I умер. Правительство Александра II было принуждено пойти на уступки. Началась пора реформ. Оживилась общественная мысль: в стране складывалось и нарастало мощное общественное движение «низов», развернулась деятельность вождей радикального и революционного течений, великих демократов Чернышевского и Добролюбова. Рушились официальные авторитеты. От года к году русская интеллигентная молодежь все более связывала свой путь с народом, с революцией. Русские университеты вообще и Петербургский университет в частности не стояли в стороне. В аудитории пришли молодые либеральные профессора. Студенчество же, особенно демократическая, неимущая его часть, было увлечено подъемом передового движения. Чернышевский, Добролюбов, позднее Писарев стали учителями, вождями, кумирами студентов. В студенческой среде широкое распространение имели запрещенные правительством литературные произведения и зарубежные революционные издания («Колокол» Герцена и др.); создавалась особая рукописная нелегальная студенческая литература. Слово «студент» становится наименованием передового человека, юноши, преданного делу народа. Студенты чувствуют силу своего коллектива. Реакционеры побаиваются их.

Уже в 1855 г. началась отмена мракобесных распоряжений. В конце этого года было отменено ограничение числа студентов. Весной 1856 г. была отменена фрунтовая муштра; в 1857 г. — возобновлено преподавание государственного права европейских держав, было восстановлено право университета на бесцензурную выписку заграничных книг. Затем восстанавливается преподавание философии, и логика с психологией возвращаются философам от богословов. Далее, сотрудникам университета разрешается выезд за границу, и некоторые из них получают заграничные командировки. Готовится новый университетский устав. В Петербургском университете открываются новые кафедры (в том числе кафедра всеобщей истории литературы, порученная молодому и передовому ученому А. Н. Пыпину, родственнику и сотруднику Чернышевского).

Новая и оживленная общественная атмосфера и новые течения в жизни университетов вообще и Петербургского университета в частности сказались вскоре на всем характере жизни студенчества. Началось общественно-политическое движение петербургских студентов, все более приобретавшее радикальный политический смысл. Университет становится одним из центров передовой общественно-политической мысли и деятельности в царской столице. В 1858 г. было разрешено устраивать в университете публичные лекции для всех желающих. Эти лекции могли сплотить вокруг университета более широкие слои интеллигенции. В то же время обычные академические лекции университета стали явочным порядком посещаться молодежью, вовсе не числившейся в составе студентов; в аудитории университета пришла и женская молодежь, стремившаяся к знанию и к женскому равноправию. В то же время стали складываться студенческие организации, кружки. Началось с музыкального кружка, на первых порах далекого от политики, но затем тоже сделавшегося одной из организаций передовой студенческой общественности. Этот кружок образовался еще в 40-х годах и с 1847 г. стал устраивать благотворительные концерты (в пользу неимущих студентов), с участием также профессионалов-артистов. Эти концерты в 50-х годах были весьма популярны.

В 1857 г. было положено начало студенческой печати Петербургского университета выходом в свет первого тома студенческого сборника, включавшего и научные работы студентов, и летопись внутренней жизни университета. Редакция сборника также явилась регулярно действующей организацией студенческой общественности. Тогда же возникла касса взаимопомощи, руководимая и редакторами сборника, и советом депутатов студентов всех факультетов. Профессора помогали кассе, бесплатно выступая с публичными лекциями, на которые собиралось много народу. Студенчество, остро реагировавшее на все явления политической жизни в стране и на все события в жизни своего университета, стало собираться на сходки, и, несмотря на официальное запрещение сходок, никто не решается воспрепятствовать студентам. Студенты свободно обсуждают и лекции, и поведение своих профессоров. Социальный состав студенчества несколько демократизируется, и власти все более широко применяют освобождение студентов от платы за учение. Один современник, студент Петербургского университета, назвал своих товарищей «мыслящим пролетариатом». Другой современник утверждал, что в России не было в те годы «ни одного верноподданного студента». Группа московских консервативных профессоров писала в 1861 г.: «Студент в России является уже не учащимся, а учителем общества; последнее

смотрит на него с некоторой гордостью и некоторым уважением. В глазах многих студент представляет будущую надежду России». О новой жизни и новых стремлениях студентов Петербургского университета писали и Д. И. Писарев, и Н. В. Шелгунов, по словам которого Петербургский университет являлся барометром общественного настроения.

С 1858 г. в университете начались первые «студенческие волнения». В этом году было издано правительственное распоряжение, запрещавшее студентам выражать в аудиториях свое одобрение рукоплесканиями и гиканьем, криками — неодобрение. Однако студенты вошли уже во вкус демонстративных приветствий, адресованных передовым профессорам, и обструкций, направленных против реакционеров.

В 1858 г. некие полицейские оскорбили студента Петербургского университета Рашевского. Он пожаловался шефу жандармов Шувалову, который обругал и выгнал его. Тогда все студенты, как один, возмутились. Городские власти испугались и пошли на уступки, на полуизвинения. Правительственные круги были смущены, увидев сплоченность студенчества как коллектива. Зимой того же года недалеко от университета на 3-й линии Васильевского острова загорелся дом. Группа студентов усердно помогала спасать людей и их имущество. Это не понравилось полицейским, и, поощряемые приставом, они избили студентов. Студенты реагировали на этот дикий эпизод бурными сходками. Ректор Плетнев растерялся. Студенты потребовали от попечителя защиты и добились назначения следственной комиссии, которая оправдала студентов и осудила полицейского офицера.

Между тем, правительство, напуганное ростом революционных настроений в стране и, в частности, среди студенческой молодежи, вступило на путь реакции и стремилось исподволь вернуть университеты к временам Николая I или, может быть, подвергнуть их еще худшей участи. Началась борьба, из которой власть не вышла победителем.

В 1859 г. царь велел подчинить студентов (вне помещения университета) надзору и «установлениям» полиции, как и всех других граждан (до этих пор студенты подчинялись только университетским властям). Затем был установлен порядок, согласно которому полиция и университетское начальство должны были совместно следить за студентами. Тогда же было приказано принимать в университеты юношей не с 16, а с 18 лет. Затем были созданы особые правила приема, по которым приемная комиссия могла легко отметать неугодных ей кандидатов в студенты. Герцен писал в 1859 г.: «Из 375 молодых людей, державших экзамен для поступления в Петербургский университет, приняты 73 человека. Что это? Просто безумие и глупость или иезуитский план, имеющий целью исподтишка возвратиться в педантском

костюме к тупой, но откровенной николаевской войне против университетов? Кто экзаменует? Жандармы или профессора?» В 1860—1861 гг. реакция давала себя чувствовать все ощутительнее. Студенчество сплотилось еще сильнее. 8 февраля 1861 г. на акте Петербургского университета проф. Костомаров должен был читать речь о К. С. Аксакове. Начальство боялось студенческих демонстраций, связанных с именем передового деятеля, и отменило выступление Костомарова. Студенты встретили известие об этом криками, топаньем, шумом. Представители администрации убежали из зала. Наконец, ректор Плетнев успокоил зал, обещая, что речь Костомарова будет прочтена в ближайшем будущем. Однако в ближайшем будущем появилось объявление ректора, что в случае беспорядков будут исключаться все студенты, находившиеся в данном помещении. Следующие дни были беспокойны. Наконец, 1 марта произошло политическое выступление студентов: они приняли активное участие в торжественной панихиде по жертвам расстрела манифестации в Варшаве. Начальство попыталось сделать вид, что в панихиде участвовали только поляки, и привлечь к ответственности только их. Тогда русские студенты написали заявление о том, что они также принимали участие в этой демонстрации; заявление было подписано, примерно, тремя стами студентов, из которых многие вовсе и не были на панихиде. Одновременно с этим демонстрации и волнения прокатились и по другим университетам. Царь рассердился. Он назначил комиссию из трех сановников для разбора записки о средствах к прекращению студенческих беспорядков, представленной министром просвещения. В итоге были выработаны новые правила жизни университетов, сковывавшие их по рукам и ногам. Правила не только совершенно запрещали сходки и вообще всякие проявления студенческой общественности, но и нажимали на неимущую часть студентов, главную опору «бунтов», почти полностью отменяя практику освобождения студентов от платы. В 1859 г. в Петербургском университете из 1019 студентов было освобождено от платы 659, т. е. 65%, по новым же правилам можно было освободить, примерно, 1 % студентов.

Новые правила были изложены в матрикулах, впервые введенных тогда книжках, представлявших собою и билет для входа в университет, и вид на жительство студента, и список сданных им экзаменов. Они были введены летом 1861 г. Съехавшись к началу учебного года, студенты Петербургского университета были возмущены новыми порядками. Они выделили тайный комитет для борьбы. Вождями студенчества были: Е. П. Михаэлис, «нигилист», человек сильной воли и революционного темперамента, ученик Чернышевского, Н. И. Утин (брат профессора), тоже горячий, страстный

юноша-революционер, а также М. П. Покровский и Н. А. Неклюдов. Начались сходки-митинги протеста. Начальство приказало закрыть пустые аудитории, чтобы студентам негде было собираться. Тогда в университете появилось воззвание, призывавшее к борьбе: «Мы — легион, потому что за нас здравый смысл, общественное мнение, литература, профессора, бесчисленные кружки свободомыслящих людей... Нас много, более даже, чем шпионов. Стоит только показать, что нас много. Главное — бойтесь разногласия и не трусьте решительных мер. Имейте в голове одно — стрелять в нас не смеют: из-за университета в Петербурге вспыхнет бунт». Затем толпа студентов, человек до 500, взломала двери и окна актового зала и ворвалась в него. Н. Утин произнес речь, требуя отмены новых правил. Собрание было бурное. Появившегося в зале проректора проф. Срезневского, пытавшегося успокоить студентов пустыми фразами, прогнали криками «вон» и т. п. Сходка постановила: не подчиняться новым правилам и новых матрикулов не признавать. Затем она спокойно разошлась.

Правительство решило принять крутые меры, и университет был немедленно закрыт. Тогда студенты стали стекаться к запертому зданию своей almae matris под разными предлогами. Собралось до 1000 человек. Во дворе университета они открыли митинг, затем организовали демонстрацию по центральным улицам столицы и направились к квартире попечителя Филипсона. К демонстрации примкнула многочисленная молодежь, учащиеся других учебных заведений и др. Правительство стянуло отряды полиции, возглавляемой генерал-губернатором и обер-полицмейстером. Начальник III отделения примчался к месту события. Филипсон пустился в переговоры: он обещал принять студенческих депутатов и гарантировал честным словом их неприкосновенность. После этого студенческая колонна двинулась обратно, ведя с собою Филипсона, а полиция, как и прежде, следила за демонстрацией с тротуаров. В университете, в зале совета, собралось все начальство, и туда же явилась депутация студентов. Филипсон обманул ее, обещав открыть университет вновь. Толпа перед университетом разошлась. Вечером 25 сентября состоялось заседание совета университета, на котором Филипсон требовал решительных мер. Передовые профессора резко возражали, говоря, что они — профессора, а не полицейские, и не могут навязывать студентам правила, которым они не сочувствуют. Попечитель вел себя угрожающе. Тем не менее его предложение провалилось, собрав 14 голосов против 15. Филипсон покинул заседание, пригрозив обо всем доложить министру. В тот же вечер дело о студенческой демонстрации в Петербургском университете обсудил сенат. В результате ночью было арестовано несколько десятков студен-

тов, в том числе депутаты, неприкосновенность которых была гарантирована Филипсоном в присутствии и с согласия начальника III отделения Шувалова. Эти аресты произвели потрясающее впечатление в столице, вызвав возмущение широких кругов интеллигенции. Через день, 27 сентября, студенты, не павшие духом, вновь собрались на сходку в университете во дворе и на набережной. Собралось до 600 студентов и огромная толпа посторонней публики, в том числе много офицеров, пришедших со специальной целью защиты студентов от полиции и войск правительства. Студенты требовали освобождения арестованных. Переговоры Филипсона ни к чему не привели. Студенты написали адрес министру, излагающий их требования. Между тем, в зале совета собрались все городские власти, а двор университета был оцеплен полицией и войсками. Начались стычки между студентами и офицерами, участвовавшими в сходке, с одной стороны, и полицией — с другой. Наконец, под угрозой применения силы, сходка разошлась. В следующие дни сходки повторились. Продолжались и аресты. Власти действовали сурово. Университет был занят войсками. Студенческие активисты сидели в Петропавловской крепости. Весь город был как в лихорадке. Передовые профессора ходатайствовали за студентов, а затем отказались раздавать матрикулы. К ним постепенно примкнули и более отсталые ученые. Ведущую роль среди передовой профессуры играли Кавелин, Спасович, Костомаров, Пыпин, Стасюлевич, Утин. 1 октября студенты были извещены через газеты, что им предлагается посылать по почте ректору прошения о выдаче матрикула; те, кто этого не сделает, автоматически будут отчислены. Профессора, даже передовые, советовали студентам уступить и брать матрикулы. Но студенты пошли дальше своих либеральных профессоров и открыто предавали их позору. Все же около 500 студентов испугалось и взяло матрикулы. Остальным было предложено в 48 часов покинуть Петербург, но никто не послушался. 11 октября университет был открыт для пятисот оппортунистов и трусов, однако они не явились (пришло всего человек 50), и занятия были сорваны. На следующий день перед университетом опять собралась толпа студентов и не студентов. Настроение было боевое. Испугавшиеся ранее студенты открыто рвали свои матрикулы и бросали их на мостовую. Явились войска, захватили около 100 студентов и повели их. Толпа шумно выражала сочувствие молодежи, и студенты, еще бывшие на свободе, кричали: «И мы с вами, отведите и нас в крепость». Наконец полиция схватила еще около 130 студентов, причем были стычки, и немало студентов было тяжко избито.

Университет не функционировал, так как оставшиеся студенты фактически бастовали; иногда происходили лекции

на физико-математическом факультете, на остальных же их вовсе не было. Даже некоторые профессора решили не являться на занятия. Вскоре несколько профессоров — Кавелин, Стасюлевич, Пыпин, Спасович, Утин — демонстративно вышли в отставку. Тогда же был уволен (по болезни) ректор Плетнев и на его место назначен Воскресенский. Сходки продолжались. Наконец, 20 декабря, распоряжением царя Петербургский университет был вновь закрыт впредь до издания нового университетского устава, а автор новых «правил», из-за которых загорелся весь сыр-бор, министр Путятин был уволен в отставку. Это была победа студенчества. Арестованных студентов содержали весьма мягко. 4 декабря их участь была решена. Пятеро «славных зачинщиков» (в том числе Михаэлис) были высланы в отдаленные губернии; 32 чел. — исключены из университета с правом держать выпускные экзамены и оставлены в Петербурге под надзором полиции, в случае представления поручителей; остальным было сделано «строгое внушение», и только. Это была также победа студенчества.

20 января 1862 г. был вновь открыт факультет восточных языков, с осени 1862 г. открылся физико-математический; остальные же открылись лишь с осени 1863 г. уже при новом уставе.

* * *

Второй период жизни Петербургского университета, с 1835 по 1863 г., был отмечен значительным ростом научных сил по всем отраслям деятельности. В середине века в Петербургском университете развертывается работа целой плеяды замечательных деятелей русской науки. Отличались все факультеты, но, может быть, более других — физико-математический. На нем выделилась группа выдающихся русских математиков. На кафедре чистой и прикладной математики с 1841 г. блистал О. И. Сомов; еще в 1838 г. он издал свою «Теорию определенных алгебраических уравнений высших степеней», за которой последовал ряд трудов по высшей математике, а также учебных пособий.

В 1846—1848 гг. в Петербургском университете начали работать два великих математика, завоевавших всемирное признание, В. Я. Буняковский и П. Л. Чебышев. Буняковский 22 лет от роду был уже академиком. Университетское его преподавание, отличавшееся ясностью и изяществом изложения, пользовалось большим успехом. Основные его исследования относятся к дифференциальному и интегральному исчислениям, к теории вероятностей, к теории чисел. Следует отметить, что В. Я. Буняковский не замыкался в отвлеченную науку: он сотрудничал в радикально-демократическом журнале Некрасова и Белинского «Современник»

(1848), где опубликовал работу о научной статистике; позднее он напечатал свою речь «Мысли о движении народонаселения вообще».

П. Л. Чебышев читал самые разнообразные математические курсы. В 1859 г. он был избран академиком. Великие открытия Чебышева значительно подвинули вперед мировую

П. Л. Чебышев.

математическую науку. Основные труды его были опубликованы в изданиях Академии наук. Отдельно на русском языке были изданы его «Опыт элементарного анализа теории вероятностей» и «Теория сравнений». В области практической П. Л. Чебышев работал над проблемами, относящимися к военному делу, в частности к артиллерии.

На кафедре астрономии и геодезии с 1839 г. работал А. Н. Савич, блестящий ученый, создатель значительной научной школы, автор множества ценных трудов, среди кото-

рых упомянем, например, «Приложение теории вероятностей к вычислению астрономических наблюдений» (1857).

На кафедре химии с 1839 г. работал А. А. Воскресенский, совмещавший занятия теоретической химией с прикладной, агрономической. Это был выдающийся организатор и педагог, воспитавший целое поколение учеников, среди которых были такие, как Менделеев, Соколов, Н. Бекетов, Меншуткин и много других.

С 1857 г. приступил к работе в Петербургском университете гениальный русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев. Он начал печататься как ученый еще студентом Педагогического института. 22 лет он защитил магистерскую диссертацию «Об удельных объемах», а в следующем году поступил в университет доцентом. В конце 50-х годов великий химик напечатал ряд статей, касающихся практических технических проблем («О сушении белка», «Об успехах металлургии железа», «О дымосожигании» и др.). В 1859 г. он был направлен в двухлетнюю научную командировку за границу, где опубликовал работы, сразу обратившие на него внимание западных химиков. По возвращении же на родину Менделеев напечатал в 1861 г. два труда: один по-французски: „Essai d'une théorie sur les limites des combinaisons organiques", другой по-русски: «Органическая химия».

Блестящим сотрудником Менделеева был другой ученик Воскресенского, П. Н. Соколов, начавший работать в Петербургском университете с 1859 г. В это время он уже завоевал почетную известность рядом выдающихся исследований.

В самом конце данного периода, с 1861 г., начали свою работу в университете два замечательных ботаника: А. Н. Бекетов и А. С. Фаминцын. Кафедру зоологии занимал с 1837 до 1861 г. С. С. Куторга, усердный педагог и глубокознающий ученый, автор ряда трудов не только по зоологии, но и по палеонтологии и по геологии. В качестве популяризатора современного естествознания и пропагандиста его С. С. Куторга сделал много для развития русской науки и просвещения вообще.

Значительно оживилась в середине XIX века и работа филологов и историков. По кафедре всеобщей истории с 1835 г. работал М. С. Куторга, крупный ученый, специалист по древней и средней истории и прекрасный педагог, насаждавший активные методы преподавания (семинарский метод). С 1838 г. на той же кафедре работал М. И. Касторский — славист и медиевист. С 1852 г. начал работать прекрасный педагог, талантливый ученый, автор многих трудов по средним векам, либерал-общественник М. М. Стасюлевич, впоследствии знаменитый издатель-редактор буржуазно-либерального журнала «Вестник Европы», приятель И. С. Тургенева и многих других русских писателей.

Кафедрой русской истории до 1859 г. ведал известный ученый Н. Г. Устрялов; правда, к середине века его метод и установки уже устарели. Его сменил (на три года) Н. И. Костомаров, возвращенный из ссылки в Саратов, автор известных трудов по истории России и Украины в XVI—XVII вв. Кафедру русской словесности продолжал занимать безнадежно устаревший к 50-м годам Плетнев; не менее устарел и Никитенко, все еще читавший теорию словесности. Но с 1852 г. начал работать на кафедре молодой тогда М. И. Сухомлинов. В 1856 г. он защитил свой классический труд «О древней русской летописи как памятнике литературном»; с 1853 г. начал выходить ряд его исследований о древнерусской литературе и литературе XVIII века. Сухомлинов внес струю новых научно-исторических методов в преподавание родной литературы в Петербургском университете.

Кафедра истории и литературы славянских наречий, т. е. русско-славянского языкознания, с 1847 г. попала в твердые руки замечательного ученого и внимательного педагога И. И. Срезневского, одного из создателей современной науки славянской филологии. Кафедра всеобщей истории литературы, учрежденная впервые в 1860 г., была занята (до ноября 1861 г.) молодым и весьма выдающимся ученым, А. Н. Пыпиным, человеком ярким, передовым и талантливым. После защиты магистерской диссертации, явившейся событием для всего европейского литературоведения, Пыпин был командирован за границу и по возвращении читал «Историю провансальской и французской литературы в средние века». Впоследствии Пыпин прославился как историк русской литературы и этнографии, глава «историко-культурной школы» литературоведения.

Серьезные ученые работали в середине века и по востоковедению. До 1847 г. кафедру арабского языка и словесности занимал О. И. Сенковский, затем смененный арабским ученым шейхом Тантави. Персидскую филологию преподавал мирза Джавар Топчибаши, а с 1849 г. — замечательный исследователь, соединявший восточную ученость с европейской культурой, А. К. Казем-Бек. Тюркские языки преподавал Л. З. Будагов, опубликовавший много трудов в этой области. Китайская филология находилась в руках В. П. Васильева, автора ряда работ о Китае, Тибете и Маньчжурии. Монголоведение в Петербургском университете учредил с 1855 г. А. В. Попов, совмещавший знание монгольских языков с практической деятельностью среди калмыков, бурят и других народов нашей страны. Древнееврейский язык и словесность разрабатывал один из наиболее замечательных семитологов в Европе Д. А. Хвольсон, санскрит — К. А. Косович. Конечно, на восточном факультете, как и на других, работало кроме указанных выдающихся ученых не-

мало менее заметных деятелей науки, в совокупности составлявших, однако, весьма мощный коллектив.

Наконец, юридический факультет также имел в своих рядах замечательных профессоров. Среди них видное место занимали такие выдающиеся либеральные общественные деятели, как В. А. Милютин, К. Д. Кавелин или В. Д. Спасович, вписавшие свои имена в историю буржуазно-либерального общественного движения эпохи. В. А. Милютин окончил Петербургский университет в 1847 г., с 1850 г. стал преподавать в нем на кафедре энциклопедии законоведения и русского государственного права, а затем на кафедре «законов благочиния и благоустройства». Будучи даровитым историком русского права, он много печатался в самом радикальном органе того времени «Современнике». Он умер 27 лет от роду в 1854 г. К. Д. Кавелин работал с 1857 г. по 1861 г. на кафедре русского гражданского права; еще с 40-х годов он начал печатать ряд трудов по истории права в России и по вопросам социологии. В. Д. Спасович окончил Петербургский университет в 1849 г. и преподавал в нем с 1856 по 1861 г. на кафедре уголовных и политических законов. Будущий знаменитый оратор-адвокат в те годы издал ряд работ по вопросам чисто юридическим. Из остальных профессоров-юристов следует упомянуть П. Д. Калмыкова, ведавшего кафедрой энциклопедии законоведения и русского государственного права с 1835 по 1860 г., и К. А. Неволина, ведавшего кафедрой русского гражданского права с 1843 по 1855 г. (автора ряда трудов по истории России).

Научно-общественная жизнь в университете не могла широко развернуться в условиях режима Николая I. Тем не менее, уже с 30-х годов усилиями замечательных русских ученых в Петербургском университете начали складываться свои научные школы. Вокруг ведущих профессоров группировалась молодежь, научные споры и искания выходили за рамки официальных уставов и за пределы аудиторий. Закладывались основы школы химиков проф. Воскресенским, математиков — Буняковским и Савичем, естествоведов — Куторгой, Бекетовым, языкознания — Срезневским и др.

Глава IV

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 60—90-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Общественное оживление первых лет царствования Александра II, обострение классовой борьбы, уступки прогрессивным силам, на которые принуждено было пойти правитель-

ство, — все это нашло отражение в университетском уставе 1863 г. Это был самый либеральный из всех царских уставов русских университетов. Благотворное влияние более свободного духа, продиктовавшего этот устав, не замедлило сказаться, в частности, в Петербургском университете, где вторая половина XIX века была периодом подлинного расцвета отечественной науки. Впрочем, этот расцвет был завоеван в ходе упорной и не прекращавшейся борьбы с правительством, которое уже через несколько лет после издания устава 1863 г. «спохватилось» и делало все возможное, чтобы урезать его действие с помощью отдельных распоряжений и циркуляров. Уже к 70-м годам устав стал некоей условной нормой, сведенной на-нет практикой властей.

Новый устав университетов разрабатывался около 5 лет, обсуждался во всевозможных комиссиях и, наконец, был утвержден царем 18 июня 1863 г. В основу устава была положена идея автономии университета как корпорации профессоров. Главным и в значительной степени независимым органом управления университета становился его совет. Совет выбирал ректора (утверждаемого министром), проректора, деканов, а также профессоров на вакантные кафедры. Только в случае незамещения кафедры в течение года министр мог назначить на нее профессора по своему усмотрению. Совет получил право делить факультеты на отделения, изменять состав кафедр, соединять и разделять их, командировать молодых ученых за границу. Все стороны учебной и научной жизни университета направлялись его советом. Он же утверждал в ученых степенях, без последующего утверждения попечителем или министром, как было раньше. Совет ведал всеми финансовыми делами университета. Ему были подчинены факультетские собрания (советы), руководившие учебной жизнью в пределах своей компетенции. Недаром реакционеры характеризовали внутреннее устройство университетов по уставу 1863 г. как республиканское. Даже сам ректор оказывался лишь исполнительным органом при совете, так же как правление — хозяйственным и административным. Кроме того, совет избрал особую комиссию из трех профессоров в качестве своего судебного органа, ведавшего проступками и преступлениями студентов. Таким образом, студенты как бы изымались из ведения общегражданских органов полиции и суда. Факультеты получили также право цензуровать сочинения своих членов.

В то же время, вводя автономию и свободу для профессоров, устав требовал учебной дисциплины от студентов; они должны были проходить курс по обязательному учебному плану и сдавать экзамены в соответствии с этим планом. Параллельные курсы, свободно объявляемые и читаемые приват-доцентами, не могли иметь места. Новый устав допускал

в университетские аудитории посторонних слушателей, но не женщин.

Новый устав значительно увеличивал ассигнования на материальную базу университетов. Так, по Петербургскому университету эти ассигнования увеличились в 4 раза, достигнув 21 900 руб. в год. Увеличены были и оклады всех сотрудников университета.

Вскоре после введения нового устава началась борьба с ним с двух сторон: со стороны студенчества, добивавшегося устранения опеки начальства, и со стороны правительства, недовольного «вольностями» университета. Студенчество в эти годы все более демократизировалось по своему составу; около 70% студентов в 70-е годы пользовались льготами по плате за учение. Студентам приходилось зарабатывать на хлеб, и они не могли аккуратно посещать лекции. Постепенно закрепился «незаконный» обычай, освобождавший студентов от обязательного посещения лекций. Это было лишь одно из проявлений студенческой борьбы с уставом, который запрещал какие бы то ни было студенческие организации, корпорации, кассы, библиотеки и т. д. А в 1867 г. дополнительно было запрещено студентам устраивать концерты, спектакли, чтения и вообще всякие публичные собрания. Между тем, студенты, и в частности в Петербургском университете, несмотря на все эти запрещения, усиленно развивали общественную и политическую жизнь, организовывали кружки, «землячества», устраивали сходки и вечера, выдвигали свои требования, как учебные, так и общеполитические. Начиная с 60-х годов, политическая жизнь уже не замирала в Петербургском университете. В конце десятилетия прокатилась новая волна студенческих «событий», а затем революционная работа в студенческой среде и вспышки «волнений» с каждым десятилетием нарастали, достигнув в 90-х годах чрезвычайного напряжения. По мере развития революционного движения в университетской среде, нарастала и волна реакционных мероприятий по отношению к университетам. Уже в 1866 г. появился циркуляр о недопущении лиц еврейского вероисповедания к преподаванию в университетах наук юридических, политических, исторических и словесных. Сам по себе этот циркуляр имел мало реального значения, особенно для Петербургского университета, где не было случаев применять его на протяжении всего XIX столетия, но он явился неким предупреждением, поскольку явно ограничивал свободу университета и оказывал правительственное давление на подбор преподавателей.

После студенческих волнений 1869 г. правительство приняло целый ряд мер, направленных на ограничение свободы действий университетских советов, на подчинение их попечи-

телю и министру. Затем в 1872 г. правительственные инстанции начали разработку нового устава. В связи с волнениями 1874 г. была составлена министерская комиссия, которая и решила, что «автономия профессорских коллегий» должна быть «ограничена», что должен быть «установлен другой порядок назначения профессоров», «правительственный контроль за направлением преподавания надлежит быть усилен», должен быть введен «правильный дисциплинарный строй» и «стеснен дальнейший приток учащихся, мало подготовленных в научном отношении и притом не обеспеченных в материальном»; последний пункт относился к демократическим прослойкам студенчества, наиболее обильно поставлявшим «горючий материал» политического движения, и, в частности, к семинаристам. В соответствии с решениями министерской комиссии, весной 1875 г. была назначена новая комиссия под председательством Делянова, состоявшая из матерых реакционеров, которая должна была собрать материал для реформы университетов в духе решений прошлого года; деляновская комиссия объезжала университеты. Петербургский университет встретил ее в штыки. Члены совета, видя в Делянове и его сотоварищах врагов своего любимого дела, отказались от каких бы то ни было частных переговоров с комиссией и ее членами. Профессора на запрос Делянова ограничились коллективным ответом, решительно возражавшим против «реформы» и защищавшим принципы устава 1863 г.

Настроение Петербургского университета по отношению к деляновской комиссии было таким, что члены комиссии испугались и не решились даже зайти в университет во время занятий и посетить хоть одну лекцию. Это и понятно; в середине 70-х годов студенчество Петербургского университета было в своей массе настроено революционно, да и по социальному составу оно было весьма демократично. Сам ректор Петербургского университета, как и большинство других ректоров, высказался против «реформы». Однако все это лишь раздражало правительство. Частично оно провело «реформу» в порядке особой «инструкции» 1879 г., явившейся ответом на университетские волнения 1878 г. В 1880 г. «реформа» была внесена в виде законопроекта в Государственный совет. Однако новый министр Сабуров, желая «успокоить» молодежь, т. е. решившись на уступки передовой общественности, задержал закон. Затем наступило 1 марта 1881 г. Сабуров был отставлен. Вскоре министром был назначен Делянов. Он вновь внес проект «реформы» в Государственный совет. Большинство совета высказалось против проекта, но Делянов добился утверждения его проекта Александром III, и в 1884 г. был введен новый университетский устав.

Новый устав был задуман как ликвидация «вольностей» 1863 г. По словам одного из вельмож той эпохи, если университетская реформа 1863 г. исходила из доверия к профессорам и желания усилить их влияние на студентов, то реформа 1884 г. была принята «как выражение недоверия к добросовестности и благонадежности профессорских коллегий». По новому уставу автономия совета университета была фактически уничтожена; выборность была аннулирована; вся жизнь университета была подчинена мелочной опеке министра и попечителя, который и оказался полным хозяином университета. Правительственный контроль за научно-учебной жизнью университета был усилен до крайнего предела. В то же время устав 1884 г. не был лишен тенденции лицемерно заигрывать со студенчеством. Он заключал в себе новые положения, предназначенные для того, чтобы «подкупить» бунтующих студентов. Устав устанавливал чисто внешнюю «вольность» студентов в прохождении ими курса; студенты могли проходить курс по индивидуальному плану; экзамены (переходные) отменялись и заменялись обширным списком государственных экзаменов, сдававшихся сразу, по окончании всего курса университета. Однако следует подчеркнуть, что и эти «вольности», довольно иллюзорные с самого начала, очень скоро были фактически отменены, тем более, что студенчество было в них весьма мало заинтересовано. Студенты вовсе не стремились уклоняться от прохождения нормального курса и экзаменов. Жизнь взяла свое, и властям пришлось постепенно восстановить нормализованное единое преподавание на каждом цикле, так же как и переходные экзамены, облегчив тем выпускные. Устав 1884 г. отменял степень кандидата. Окончившие университет получали, в зависимости от успехов, дипломы первой и второй степени.

Новый устав предлагал университетам развивать приват-доцентские курсы, параллельные с основными профессорскими, и создавать тем самым научное соревнование на факультетах. Однако эта разумная мера в условиях действия устава 1884 г. превратилась в формальность, поскольку как раз передовые молодые ученые не могли добиться получения таких необязательных «параллельных» курсов. К тому же устав 1884 г. вводил оплату приват-доцентов из денег, вносимых студентами за право сдавать данный курс. В результате этой странной меры приват-доценты, читавшие необязательные курсы, почти не получали за них денег. Это составляло своего рода классовый барьер, не допускавший демократические элементы к доцентуре и, стало быть, к профессуре. К 1896 г. в Петербургском университете из общего числа 95 приват-доцентов только 11 чел. получало гонорар свыше 600 руб. в год, 78 чел. не получало и 300 руб., т. е. обыкновенной студенческой стипендии; зато пятеро «счаст-

ливцев», читавших основные курсы, получали более чем по 4000 руб. в год.

Еще более решительно классовая политика нового устава давила на студенчество. Устав 1884 г. поручал дело присуждения неимущим студентам пособий чуждой университету инспекции, которая, конечно, блюла интересы «благонадежных» студентов. Новые порядки фактически превращали стипендиатов в «казеннокоштных», поселяли их в общежитиях-казармах под опекой педелей, своего рода полицейских, количество коих и усердие увеличивались в 90-х годах согласно особым распоряжениям властей. Были созданы всяческие ограничения и затруднения для поступления в университет семинаристов и позднее евреев (и тех и других начальство считало особо опасным в политическом отношении элементом). Общий поход против демократического студенчества выразился и в требовании платы за право сдавать экзамены, весьма обременительно ложившейся на неимущих студентов.

В то же время по уставу 1884 г. лица, поступающие в университет, должны были представить свидетельство от местной полиции о «безукоризненной» политической благонадежности. Вновь категорически запрещалось устройство каких бы то ни было студенческих собраний, даже концертов и балов, и каких бы то ни было студенческих общественных организаций, хотя бы столовых и кухмистерских. За нарушение правил устав предлагал университетскому начальству карать студентов выговором, арестом в карцере от 24 час. до 4 недель, временным удалением из университета, наконец — исключением. Следует отметить, что карцер реального применения в Петербургском университете не имел. В том же 1884 г. был издан циркуляр, согласно которому от окончивших студентов, оставляемых для подготовки к дальнейшей научной деятельности, непременно требовалось, кроме хороших отметок, еще и свидетельство о «неучастии» в студенческих «беспорядках».

На все эти притеснения студенчество отвечало усилением работы кружков, землячеств, а затем и открытыми организованными выступлениями. Крупные волнения происходили в 1884, 1887, 1890, 1894, 1896, 1899, 1900, 1901 и следующих годах Помимо общеполитических требований по отношению к университетским порядкам студенты требовали от правительства восстановления устава 1863 г., разрешения студенческих общественных организаций, отмены стеснений для поступления в университет семинаристов, евреев и реалистов (для окончивших реальные училища доступ в университет тоже был затруднен). Правительство приняло нелепую меру запрещения молодым людям учиться в каком бы то ни было другом университете кроме принадлежавшего к учебному

округу, в котором данный юноша окончил среднюю школу; студенчество требовало возвращения молодежи свободы выбирать любой университет. Студенчество требовало также допущения в университет женщин.

Положение в университетах было в самом конце XIX века настолько напряженным, что правительству пришлось итти на уступки. В 1899 г. были изданы «Временные правила» управления университетов, и правительство объявило, что оно готовит коренную реформу университетского дела.

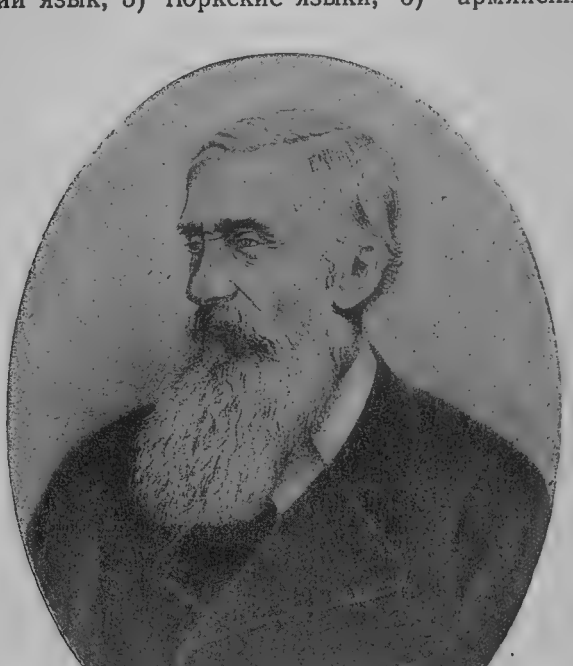
Таким образом, уставы 1863 и 1884 гг., которые должны были определить характер и формы работы Петербургского университета на протяжении нескольких десятилетий, фактически оставались более декларациями, чем реальными руководствами к действию. Сама же жизнь университета складывалась из взаимодействия и активной борьбы нескольких факторов: уставов, распоряжений царского правительства, посягательств и давления министра, попечителя, полиции, всяческих властей, с одной стороны, и творческой инициативы русских ученых, активности студенческой молодежи, воздействия общего развития радикального и революционного движения в стране, с другой.

Согласно уставам 1863 и 1884 гг. Петербургский университет должен был функционировать в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и факультета восточных языков. Устав 1863 г. увеличил количество кафедр и общее число преподавателей; число тех и других затем постепенно росло. В 1863 г. Петербургскому университету полагалось иметь 51 профессора, 24 доцента и 8 лекторов по иностранным языкам, а всего 83 штатных преподавателя. Первым ректором, выбранным по уставу 1863 г., был физик Э. Х. Ленц; первыми деканами: на историко-филологическом факультете И. И. Срезневский, на факультете восточных языков А. О. Мухлинский, на физико-математическом А. А. Воскресенский, на юридическом И. И. Ивановский.

Состав кафедр университета был такой: по историко-филологическому факультету по уставу 1863 г.: 1) философия (в понятие которой входили три дисциплины: логика, психология и история философии), 2) греческая филология, 3) римская филология, 4) сравнительная грамматика индоевропейских языков, 5) история русского языка и литературы, 6) славянская филология, 7) всеобщая история, 8) русская история, 9) история всеобщей литературы, 10) церковная история, 11) теория и история искусств. 1884 год внес незначительные изменения: кафедры греческой и римской филологии были слиты в одну — классической филологии, введена была новая кафедра географии и этнографии; были изменения и в наименованиях: например, кафедра всеобщей истории

литературы стала именоваться кафедрой истории западноевропейских литератур и др.

Факультет восточных языков имел в своем составе кафедры: 1) история Востока (с тремя отделами), 2) арабский язык и литература, 3) персидский язык и литература, 4) турецкий язык, 5) тюркские языки, 6) армянский язык



И. И. Срезневский.

и литература, 7) грузинский язык и литература, 8) китайский язык и литература, 9) монголо-калмыцкий язык и литература, 10) еврейский язык и литература, 11) санскритский язык и литература.

Физико-математический факультет имел по уставу 1863 г. кафедры: 1) чистая математика, 2) механика аналитическая и практическая, 3) астрономия и геодезия, 4) физика, 5) физическая география, 6) химия, 7) минералогия, 8) геогнозия и палеонтология, 9) ботаника, 10) зоология (включая сравнительную анатомию, систематику, физиологию), 11) техническая химия, 12) агрономическая химия. Устав 1884 г. сократил число кафедр этого факультета до 10 путем сли-

яния кафедр физики и физической географии и кафедр минералогии и геологии.

Юридический факультет состоял из следующих кафедр (по уставу 1863 г.): 1) римское право, 2) история законодательств, 3) гражданское право, 4) уголовное право, 5) государственное право, 6) история русского права, 7) история славянских законодательств, 8) международное право, 9) полицейское право, 10) финансовое право, 11) церковное законоведение, 12) политическая экономия и статистика, 13) энциклопедия права. Устав 1884 г. упразднил кафедру истории законодательств и кафедру истории славянских законодательств, но ввел кафедру торгового права.

Общая численность студентов Петербургского университета на протяжении 1863—1900 гг. имела явную тенденцию к росту. Однако устав 1884 г. не только задержал этот рост, но, отпугнув молодежь, привел к падению числа студентов. Впрочем, уже в 90-х годах число студентов Петербургского университета опять растет. Соответственные цифры таковы: в 1862 г. в университете был 291 студент, в 1863—725 студентов, в 1867—1070, в 1880—1675, в 1885—2340, в 1890—1815, в 1894—2675, в 1900 г. — 3788 студентов. Цифры распределения студентов по факультетам показывают уменьшение числа историко-филологов, вследствие особо усиленного нажима властей на этот факультет, идеологический по преимуществу.

Бюджет университета был невелик (отчасти вследствие отсутствия медицинского факультета). На одного студента в среднем приходилось в год 195 руб. государственных затрат. (в Московском —334 руб., в Харьковском —463 руб., в Казанском — 581 рубль, так как там было меньше студентов; надо учесть, что, скажем, в Николаевском лицее стоимость одного учащегося исчислялась в 5600 руб., в филологических институтах — в 1800 руб. и т. д.

Значительно укрепилась после 1863 г. материальная база Петербургского университета. Библиотека его постепенно выросла в одно из самых богатых книгохранилищ страны. Укрепились, организовались и пополнились кабинеты: практической механики, палеонтологический, физиологический, оранжерея, восточных монет, минералогический, ботанический, зоологический, физический, агрономический, уголовного права, химическая лаборатория, техническая лаборатория и др.

В 1867 г. Петербургский университет проявил инициативу в важном общегосударственном научном мероприятии; он организовал первый в России научный съезд естествоиспытателей (декабрь 1867 — январь 1868 г.), прошедший с большим успехом и собравший до 700 участников (публики собиралось до 3000 чел.). Результатом работ съезда был огром-

ный том его «Трудов» вышедший под редакцией проф. А. К. Бекетова.

В том же 1868 г. при Петербургском университете открылись два научных общества: химическое (первый председатель акад. Н. Н. Зинин) и естествоиспытательное (первый председатель — проф. Кесслер). Последнее имело отделения зоологии, ботаники, минералогии и геологии. В следующем 1869 г. открылось филологическое общество при Петербургском университете, а значительно позднее — в 1889 г. — историческое общество.

В 1882—1887 гг. при Петербургском университете действовало и студенческое «Научно-литературное общество».

* * *

В 1891 г. Петербургский университет выдал диплом первой степени Владимиру Ильичу Ленину.

В. И. Ленин поступил осенью 1887 г. в Казанский университет, но уже через три месяца за активное участие в студенческой сходке был исключен и выслан в административном порядке. Однако В. И. Ленин настойчиво хотел получить высшее образование. В 1888 г. он подал министру народного просвещения Делянову прошение о возвращении в Казанский университет. Министр отказал. Отказ последовал и на письмо к министру матери Владимира Ильича, просившей дать ее сыну право учиться. Владимир Ильич решил ехать учиться за границу, но полиция не дала ему заграничного паспорта. Тогда Ленин принялся за подготовку к экзамену на степень кандидата прав: он решил пройти курс юридического факультета самостоятельно и сдать экзамены экстерном. Осенью 1889 г. из Самары, где он поселился, Ленин послал новое прошение министру и просил разрешить ему «держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении». Делянов написал на прошении: «спросить о нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек. Департамент полиции уже, вероятно, знает, что он делает на своей стороне».

Владимир Ильич в своем прошении исходил из устава 1863 г. По новому уставу 1884 г., во-первых, кандидатских экзаменов не было, а, во-вторых, государственные экзамены проводил не университет, а назначаемая министром «государственная испытательная комиссия», и для того, чтобы быть допущенным к экзамену, надо было представить «выпускное свидетельство» из университета; освободить от представления этого свидетельства мог только министр — в особых чрезвычайных случаях. Вследствие отсутствия у В. И. Ленина свидетельства с зачетом восьми семестров пребывания в университете и вследствие отзыва о нем департамента

полиции, Делянов в конце 1889 г. опять отказал. Летом 1890 г. мать Владимира Ильича, Мария Александровна, сама приехала в Петербург, и, по ее энергичному прошению, Ленин был, наконец, допущен к экзаменам в комиссии при Петербургском университете.

Петербургский университет не был чужим для Владимира Ильича. В нем с 1884 г. по день своего ареста 1 марта

А. И. Ульянов.

1887 г. учился его брат, Александр Ильич Ульянов. Александр Ильич был во всех отношениях выдающимся студентом. Он был ведущей фигурой студенческого революционного движения, центром, вокруг которого группировалось передовое студенчество. При этом он был и выдающимся по своим способностям и знаниям молодым ученым: в 1886 г. он был награжден университетом золотой медалью за представленную им работу по физиологии. В те же годы в Петербургском университете учился и друг Ленина, его будущий родственник — М. Т. Елизаров.

Именно то обстоятельство, что Владимир Ильич был братом казненного в 1887 г. студента-революционера, было основой затруднений и препятствий, ставившихся ему Деляновым и другими чинами министерства просвещения.

В 1890 г. В. И. Ленин готовился к экзаменам, т. е. самостоятельно и чрезвычайно интенсивно изучал все предметы четырехлетнего курса университета. В марте 1891 г. он приехал в Петербург сдавать экзамены. 26 марта Ленин подал в экзаменационную комиссию сочинение по уголовному

В. И. Ульянов-Ленин.

праву, все нужные документы и при них прошение на имя председателя юридической испытательной комиссии проф. В. И. Сергеевича о допущении к экзаменам. В. И. Сергеевич, известный историк-юрист, крупный ученый, был деканом юридического факультета. Кроме того, в комиссию входило 6 членов — профессора университета: Дювернуа, Фойницкий, Мартенс, Ефимов, Горчаков и Лебедев. Кроме них были экзаминаторы (профессора и приват-доценты).

В апреле В. И. Ленин начал сдавать экзамены. Затем, после перерыва на летние каникулы, экзамены возобновились

в сентябре и продолжались до ноября. Таким образом Владимир Ильич был непосредственно связан с Петербургским университетом в течение 8 месяцев.

Всего Владимир Ильич сдал 13 устных экзаменов и, кроме того, один письменный. Комиссия испытывала его знания по римскому праву, политической экономии, статистике, энциклопедии права, истории философии права, гражданскому праву и судопроизводству, торговому праву и судопроизводству, церковному праву, международному праву, полицейскому праву и финансовому праву.

Весенние экзамены Владимир Ильич сдавал 4, 5, 10, 16, 17 и 24 апреля ст. ст. (т. е. 16, 17, 22, 28, 29 апреля и 6 мая нов. ст.) в помещении малого конференц-зала Академии наук (т. е. в здании напротив университета). Осенние экзамены в том же зале (кроме письменного, проведенного в зале совета университета) происходили между 16 сентября и 9 ноября (28 сентября — 21 ноября нов. ст.). Нужно напомнить, что экзаменационная комиссия подходила к экстернам особенно требовательно и даже иной раз придирчиво. Тем не менее В. И. Ленин выдержал все экзамены блестяще. По всем испытаниям без исключения он получил отметку: «весьма удовлетворительно»; это была высшая оценка по системе того времени (она соответствовала нынешней «отлично»). Для получения диплома первой степени, заменившего прежнюю степень кандидата, по закону надо было иметь больше половины отметок «весьма»; так как Владимир Ильич имел 100% «весьма», диплом первой степени был присужден ему юридической испытательной комиссией 15 (27) ноября 1891 г.

И после этого года В. И. Ленин не забывал Петербургского университета. Так, в январе 1896 г., сидя в петербургской тюрьме и работая над «Развитием капитализма в России», Ленин писал в письме к Н. К. Крупской и сестрам: «гораздо серьезнее другие препятствия — по добыче книг. Книг нужно много... не знаю даже, удастся ли достать все... Вот если бы воспользоваться библиотекой университета... тогда бы вопрос о добыче книг можно считать разрешенным».

В конце 1905 г. студенты-большевики Петербургского университета приступили к изданию студенческой еженедельной газеты «Молодая Россия». Владимир Ильич по их просьбе дал для этой газеты свою статью под заголовком «Рабочая партия и ее задачи при современном положении»; статья была напечатана в этой газете, в ее номере первом и последнем, так как газету сразу же закрыло правительство. В 1906—1907 гг. Ленин следил за революционными действиями студентов-большевиков университета, одобряя эти действия и помогая студентам.

* * *

60—90-е годы отмечены расцветом творческой работы в стенах Петербургского университета целой плеяды замечательных русских ученых — химиков, математиков, физиологов, историков, филологов и др. Именно в эти годы и в значительной степени силами профессоров Петербургского университета закладывались основания грандиозного здания новой русской науки, вошедшей как мощный отряд в культуру всего человечества. В наиболее передовых, наиболее ярких и значительных своих проявлениях русская наука этих лет явилась наследницей идей великих русских «просветителей-шестидесятников», идей демократических, в основе своей материалистических или тяготевших к материализму, идей освободительных. Расцвет русского естествознания непосредственно связан с усиленным интересом русской революционно-демократической общественности к законам природы, с увлечением «антропологическим принципом» в философии, проповедником которого был Чернышевский, связан с «реальным» направлением в мышлении. Именно в эти годы многие передовые люди, революционеры-народолюбцы обратились к изучению естествознания, будучи убеждены, что естествознанию суждено избавить людей от вековых предрассудков и от многих социальных зол. Недаром реакционеры любили изображать представителей передовой молодежи 60—70 годов со скальпелем в руках, режущими лягушек.

Однако и расцвет русской историко-филологической науки также, очевидно, связан с подъемом демократического движения 60-х годов. Стремление найти в прошлом законы общественного бытия, наставляющие на путях будущего, обращение к народу в массе как к носителю и цели истории, обращение к началам социологического анализа, хотя бы и в формах изучения правовых институтов и категорий, дало значительный импульс историческому знанию. Наследие Добролюбова, Чернышевского, Писарева было той почвой, на которой выросло творчество гениального создателя многих основ современного научного литературоведения, Веселовского. Так — через голову всяческого начальства, попечителей, министров, полицейских чинов и др. — в Петербургский университет проникло освободительное дыхание эпохи, проникли идеи великих демократов, и русская наука ответила на призыв народа, звучавший в деятельности его идеологов и вождей, тем, что выдвинула Менделеева, Мечникова, Бутлерова, Веселовского и многих других из числа профессоров Петербургского университета.

Во второй половине XIX в. в Петербургском университете образовалась выдающаяся школа химиков. Д. И. Менделеев писал о своем учителе А. А. Воскресенском, что «ему и его сверстнику Зинину принадлежит честь быть зачинателями

самостоятельного русского направления в химии». В 60—80-х годах развернулась в Петербургском университете деятельность гениального Менделеева, преподававшего до 1890 г. Одновременно с ним аналитическую химию стал читать с 1867 г. крупный ученый Н. А. Меншуткин, питомец Петербургского университета; в 1869 г. он был избран профес-

Д. И. Менделеев.

сором по кафедре технической химии. С того же времени в Петербургский университет перешел из Казанского великий химик А. М. Бутлеров, уже тогда завоевавший мировую известность своими работами по установлению теории строения органических соединений. А. М. Бутлеров занял кафедру органической химии; блестящий педагог, он был очень любим студентами; его считают отцом русской школы органической химии. Среди учеников А. М. Бутлерова и питомцев его школы — многие замечательные русские ученые, в том числе и ныне здравствующий профессор Ленинградского университета акад. А. Е. Фаворский. А. М. Бутлеров преподавал до 1885 г., когда его кафедра перешла к Н. А. Меншуткину, который и занимал ее до 1902 г.

Заметки

1868/71

Писать начать, когда стих сам
Вокруг меня читать корректуры
Листы отпечатанные и годы
перебрать свои книги не найдешь ни
одного учебника элементарной стро-
гинами писать синтаксиса
книгой друзья, напр. фредерикса,
бордана писать курсивом некот
напр. Mo, W, Te, Ir, придумать
Начать писать от №682 взять
число 4 абзацы в году (871) Ра-
вновесие изменений - первого уро
вня. Так рассуждал сам,
то повторяется христова, а потому
эта книга даже мало знакомая
для любой друзья - новыми новой
Туда много самостоятельного
не можно, а именно - придержи-
ваться элементов, найденных
при образовании "Основ Химии"
Сам. издания см. №.

1869 см. №2 и 41.

Этих заключений считаю нужным
отправить основанием всего
учения о периодичности элементов
Это определило мне повторить ра
боту с атомными отношениями. См. №228

Заметка Д. И. Менделеева о периодичности элементов.

С 1886 г. курс технической химии стал читать Д. П. Коновалов, занявший в 1891 г. кафедру неорганической химии, оставленную Менделеевым. Он работал до 1906 г. и создал целую школу физико-химиков. А. Е. Фаворский, окончивший Петербургский университет в 1882 г., стал тогда же работать при нем по аналитической и технической химии; в 1895 г. он защитил докторскую диссертацию, а в 1896 г. был избран

Рис. 11. А. М. Бутлеров.

профессором. Одновременно с А. Е. Фаворским начал работать в Петербургском университете другой его питомец, В. Е. Тищенко. Когда в 1894 г. химическая лаборатория университета получила отдельное здание, А. Е. Фаворский и В. Е. Тищенко работали в ней со студентами-дипломниками.

В области биологии Петербургский университет выдвинул в 60—90-х годах не одно крупное научное имя. Так, создателем значительной школы ботаников был А. Н. Бекетов, руководивший кафедрой с 1861 г., более 30 лет. Он был одним из первых, ознакомивших русских ученых с дарвинизмом. В организованном им студенческом кружке выступал со своими первыми докладами по дарвинизму К. А. Тимирязев. Учеником Бекетова являлся и нынешний президент Академии

наук СССР профессор Ленинградского университета В. Л. Комаров.

С 60-х годов в университете началась разработка курса анатомии и физиологии растений, созданного И. Е. Цабелем и А. С. Фаминцыным; последний, автор большого количества исследований, а также учебного курса физиологии ра-

И. М. Сеченов.

стений, перестал преподавать в 1889 г., и его кафедру занял И. П. Бородин, ботаник-энциклопедист, прославившийся и как талантливейший профессор-педагог. В области зоологии беспозвоночных успешно работали Н. П. Вагнер, В. О. Ковалевский, В. М. Шимкевич, В. Т. Шевяков и др. Зоологией беспозвоночных занимались К. Ф. Кесслер и др. В 1863 г. в Петербургском университете началось изучение и преподавание гистологии, и именно Петербургский университет оставался вслед затем в течение многих лет основным и единственным центром гистологической науки. Руководил кафедрой с 1868 г. Ф. В. Овсянников, в 1892 г. его сменил заме-

чательный русский биолог А. О. Ковалевский, ожививший деятельность кафедры. Ему наследовал в 1895 г. крупнейший русский гистолог А. С. Догель, занимавший кафедру до 1922 г. В области физиологии с 1876 г. стал работать в Петербургском университете знаменитый И. М. Сеченов, деятельность которого заслужила широкую славу. В 1889 г. его сменил Н. Е. Введенский (работавший при университете с 1878 г.).

Еще в конце 60-х годов (1868—1869) доцентом, а затем и профессором Петербургского университета был великий русский ученый И. И. Мечников, которому университет присудил степень доктора зоологии.

Продолжала развиваться во второй половине XIX века и кафедра физики. Школу петербургских физиков создал проф. Э. Х. Ленц, занимавший кафедру с 1835 до 1864 г. и воспитавший не одно поколение учеников. Преемником Ленца был его ученик, питомец Петербургского университета Ф. Ф. Петрушевский. Он начал чтение лекций в Петербургском университете в 1862 г. в качестве помощника Ленца, а через 2 года заменил его и стоял затем во главе работы по физике в университете в течение 40 лет. Учеником Петрушевского был И. И. Боргман, начавший чтение лекций по физике в 1877 г., так же, как Ленц и Петрушевский, много трудившийся в области изучения электричества и магнитных явлений, но охвативший в своем преподавании все разделы физики. Одновременно с Боргманом работали в области физики В. В. Лермантов и О. Д. Хвольсон, не только замечательный ученый, но и превосходный популяризатор своей науки.

В области математики в 60—70-х годах продолжалась (до 1882 г.) блестящая деятельность П. Л. Чебышева. Его учениками и преемниками явились А. И. Коркин, работавший, главным образом, в области интегрального исчисления и теории чисел, и А. А. Марков, автор многочисленных трудов, главным образом, по теории вероятностей, теории алгебраических чисел и др., доставивших ему всемирную известность. В течение более чем трех десятков лет работал и Ю. В. Сохоцкий, также питомец университета, автор ряда ценных трудов.

Значительный приток новых выдающихся научных сил наблюдался во второй половине XIX столетия и на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В области всеобщей истории еще в 60-х годах начали свою работу А. Г. Брикнер и В. А. Бильбасов. Первый из них читал в качестве приват-доцента в 1865/66 г., второй, в том же звании, в 1866/67 г. На той же кафедре начал свою многолетнюю работу в университете Ф. Ф. Соколов, один из создателей у нас традиции изучения античности,

традиции, продолженной по сей день. Окончив Петербургский университет и защитив в 1865 г. магистерскую диссертацию «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии», Соколов вскоре начал свою профессорскую деятельность, продолжавшуюся 35 лет. Многочисленные классики Петербургского университета вышли из школы Соколова. В 50—60-е годы развернулась также деятельность Н. М. Благовещенского, автора трудов о Горации, Ювенале и др., создавшего в университете традицию научного изучения античных литератур (он занимал кафедру римской филологии с 1852 по 1872 г.).

Целую плеяду крупнейших ученых объединила под знаменем Петербургского университета кафедра отечественной истории. Достаточно указать на Семевского, Бестужева-Рюмина, Лаппо-Данилевского. В. И. Семевский, воспитанник Петербургского университета, занялся изучением истории крестьянства еще студентом. Ряд его трудов 70—90-х годов по истории русского народа проникнут горячей любовью к народу и стремлением к его свободе. В 1882 г. Семевский начал преподавать в Петербургском университете; его лекции имели успех в студенческой среде. В 1884 г. начальство обратило внимание на «вредное» влияние Семевского (к сожалению, в этом деле не совсем красивую роль сыграл проф. Бестужев-Рюмин), и он был через 2 года уволен из университета. На этот акт насилия студенты ответили адресом Семевскому, имевшим демонстративный политический характер и подписанный наиболее активными революционерами из студенческой среды. С 1865 г. кафедру русской истории до 1882 г. занимал К. Н. Бестужев-Рюмин, крупнейший исследователь, автор капитального труда по русскому летописанию, составившего эпоху, получившего широкое распространение курса русской истории и ряда других выдающихся работ. Вслед за ним выделился в 80-х годах А. С. Лаппо-Данилевский, защитивший в 1890 г. магистерскую диссертацию по истории экономики Московского государства и прославившийся как замечательный исследователь.

Еще более блестящая плеяда выдвинута Петербургским университетом в области литературоведения. Гордостью ее является Александр Николаевич Веселовский, занимавший кафедру западных литератур с 70-х годов и работавший в университете 35 лет. Это был великий ученый, охвативший своими исследованиями колоссальный материал по литературе, искусству, культуре, автор классических трудов по общей теории литературы, по истории западных литератур, по истории русской литературы, древней и новой, по мировому фольклору. В течение ряда десятилетий Веселовский воспитывал студентов и молодых ученых Петербургского университета и больше всех способствовал созданию той прочной

и мощной традиции научного литературоведения, которая по сей день выделяет Ленинградский университет среди научных организаций не только СССР, но и всей Европы.

Среди других филологов-литературоведов, работавших в Петербургском университете в 60—90-е годы, отметим О. Ф. Миллера, П. О. Морозова, И. Н. Жданова, Л. Н. Майкова, М. И. Сухомлинова, И. А. Шляпкина. Из них только

А. Н. Веселовский.

М. И. Сухомлинов начал работу в университете до реформы 1863 г. Ор. Миллер, окончивший Петербургский университет, в 1858 г. защитил в нем магистерскую диссертацию. С 1864 г. Миллер стал читать в университете курсы по истории русской литературы. Затем он обращается к изучению фольклора. Выдающийся ученый, хотя и придерживавшийся устаревшей уже концепции «мифологической школы», Миллер сыграл очень большую роль как профессор-педагог, преданный своему делу, любимый студентами, которым он помогал, чем мог, и наукой, и материально, и хлопотами. Либерал народнического оттенка, не чуждый славянофильских идей, Ор. Миллер поддерживал словом и делом передовое

студенчество, шедшее гораздо дальше него. Он основал «Общество вспомоществования студентам Петербургского университета» и руководил им. Миллер председательствовал в студенческом научно-литературном обществе, секретарем которого был А. И. Ульянов, а членами — ряд студентов-революционеров, также участников дела 1 марта 1887 г. После гибели А. И. Ульянова и его группы судьба Ор. Миллера, и ранее вызывавшего гнев властей, была решена. В том же 1887 г. на своих лекциях и в печати Миллер резко осудил деятельность умершего только что реакционера Каткова. Правительство воспользовалось этим поводом и уволило Ор. Миллера из университета.

С 1884 по 1894 г. в качестве приват-доцента по истории русской литературы преподавал в Петербургском университете П. О. Морозов, замечательный пушкинист, автор работ о Феофане Прокоповиче, об истории русского театра и др. Еще ранее, с 1882 г., начал работать в Петербургском университете его воспитанник проф. И. Н. Жданов, выдающийся исследователь истории русской литературы и фольклора, автор классического труда «Русский былевой эпос». После смерти Жданова в 1901 г. его сменил на кафедре истории русской литературы И. А. Шляпкин (преподававший в университете с 1868 г.), автор ряда значительных трудов, главным образом по истории древней русской литературы.

В области славистики Петербургский университет в 60—80-х годах мог гордиться деятельностью двух выдающихся ученых — В. И. Ламанского и И. В. Ягича. Ламанский, воспитанник Петербургского университета, занял кафедру славистики в 1865 г. и работал на ней более 30 лет (до 1899 г.). Энтузиаст своего дела, увлеченный идеей пропаганды всего славянского, исследователь славянской культуры, истории славянских народов, замечательный знаток языков и литератур славянства, В. И. Ламанский создал значительную научную школу, и его ученики разнесли любовь к славянству и стремление к глубокому изучению его по многим учебным заведениям нашей страны. В 1880—1885 гг. профессорствовал в Петербургском университете знаменитый Ягич, впоследствии профессор Венского университета и академик русской Академии наук, один из наиболее выдающихся представителей научной славянской филологии во всем мире.

Во второй половине XIX века укрепилась и приобрела мировое значение школа востоковедов Петербургского университета. Среди них особенно выделились такие блестящие ученые, как арабист Розен, китаист Васильев, египтолог Тураев, гебраист Коковцев и индолог Щербацкой; последние два продолжали работу и в XX веке и завершили свой на-

учный путь уже советскими академиками, профессорами Ленинградского университета.

Юридический факультет Петербургского университета также выдвинул во второй половине XIX столетия немало крупных ученых. В эти годы юристы усиленно занимались историей и, в частности, историей России с точки зрения развития права; поэтому значительная часть научных трудов профессоров юридического факультета за данный период относится в такой же мере к истории, как и к правоведению.

В 1863 г. кафедру энциклопедии права занял в Петербургском университете П. Г. Редкин, немолодой уже тогда юрист-ученый, либерал, ранее гегельянец, теперь же перешедший на позиции позитивизма. В течение 15 лет преподавания в университете Редкин завоевал значительную популярность и широкую известность не только как ученый, но и как педагог и общественник. С 1855 по 1887 г. продолжалась деятельность в Петербургском университете И. Е. Андреевского, питомца университета, одного из первых исследователей истории русского государственного права, автора трудов по полицейскому праву и др., одного из патриархов русского академического либерализма.

С 1864 г. в течение более 10 лет вопросы уголовного права и его истории в России разрабатывал в университете А. П. Чебышев-Дмитриев; вопросами же гражданского права в 1866—1876 гг. занимался С. В. Пахман, автор ряда обстоятельных, но методологически устаревших трудов.

С 1867 г. начал читать лекции по государственному праву А. Д. Градовский, либеральный ученый и публицист, пользовавшийся большой известностью, автор серьезных трудов по истории русской государственности и по государственному праву западных стран, проповедник начал буржуазного конституционализма. Он работал в университете до 1889 г., когда его место занял Н. М. Коркунов, крупный ученый, значение научной деятельности которого уменьшала консервативная политическая позиция, занятая им.

Из других юристов укажем, например, И. Я. Фойницкого, специалиста по уголовному праву, В. И. Сергеевича, занимавшего с 1872 г. и до конца века кафедру истории русского права, ученого-позитивиста, автора капитальных трудов по русской истории, создателя крупной научной школы.

Целый ряд выдающихся ученых, начавших свою деятельность в Петербургском университете в XIX веке, продолжал ее и позднее, в нынешнем столетии. Некоторые из них заложили основания научных школ, унаследованных Ленинградским университетом и творчески развивающихся до настоящего времени.

Глава V

УНИВЕРСИТЕТ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

На заре XX века промышленный кризис, поразивший государства Западной Европы, перекинулся в Россию. В результате его стремительного и неудержимого развития десятки тысяч рабочих были выброшены на улицу.

Создавшаяся обстановка оказалась благоприятным полем для агитационной деятельности политических партий. По всей стране стали вспыхивать искры забастовок, грозившие перейти в настоящий революционный пожар, экономические стачки перерастали в политические демонстрации.

Студенты не остались в стороне от общественного движения, принимавшего все более широкие размеры. Начиная с 1899 г., студенческие забастовки происходили ежегодно. Чтобы пресечь их, министр народного просвещения Боголепов издал «Временные правила», которые предусматривали сдачу в солдаты студентов, принимавших участие в «беспорядках». В марте 1901 г. общестуденческая демонстрация протеста перед Казанским собором проходила под лозунгом «Долой временные правила!». Полиция разогнала демонстрацию, пустив в ход нагайки. Многие участники демонстрации были избиты и ранены. Однако это не пресекло волнений и повлекло за собою объявление студентами очередной забастовки.

Русско-японская война еще более усилила экономический кризис, многочисленные мобилизации разрушали крестьянское хозяйство, оставляя его без рабочих рук. Тяготы жизни в тылу и поражения на фронте, возбуждая народные массы, привели к новому нарастанию революционного движения. Оно с особой силой разразилось после кровавого воскресенья 9/22 января 1905 г. Вся страна оказалась охваченной стачками протеста против неслыханного злодеяния царского самодержавия. Кульминационного пункта достигла революция осенью и зимой 1905 г. В октябре подняли восстание кронштадтские матросы и разразилась всеобщая политическая забастовка, выдвинувшая требование созыва учредительного собрания. После неудачной попытки подавить стачку силой, правительство вынуждено было издать манифест об учреждении Государственной думы и даровании демократических свобод.

В 1905 г. Петербургский университет был одним из крупных очагов общественного движения. Собравшиеся 3/16 февраля младшие преподаватели университета вынесли постановление, чтобы «ввиду теперешнего положения академического

дела прекратить чтение лекций до 1 сентября». Четыре дня спустя состоялась студенческая сходка, на которой большинством 2398 голосов против 66 и при 42 воздержавшихся было принято аналогичное решение о забастовке до 1/14 сентября. Сходку созвал так называемый «Коалиционный совет», составившийся из представителей всех оппозиционных правительству партий. Небольшая группа профессоров протестовала против забастовки и опубликовала свой протест в «Новом времени». Среди студентов нашлось тоже небольшое число штрейкбрехеров, которые высказались за продолжение занятий, мотивируя тем, что университет имеет только одну задачу — заниматься наукой и поэтому должен стоять целиком в стороне от всякой политики. Это реакционное меньшинство объединилось в «Союз студентов Санкт-Петербургского университета», поставивший себе целью выбить студенчество из того общественно-политического русла, в которое оно было вовлечено событиями. Однако попытки «Союза студентов» остались напрасными.

В развернувшемся общественном движении Петербургский университет имел и свои специфические интересы, ведя борьбу за восстановление университетского самоуправления, отмененного уставом 1884 г. Устав этот полностью подчинял университеты правительству. Министр народного просвещения назначал не только ректора, но и профессоров на кафедры, причем роль совета университета в последнем вопросе сводилась только к рекомендации тех или иных кандидатов. Профессорская корпорация не имела права самоуправления. За результатами преподавания правительство следило через посредство назначаемых министром испытательных комиссий, в которых студенты должны были сдавать окончательные (государственные) экзамены, отделенные, таким образом, от курсового преподавания. Студенты в еще меньшей степени, чем профессора, имели право действовать коллективно: они рассматривались, как о т д е л ь н ы е посетители университета. Правительство устраивало гонения даже на землячества, которые организованы были для взаимной материальной помощи студентов. Впрочем, Ванновский, преемник Боголепова на посту министра народного просвещения, сделал попытку ввести кое-какие реформы, разрешив учреждение института студенческих старост и проведение курсовых и факультетских студенческих сходок, но при условии обязательного присутствия на них профессоров. Общеуниверситетские сходки попрежнему не разрешались. Однако попытка Ванновского легализовать студенческие организации и тем самым поставить под наблюдение и ввести в определенные рамки общественную активность студентов вызвала целую бурю протеста, сопровождавшуюся забастовками и обструкциями.

Под давлением событий в стране 27 августа (8 сентября) 1905 г. был издан именной Высочайший указ Правительствующему сенату, содержащий временные правила об управлении университетов и высших учебных заведений. Правила эти восстанавливали автономию университетов, предоставляя совету университета право избирать ректора, а факультетам — деканов. Заботы о поддержании правильного хода учебной жизни в университете возлагались на совет университета. Первым выборным ректором университета был известный физик проф. И. И. Боргман, а первыми выборными деканами — проф. Ф. А. Браун по историко-филологическому факультету, проф. В. М. Шимкевич — по физико-математическому факультету, проф. Л. И. Петражицкий — по юридическому факультету и проф. В. А. Жуковский — по факультету восточных языков.

13 (26) сентября 1905 г. в университете вновь собралась студенческая сходка для того, чтобы решить вопрос о продолжении забастовки или о ее прекращении. Решено было занятия возобновить. Мотивировка этого постановления весьма характерна: занятия возобновлялись с целью «открыть университет для развития в его стенах и вне их широкой работы по подготовке надвигающейся решительной борьбы». Политическая установка подобной резолюции еще более подчеркивалась другим постановлением, принятым на той же сходке: «использовать все средства к усилению революционной деятельности студенчества путем устройства всенародных митингов и организации академического легиона, как одного из отрядов, примыкающих к великой армии борющегося за народную свободу рабочего класса».

Занятия начались, прерываемые, впрочем, постоянными сходками и митингами. «Союз студентов» не преминул подать по этому поводу заявление в совет университета, в котором настаивал, чтобы сходки происходили во внеучебное время, руководство ими было поручено представителям всех партий студенчества совместно с представителями профессуры и вход на сходки посторонним лицам был воспрещен. «Союз студентов» тяжело переживал тот факт, что улица ворвалась в храм университетской науки и мешала университету замкнуться в скорлупу реакционного чистого академизма.

19 сентября (по старому стилю) на новой общестуденческой сходке вынесено было решение о бойкоте семи реакционных профессоров. «Союз студентов» выразил им свое письменное сочувствие через посредство «Нового времени». Вскоре в университете возникла еще одна студенческая группа — «академистов», которая «допускала» политику в университет, но требовала, чтобы занятия наукой и политикой были разделены во времени.

На сходке 27 сентября (9 октября) «Коалиционный совет» сложил свои полномочия, и было решено приступить к выборам института студенческих старост. Выборы вскоре были проведены.

В дни всеобщей октябрьской политической забастовки помещения университета были заняты революционным народом. В университетских аудиториях не прекращались многочисленные и многолюдные митинги и собрания, и 15 (28)

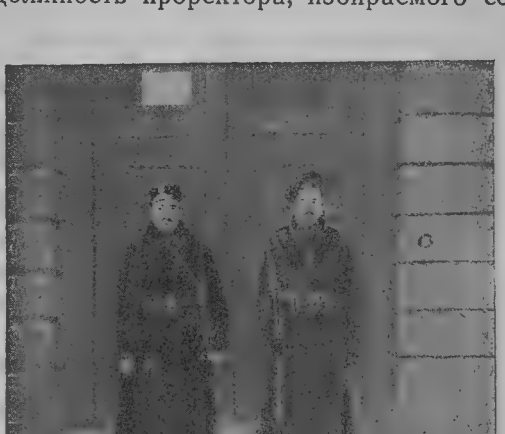
Революционный митинг перед зданием университета в 1905 году.

октября, по распоряжению министра народного просвещения, Петербургский университет был закрыт на неопределенное время.

Памятью об этом периоде бурной революционной деятельности является мемориальная мраморная доска, установленная Василеостровским райкомом ВКП(б) на здании университета у входа с Университетской набережной.

Таким образом, в 1905 г. занятий в университете практически не было, если не считать двухнедельного осеннего периода. Не было этих занятий и в начале 1906 г. В университете еще кипела революционная борьба, и не случайно в мае 1906 г. В. И. Ленин выступал с докладом об итогах VI съезда РС-ДРП на нелегальном собрании петербургских большевиков именно в здании университета. Университет из «храма науки» стал ареной политической борьбы. В соответ-

ствии с этим, осенью 1906 г. на всех факультетах, кроме юридического, была введена, взамен прежней курсовой, предметная система преподавания и испытаний, чтобы отчасти разрешить ту запутанность в экзаменах, которая образовалась у студентов вследствие полуторагодичного бездействия университета: В том же 1906 г. постановлением совета министров от 12 (25) октября упразднились в университетах должности инспектора студентов и его помощников и учреждена была должность проректора, избираемого советом уни-



„Университет закрыт" (1905 г.).

верситета из состава профессоров и утверждаемого министром народного просвещения. Первым проректором был декан историко-филологического факультета Ф. А. Браун, которого на посту декана факультета заменил проф. Ф. Ф. Зелинский.

После поражения революции 1905 г. настала пора тяжелой столыпинской реакции, наиболее беспросветный период которой приходится на 1908—1912 гг. Все завоевания революции были отобраны. Не избегли разгрома и университеты. Возобновленные студентами по случаю смерти Л. Толстого политические сходки в 1910 и 1911 гг. послужили для совета министров поводом для отмены университетской автономии и закрытия студенческих организаций. За участие в демонстрациях студенты исключались из университета массами. Черносотенец Кассо, назначенный в 1911 г. на пост министра народного просвещения, провел ряд репрессий против либеральной профессуры, всячески поощряя черносотен-

ные студенческие организации. После того как выдающийся математик акад. А. А. Марков отказался от чтения лекций в университете в знак протеста против постановления совета министров о незаконности студенческих сходок, министерство народного просвещения не забыло отомстить ему через три года после протеста, отказавшись утвердить избрание Маркова в почетные члены университета.

С 1912 г. стачечное движение в стране оживилось. Расстрел в апреле 1912 г. демонстрации бастующих рабочих на затерянных в глухой тайге Ленских золотых приисках отозвался, как эхо, во всей России массовыми забастовками протеста, крестьянскими волнениями и революционными выступлениями в войсках. В годы предвоенного революционного подъема началось брожение и в Петербургском университете. Опасаясь студенческих «беспорядков», совет университета отменил, например, в 1914 г. традиционное празднование годовщины университета: 8 (21) февраля занятий не было, но не было и обычного в такой день торжественного собрания в актовом зале.

Первая мировая война, разразившаяся летом 1914 г., сбила нараставший революционный вал. Впрочем, не надолго. Война принесла хозяйственную разруху и вызвала острое недовольство трудящихся. Уже с весны 1915 г. развернулось широкое стачечное движение, в январе 1916 г. прошла политическая стачка под лозунгами «долой войну» и «долой самодержавие», а в феврале 1917 г. под натиском буржуазно-демократической революции рухнуло насквозь прогнившее здание царского абсолютизма. Страна оказалась в преддверии великого социального переворота, которому суждено было осенью 1917 г. повернуть государство на новый и еще не испытанный в истории путь развития, поставивший бывшую нищую и темную Россию во главе передового культурного человечества.

В первые же дни мобилизации 1914 г. здание университета превратилось в мобилизационный пункт, а некоторое время спустя в больших коридорах, некоторых аудиториях и во дворе разместился один из пехотных армейских полков. В ноябре актовый зал университета и соседние с ним помещения были превращены в лазарет на 150 коек, быстро заполнившийся ранеными. В других зданиях, принадлежавших университету, открылись еще три лазарета в общей сложности на 300 коек. В период первой мировой войны многие лаборатории университета, в частности химические, перестроились на нужды военного времени, способствуя, например, производству салициловых препаратов и окиси углерода, разрабатывая методы нитрования ароматических углеводородов, выделения чистой лимонной кислоты из содержащих ее плодов, производя противогазы и т. п.

Из крупных внешних событий в жизни Петроградского университета в период, предшествующий февральской революции, необходимо отметить организацию отделения университета в г. Перми (ныне г. Молотов). Это была подготовительная мера к созданию самостоятельного Пермского университета. Отделение открылось 1 (14) октября 1916 г. в составе первых курсов всех факультетов Петроградского университета (кроме факультета восточных языков), но на физико-математическом факультете, кроме существовавших в то время отделений естественного и математического, были созданы еще химическое и медицинское; слушатели последнего получили право перехода на медицинские факультеты других университетов. В первый год количество студентов Пермского отделения Петроградского университета составило около 450 чел. Исполняющим обязанности ректора назначен был известный астроном профессор Юрьевского университета К. Л. Покровский. Преподавательский персонал в некоторой части состоял из профессоров и приват-доцентов Петроградского университета. На историко-филологическом факультете здесь вели занятия П. А. Лавров, С. П. Обнорский, С. Ф. Платонов, Б. Д. Греков, на юридическом М. В. Птуха, на физико-математическом А. А. Полканов, А. Г. Генкель.

Известно, что в царской России народное просвещение и образование не пользовались вниманием и поощрением. Мало было и низших школ и высших учебных заведений. Накануне первой мировой войны в России было 8 университетов, в которых насчитывалось всего около 31 000 студентов. Четвертая часть этого количества студентов была сосредоточена в Петербургском университете.

В период с 1900 по 1917 г. число учащихся в Петербургском университете заметно колебалось, обнаруживая тенденцию к быстрому росту вплоть до 1908 г., скачкообразные изменения с 1909 по 1913 г. и затем падение до 1917 г., как можно видеть из нижеприводимой таблички, в которой собраны данные о числе студентов на 1 января каждого года:

Год	Число студентов	Год	Число студентов
1900	3 643	1910	8 663
1902	3 703	1911	9 586
1905	4 508	1912	8 224
1906	6 028	1913	7 282
1907	8 090	1914	7 442
1908	9 630	1915	6 904
1909	8 013	1916	7 780

По социальному происхождению среди студентов преобладали дети дворян и чиновников, составлявшие в разные годы от 50 до 68% общего контингента. Крестьяне до 1907 г.

представлены в количестве не свыше 4%, и только после революции 1905 г. этот процент повысился до 6—10, а в 1908 г. достиг даже 11. Что касается ремесленников, то они в общей массе составляли 1—2%.

При значительном общем количестве студентов университет давал относительно очень небольшие выпуски. В первое десятилетие XX века ежегодно получали выпускное свидетельство 540—600 студентов. В период с 1911 по 1913 г. включительно выпуск удвоился и даже утроился, составив в 1911 г. 1297 чел., в 1912 г. 1617 чел., а в 1913 г. 1019 чел., затем вновь пошел на убыль: в 1914 г.—936 чел., в 1915 г. — 752 чел.

Зато отсев студентов все время был исключительно высоким, как свидетельствуют цифры о количестве лиц, выбывших из университета до окончания курса:

Год	Выбыло, не окончив курса	Год	Выбыло, не окончив курса
1899	594	1911	870
1901	470	1912	1 153
1904	386	1913	1 026
1908	3 319	1914	1 548
1909	871	1915	1 424
1910	871		

Особенно велик отсев в 1908 г. (когда на 553 окончивших приходится вшестеро большее количество лиц, покинувших университет до окончания курса), а также в первые годы мировой войны.

Если эти цифры легко объясняются либо увольнением многих студентов за участие в политической жизни, либо призывом в армию в связи с войной, то в других случаях высокий отсев был обусловлен трудными бытовыми условиями, в которых находились студенты. Даже из официальных отчетов университетского врача (например, за 1906 г.) видно, что студент не столько учился, сколько по целым дням метался по Петербургу из конца в конец, зарабатывая себе на жизнь грошовыми уроками, которые давали ему 8—10 руб. в месяц. Обычное питание студента состояло из чая с булкой (а чаще — с ситным или хлебом) по утрам и вечерам и из обеда в столовой стоимостью 10—13 коп. Жили в плохих комнатах, почти лишенных света и воздуха, часто на правах угловых жильцов. Посетив 52 квартиры студентов, университетский врач А. Р. Поль нашел только одну хорошую, но зато на нее студент тратил две трети своего бюджета.

Надо принять во внимание, что обучение в университете стоило дорого, а от платы за него, согласно закону, могло быть освобождено не свыше 15% всего контингента. Стипендии выдавались тоже в весьма ограниченном количестве.

Так, в 1910 г. из 9586 студентов получало стипендию 388 чел., т. е. всего 4%. Средний размер стипендии составлял 25 руб. в месяц. Стипендии выдавались из сумм, ассигнованных для этой цели казной, из процентов с пожертвованных на стипендиальные цели частных капиталов и из денежных средств, поступавших от разных учреждений. Условия получения частных стипендий определялись требованиями, предусмотренными жертвователем и зафиксированными в положении о каждой данной стипендии. Условия получения казенной стипендии отличались особой жестокостью. Казенные стипендии назначались только таким студентам, которые, во-первых, имели среднюю отметку по всем предметам не ниже 4½ и, во-вторых, могли, согласно действующим узаконениям, поступить по окончании университета на государственную службу. При этом за каждый год получения стипендии надо было прослужить полтора года по назначению правительства. Освободиться от обязательной службы стипендиат мог только по особому разрешению министра или при условии возврата казне сполна всей суммы, полученной им за время пребывания в университете стипендии.

Из демократической и нуждающейся массы студентов выделялись так называемые «белоподкладочники», сыновья зажиточных родителей, подъезжавшие к университету на извозчиках, ходившие в мундирах (а в торжественных случаях — и при шпагах), мало думавшие о тяготах жизни, но, пожалуй, еще меньше о науке. Между ними и демократическим студенчеством постоянно существовал антагонизм.

В Петербургском университете посещение лекций было свободным. Поэтому в одних аудиториях бывало пусто, а в других ломилось от слушателей, тем более, что разрешалось посещение лекций других факультетов. За редкими исключениями, систематическое руководство работой студентов отсутствовало. Студент мог записываться на любые предметы и слушать их в любой последовательности, хотя экзамены обязан был сдавать в том порядке, в каком они предусматривались учебным планом. Вольнослушатели к экзаменам не допускались. По окончании курса и получении выпускного свидетельства студент должен был сдавать государственные экзамены в особых испытательных комиссиях, члены которых назначались министром народного просвещения. За эти испытания полагалась плата. Кроме того, надо было представить также свидетельство о политической благонадежности. Кто хотел получить диплом первой степени, должен был представить в испытательную комиссию сочинение по одному из предметов того факультета, который студент окончил. Получивший неудовлетворительную оценку по какому-нибудь предмету терял право экзаменоваться дальше; никакие пере-

экзаменовки не допускались. Студент, провалившийся на государственном экзамене, имел право некоторое время спустя сдавать его вторично на общих основаниях. Третий раз держать государственные экзамены было нельзя.

В период с 1900 по 1917 г. Петербургский университет состоял из четырех факультетов: историко-филологического, юридического, восточных языков и физико-математического. Таким образом, высшее образование в Петербургском университете осуществлялось преимущественно в русле гуманитарных дисциплин. Естественные науки были представлены гораздо слабее.

Наиболее многолюдным во все годы был юридический факультет. После 1905 г. число студентов на нем никогда не опускалось ниже 3300 чел., а в 1908 г. превышало даже 5000. Следующим по количеству студентов был всегда факультет физико-математический с числом студентов в разные годы от 1150 до 3780 чел. На историко-филологическом факультете до 1906 г. число студентов колебалось от 175 до 450 чел., а затем, вплоть до февральской революции, держалось почти на одном уровне в пределах 600—800 чел. Самым малочисленным был факультет восточных языков с числом слушателей от 100 до 300.

В состав юридического факультета входило 13 кафедр, а именно: римского права, гражданского права и судопроизводства, торгового права и судопроизводства, уголовного права и судопроизводства, истории русского права, государственного права, международного права, полицейского права, финансового права, церковного права, политической экономии и статистики, энциклопедии и истории философии права, финляндского права. Кафедра финляндского права, учрежденная в 1901 г., через 6 лет была переименована в кафедру местных прав.

Основной учебный план юридического факультета в части, касающейся общих и обязательных предметов, почти не менялся на протяжении 1900—1917 гг. В этом отношении юридический факультет был самым окостенелым из всех факультетов университета. Подвижными в нем были только специальные курсы, читаемые, как правило, приват-доцентами. Но эти курсы относились к числу только рекомендуемых, а не обязательных.

Юридический факультет не давал узкой специализации в общем круге юридических наук. Специальные курсы предназначены были не для специализации в точном смысле этого слова, а лишь для удовлетворения специальных интересов слушателей. Эти интересы могли лежать в самых разнообразных областях, что и определяло посещение тех или иных специальных курсов. Так, проявляющие особую склонность к вопросам полицейского права могли слушать допол-

нительно историю полиции, судебную медицину, уголовно-правовую политику, интересующиеся финансовым правом — финансовую статистику важнейших государств и т. п.

Лекции на юридическом факультете охотно посещались и студентами других факультетов. В этом отчетливо проявлялся общий интерес университетского студенчества к проблемам общественно-политического характера.

В отличие от юридического, факультет восточных языков находился в состоянии непрерывной перестройки своих учебных планов и структуры. В 1900 г. на факультете были кафедры арабской, турецко-татарской, персидской, армянской и грузинской, китайской и маньчжурской, санскритской, еврейской словесности и истории Востока. Через несколько лет учреждены были еще кафедры монгольской и калмыцкой словесности и японской словесности, а кафедра еврейской словесности превращена в кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности.

Студенты факультета восточных языков в самом начале описываемого периода могли специализироваться по одному из пяти следующих разрядов: арабо-персидско-турецко-татарскому, китайско-монголо-манчжурскому, еврейско-арабскому, армяно-грузино-персидскому и санскрито-персидско-армянскому.

Разряд арабо-персидско-турецко-татарский сохранялся в продолжение всего описываемого периода. На нем преподавались сначала языки арабский, персидский, османский, турецкий и турецкая каллиграфия. В 1907 г. была введена мусульманская каллиграфия за счет устранения турецкой. Накануне февральской революции учебный план разряда обогатился еще такими предметами, как история древнего Востока (помимо обязательного для всего факультета курса истории Востока), арабская культура, история халифата, история Ирана, история Туркестана. Впрочем, история древнего Востока по выбору студента могла быть заменена либо русской историей, либо историей Византии.

Для студентов арабо-персидско-турецко-татарского разряда читались, кроме того, дополнительные предметы, выбор которых определялся родом службы, которой собирался посвятить себя студент по окончании университета. Намеревавшиеся пойти по дипломатической службе слушали международное право, русское право и политическую экономию. Для того чтобы занимать судебные должности в Туркестане, на Амуре и в Сибири, полагалось изучать еще государственное право, гражданское право, уголовное право, римское право и гражданское и уголовное судопроизводство; для занятия административных должностей в тех же районах — политическую экономию, русское государственное право, полицейское право и финансовое право.

Китайско-монголо-манчжурский разряд, как таковой, существовал до 1908 г. В учебном плане 1907/08 г. наряду с ним появились два новых разряда: монголо-манчжуро-татарский и китайский. Первый сохранился до конца описываемого периода, а китайский разряд в 1908/09 г. был заменен разрядами китайско-манчжурским и китайско-японским.

Основными предметами преподавания на монголо-манчжуро-татарском разряде были введение в языкознание и языки монгольский, китайский, турецко-татарский, манчжурский и калмыцкий. Учебный план предусматривал при этом возможность специализации либо по манчжурскому, либо по турецко-татарским языкам. Впоследствие в число обязательных курсов включены были, помимо перечисленных, история Китая и манчжурские документы.

На китайском разряде преподавались китайский и манчжурский языки, китайская каллиграфия, введение в языкознание и некоторые другие предметы. Этот план целиком был перенесен на китайско-манчжурский разряд, пришедший на смену китайскому разряду. Он же, в сущности, сохранился и для китайско-японского разряда, только везде вместо манчжурского языка был поставлен японский.

Студенты-китаисты, желавшие пойти по дипломатической, судебной или административной службе, изучали те же группы дополнительных предметов, что и студенты-арабисты.

Еврейско-арабский разряд, на котором изучались арабский, еврейский и сирийский языки, в 1907/08 г. был преобразован в еврейско-арабо-сирийский с отделениями семитической филологии и еврейской словесности. На первом отделении сохранилось изучение всех трех языков. На втором отделении сирийский язык не изучался.

Армяно-персидско-грузинский разряд, на котором кроме языков, определивших его название, преподавался еще и арабский, был заменен в 1907/08 г. разрядом армяно-грузинской филологии. Тут допускалась специализация либо по армянской, либо по грузинской филологии. Впоследствии специализация стала еще более дробной, так как, изучая армянскую или грузинскую филологию, можно было в пределах каждой из них избрать еще уклон (группу) лингвистический, словесный или исторический. Накануне февральской революции учебный план разряда увеличился в объеме: в него были включены такие новые курсы, как древности Ани, армянские надписи, горские языки, мингрельский язык, сравнительная яфетическая грамматика и т. д.

Наконец, санскрито-персидско-армянский разряд был преобразован в 1907/08 г. в разряд санскритской словесности, на котором изучались языки санскритский, арабский, персидский и армянский. Эволюция этого разряда привела к тому,

что на нем в конце концов выкристаллизовались три отдела. Обязательными для всех отделов предметами были языки санскритский, тибетский и пракрит, история Востока, история Ирана, индийская культура и введение в индийскую философию. Студенты, избравшие учебный план I отдела, должны были сверх того изучать сравнительную грамматику индоевропейских языков и языки арабский, персидский, авестский, пехлевийский и армянский. Для II отдела дополнительными предметами служили психология, логика (заменяемая историей новой философии), монгольский язык и углубленный курс тибетского языка. План III отдела повторял план II с той разницей, что вместо тибетского языка стоял китайский.

Историко-филологический факультет имел все время четыре отделения: классическое, славяно-русское, историческое и романо-германское. На последнем существовали уклоны романский и германский. В состав факультета входило первоначально девять кафедр, но затем была добавлена кафедра сравнительного языкознания и санскритского языка, так что, начиная с 1905 г., перечень кафедр получил следующий вид: кафедры философии, классической филологии, сравнительного языкознания и санскрита, русского языка и русской литературы, славянской филологии, всеобщей истории, русской истории, истории западноевропейских литератур, истории церкви, теории и истории искусств.

Кроме лекций и практических занятий, на факультете широко практиковались и такие формы занятий, как просеминары и семинары. Просеминары преследовали цель ввести студентов в изучение предмета, ознакомить с материалом по первоисточникам и обучить методам разработки этого материала. Семинары же предназначены были для введения студентов в самостоятельную научную работу.

Те из студентов историко-филологического факультета, которые желали получить право преподавания в средней школе, должны были сдать, кроме предметов, специфических для того или иного отделения, также государственный экзамен по педагогике, истории педагогических учений и методике преподавания соответствующего предмета.

Физико-математический факультет состоял из двух отделений или разрядов: математического и естественного. Официально на нем числилось 11 кафедр: чистой математики, механики, астрономии и геодезии, физики и физической географии, химии, минералогии и геогнозии, ботаники, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии, технологии и технической химии, агрономии, географии и этнографии.

Специализация в строгом смысле этого слова на отделениях предусмотрена не была. Например, тот, кто интересовался химией, все равно должен был одинаково слушать

ботанику, физиологию растений, минералогию, метеорологию и т. п. Однако все же известный уклон в специализацию обеспечивался разбивкой каждого отделения на группы. Так, на математическом отделении были группы математики, астрономии и физики, а на естественном — так называемая основная группа и группы химии, географии и агрономии.

На естественном отделении физико-математического факультета высшей математики не было (она в небольшом объеме читалась только для специализирующихся по химии), а физика давалась почти в размере курса средней школы. Таким образом, две кардинальные дисциплины, на которых базируется современное естествознание, оказывались в явном пренебрежении.

Период 1900—1917 гг. в жизни Петербургского университета характеризуется постепенным развертыванием студенческой научной самодеятельности. И до этого периода, а также и на всем его протяжении, существовали ежегодные факультетские конкурсы на лучшие студенческие работы, написанные на заранее объявленные факультетами темы. Работы эти представлялись под девизами в конкурсные факультетские комиссии, и лучшие из них удостаивались золотой медали, серебряной медали или почетного отзыва. Рецензии на все работы, поступившие на конкурс, обязательно публиковались в ежегодных «Отчетах о состоянии и деятельности Императорского СПБ университета». Конкурсные студенческие работы представляли собою нередко весьма объемистые и чрезвычайно серьезные научные исследования, но метод объявления конкурсов вовлекал в научную работу только единичных студентов. В этом отношении более массовый эффект давали студенческие кружки. К 1912 г. их было свыше двух десятков, а к моменту первой мировой войны еще больше.

В 1903 г. возникли кружки астрономический и ботанический, в 1904 г.—студенческое научно-литературное общество, выросшее из кружка студентов-филологов, существовавшего до этого на протяжении 10 лет. В 1904 г., кроме того, работали различные юридические кружки, фотографический, музыкальный и др. В 1906 г. образовались математический и физический кружки и кружок для изучения философии природы, ставивший себе целью изучение выводов точных наук в их связи с общей философией. В 1907 г. на его заседаниях сделаны были доклады об основных тенденциях биологических наук, дарвинизме в социологии, истории развития мышления, о границах познания природы, о натурфилософии и др. Весьма характерно возникновение в 1907 г. кружков сибирского и украиноведения. В том же году начал работать кружок геологии и минералогии, а кроме того была создана университетская межкружковая организация для объедине-

ния кружков на почве их общих интересов и их деятельности. В состав ее входило по два представителя от каждого кружка.

В 1908 г. возник грузинский кружок, в 1909 г. — исторический, агрономический, любителей природы и охоты, педагогический кружок, естественников и математиков, кружки романо-германистов и теории познания, в 1910 г. — кружок литвоведения, в 1914 г. — армянский, польский, по изучению живого русского языка, в 1915 г. — кружок балкановедения и т. п.

Кроме перечисленных, в университете действовали также кружки лингвистический, ориенталистов, библиографический, биологический, географический, белорусский (основанный в 1912 г.), кружок для изучения польской словесности, истории и культуры и т. д. Не подлежит сомнению, что интерес к целому ряду кружков, работа которых концентрировалась вокруг изучения тех или иных национальностей, был своеобразной реакцией на осуществляемую царским правительством политику национального угнетения нерусских народностей, а появление такого кружка, как кружок балкановедения, стимулировалось вспыхнувшей мировой войной.

Занятия в кружках были довольно строго регламентированы университетским начальством, особенно после 1912 г., когда автономия их была сильно урезана. Каждый кружок работал в соответствии с уставом, который составлялся членами кружка, но подлежал утверждению на совете университета. Для поступления в кружок необходима была рекомендация двух его членов. Прием новых членов производился путем баллотировки на общих собраниях кружков. Участие в работе кружка обусловливалось внесением определенных, хотя и небольших, членских взносов. Каждый кружок имел руководителя из числа преподавателей университета. Выбор тем и докладов согласовывался с руководителем. Кружки имели право заседать только в присутствии руководителя, который и председательствовал на собрании. Кроме того, о собраниях кружка обязательно надо было ставить в известность ректора. Присутствие посторонних лиц (гостей) на заседаниях допускалось только с разрешения ректора.

Основной формой работы студенческих научных кружков были заседания, на которых преподаватели и студенты делали доклады и сообщали новости литературы. У юристов практиковались иногда «процессы» над героями различных литературных произведений, например, шекспировского «Отелло», чеховской «Драмы на охоте» и т. д.; одни студенты при этом выступали в роли прокуроров, другие — защитников. Кружок философии государства устраивал заседания «утопического парламента», на которых отдельные члены излагали и защищали утопию какого-нибудь автора. В конце

года, по окончании прений по всем внесенным «законопроектам» (т. е. утопиям) царства будущего, особая избранная парламентская «комиссия» должна была составить законопроект, который (и это весьма характерно) должен был представлять собою политический компромисс борющихся воззрений.

Помимо заседаний, в кружках велась и другая работа. Члены некоторых кружков занимались научными экспериментами, принимали участие в экспедициях (вроде экспедиции астрономического кружка в Новгородскую губернию для наблюдения кольцеобразного солнечного затмения летом 1912 г.), занимались иногда переводом на русский язык иностранных книг по интересующей их специальности, совершали экскурсии и т. п. Характер кружковых экскурсий целиком определялся специфическими задачами кружка. Географы экскурсировали в окрестности Петербурга, на географические выставки, в Главную геофизическую обсерваторию, библиографы — в крупные библиотеки и на выставки печати, члены кружка уголовного права—в пересыльную и другие тюрьмы, музеи сыскной полиции, исправительную колонию для малолетних, больницы для умалишенных и т. д.

Студенческие научные кружки были поставлены весьма серьезно, и деятельность их следует оценить как в высокой степени полезную. К сожалению, однако, они охватывали далеко не всю массу студенчества. Численность членов кружка колебалась обычно от 20 до 60 чел., только в ботаническом и сибирском число членов доходило до 80, а в физическом до 100. В общей сложности студенты, работавшие в кружках, составляли незначительный процент от всего контингента студентов данного факультета. К тому же заседания кружков посещало в среднем едва ли более половины списочного состава членов кружков.

Крупную роль в развитии науки играли научные общества, состоявшие при Петербургском университете. Общество естествоиспытателей объединяло крупнейшие научные силы в области зоологии, ботаники, минералогии и геологии. Активно работали общества философское и юридическое. Историческое общество, с секциями русской и всеобщей истории, к которым в 1912 г. добавилась еще секция теории истории и социологии, издавало сборник «Историческое обозрение». На заседаниях антропологического общества ставились доклады по разным вопросам антропологии, члены его совершали исследования в разных местах России. Общество издавало свой «Ежегодник». Неофилологическое общество, с секциями лингвистической и педагогической, издавало «Записки». Общество землеведения печатало свои «Труды». На его заседаниях читались доклады по вопросам географии и смежных дисциплин; очень много внимания уделяло обще-

ство постановке преподавания географии в средней школе и проблемам родиноведения; членам общества предоставлялась возможность совершать научные поездки и командировки.

Огромное значение в деле развития физики и химии имело основанное Менделеевым Русское физико-химическое общество, подразделявшееся на отделения физическое и химическое. Оно объединяло по существу всех почти русских физиков и химиков и способствовало созданию русской физики и русской химической науки. На собраниях общества присутствовали не только физики и химики Петербурга, сюда приезжали делать доклады о своих работах ученые из Москвы и других городов. Издававшийся обществом «Журнал» был в то время единственным регулярным печатным органом русских физиков и химиков.

Параллельно с химическим отделением Русского физико-химического общества существовало неофициально так называемое «Малое химическое общество», собиравшееся в аудитории химической лаборатории университета. Это было общество студентов и лаборантов (профессора в нем участия не принимали), которые учились на заседаниях делать доклады, вести дискуссии и т. д.

В описываемый период Петербургский университет представлял собой подлинное средоточие крупнейших ученых страны, многие из которых пользовались европейской и мировой известностью. Нет возможности в кратком очерке охарактеризовать сколько-нибудь исчерпывающе научные заслуги тогдашней профессуры. Мы ограничимся лишь беглым перечнем.

На юридическом факультете наиболее крупными фигурами были М. М. Ковалевский, И. И. Кауфман, М. И. Туган-Барановский, Л. И. Петражицкий. М. М. Ковалевский, умерший в 1916 г., принадлежал к числу крупнейших русских социологов того времени. Это был блестящий лектор, человек колоссальной эрудиции, близко знавший Маркса и поддерживавший с ним переписку. По своим взглядам Ковалевский был довольно далек от марксизма и считал себя последователем позитивизма в духе О. Конта, но его личные отношения с Марксом были вполне дружественные. Маркс и Энгельс высоко расценивали М. Ковалевского как ученого и не раз ссылались на его исследования. Область интересов Ковалевского была исключительно широка. Он занимался историей, правом, политической экономией, политикой и социологией. Большинство его работ переведено на целый ряд европейских языков. Перу М. М. Ковалевского принадлежат такие труды, как «Общественный строй Англии в конце средних веков» (1880), «Первобытное право», «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложе-

ния», «Закон и обычаи на Кавказе» (1890), «Экономический строй России» (1900), «Происхождение современной демократии», «Экономический рост Европы в период, предшествующий развитию капитализма» (1898—1903) и др. В своих трудах Ковалевский не только собирает огромный материал, но и разрабатывает метод сравнительно-исторического исследования явлений общественной жизни. Он утверждает, что сходные учреждения и обычаи могут быть у народов разных времен и стран и причина этого заключается либо в одинаковости стадии развития, либо в заимствовании. Исследование закона и обычаев на Кавказе приводит его к заключению, что семья в своем развитии проходила стадии семьи матриархальной, патриархальной и индивидуальной. Наконец, Ковалевский полагал, что формы народного хозяйства не следуют друг за другом в произвольном порядке, но подчинены известному закону преемственности. Политический строй зависит от экономических факторов. Впрочем, Ковалевский ошибочно утверждал, будто смена форм народного хозяйства обусловлена ростом населения, определяющего выбор форм производства, размер и порядок владения землей, характер общественных отношений и т. п.

В последнее десятилетие своей жизни М. Ковалевский опубликовал серию работ, как бы подводящих итоги его колоссальной научной деятельности: «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (1905), «Современные социологи» (1905), «Очерк развития социологических учений» (1906), «Социология» (1910), «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии» (1914). Научный авторитет Ковалевского был настолько велик, что незадолго до смерти он был избран третейским судьей в одном конфликте между Англией и Соединенными Штатами Америки.

И. И. Кауфман (1843—1915) был одним из крупнейших специалистов по вопросам денежного обращения России и иностранных государств, знатоком финансов и банковского дела, политической экономии и статистики. Денежное обращение он знал не только теоретически, но и практически. По этим вопросам он разработал огромный архивный материал и лично участвовал как консультант в проведении разного рода финансовых мероприятий. Из последних его крупных работ имеют большое значение. «Русский вес, его происхождение и развитие» (1906), «Из истории бумажных денег в России» (1909), «Серебряный рубль от его возникновения до конца XIX века» (1910), «Бумажные деньги в Австрии» (1913).

В молодые годы Кауфман интересовался Марксом и написал рецензию на первый том «Капитала»; это была одна

из лучших тогдашних рецензий, которую сам Маркс встретил с одобрением.

М. И. Туган-Барановский, крупнейший представитель буржуазной политической экономии в России, был одной из наиболее видных фигур так называемого легального марксизма, сгруппировавшей вокруг себя большое количество учеников. По его курсу «Основы политической экономии» учились студенты всех российских университетов. К числу лучших работ Туган-Барановского относится «Русская фабрика»—конкретное исследование по ранней истории русской фабрики, о котором сохранились положительные отзывы В. И. Ленина.

Л. И. Петражицкий был прекрасным знатоком гражданского права. Труды его в этой области были широко известны и за границей. Наряду с этим он написал большую работу об основах теории права и государства, где попытался построить общую науку правоведения на психологической основе. Им написан также чрезвычайно интересный и живой двухтомный очерк «Университет и наука», в котором выдвигается идея университетской политики в целях повышения уровня научной работы в университетах.

Помимо перечисленных лиц, на юридическом факультете читали тогда В. И. Сергеевич (историю русского права), Ф. Ф. Мартенс (международное право), И. И. Фойницкий (уголовное право) и др.

Факультет восточных языков Петербургского университета был такой колыбелью, в которой родилось русское востоковедение, снискавшее себе мировую славу. Здесь преподавали и вели занятия Н. Я. Марр, создавший целую эпоху своими исследованиями древностей Азии, а затем ставший творцом самой передовой в мире яфетической теории, переросшей в новое учение о языке, построенное на теоретической основе марксизма-ленинизма, блестящий знаток Китая В. М. Алексеев, монголист Б. Я. Владимирцов, арабист И. Ю. Крачковский, санскритологи Ф. И. Щербатский и С. Ф. Ольденбург, знатоки истории Востока Н. Веселовский и В. В. Бартольд, египтолог Б. А. Тураев, а также А. А. Цагарели (армянская и грузинская словесность), Д. А. Пещуров (китайская и маньчжурская словесность), В. Р. Розен (арабист), В. Д. Смирнов (турецко-татарская словесность) и др.

На историко-филологическом факультете читали в то время В. И. Ламанский, П. А. Лавров и А. Л. Погодин — славянскую филологию, А. Н. Веселовский — историю западноевропейских литератур, И. В. Помяловский и Ф. Ф. Зелинский — классическую филологию, А. И. Введенский — философию, А. А. Шахматов — историю русского языка, Е. В. Тарле, Н. И. Кареев, И. М. Гревс и др. — всеобщую историю, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский — рус-

скую историю, С. А. Жебелев — классическую археологию и греческую словесность, В. Н. Перетц — русскую словесность, Л. В. Щерба — сравнительное языкознание, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ — сравнительную грамматику славянских языков и т. п.

Большинство этих имен говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в комментариях. У каждого советского интеллигента имя Тарле вызывает представление о выдающихся работах по истории Франции, касающихся состояния промышленности и положения рабочего класса в XVIII веке, изучения проблем континентальной блокады, эпохи революции, консульства и первой империи. С именем Кареева связываются капитальные работы, освещающие аграрные отношения во Франции XVIII века, — работы, заслужившие лестный отзыв Маркса. С именем акад. А. Н. Веселовского неразлучно представление о замечательных, получивших мировую известность трудах по истории итальянского Возрождения, в которых доказано, что Ренессанс — это не только культурный, но и социальный переворот и что Возрождение отнюдь не представляло единого периода, а было эпохой, прошедшей в своем развитии последовательно ряд стадий. Помимо этого, Веселовский был одним из основоположников русского сравнительного литературоведения, вскрывшим в своих работах бесчисленные нити, связывающие Восток и Запад в сказаниях, фольклоре, народных поверьях, сказках, былинах, романах, повестях, и открывшим заимствование там, где, казалось, господствовала самобытность.

Состав лекторов физико-математического факультета был не менее сильным, чем на других факультетах. Это было целое созвездие мировых имен и крупнейших ученых.

Различные разделы математики читали А. А. Марков (блестящий представитель школы Чебышева), А. Н. Коркин, В. А. Стеклов, Ю. В. Сохоцкий, И. Л. Пташицкий, Н. М. Гюнтер, различные разделы физики Ф. Ф. Петрушевский, И. И. Боргман, А. Ф. Иоффе, О. Д. Хвольсон, Д. С. Рождественский, химию представляли такие имена, как Н. А. Меншуткин, А. Л. Чугаев, Д. Н. Коновалов, А. Е. Фаворский, В. Е. Тищенко и В. Н. Ипатьев. Механику читал Д. К. Бобылев, астрономию — А. А. Иванов и С. П. Глазенап. Зоологические науки преподавали Н. П. Вагнер, Ф. В. Овсянников, А. О. Ковалевский, А. А. Ухтомский, Н. Е. Введенский, В. М. Шимкевич, А. С. Догель, К. М. Дерюгин, М. Н. Римский-Корсаков и др., ботанические науки А. Н. Бекетов, В. Л. Комаров, Х. Я. Гоби, В. И. Палладин, географические А. И. Воейков, Н. И. Броунов, недолгое время П. И. Танфильев, а с начала 1917 г. основоположник ландшафтной географии Л. С. Берг. В области минералогии и геологии работали тогда А. А. Иностранцев, П. А. Земятченский,

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, а в области агрономии А. В. Советов, С. П. Кравков и др.

Не вдаваясь в характеристику всех этих ученых, напомним только, в качестве отдельных примеров, некоторые факты. Пятитомный курс О. Д. Хвольсона (прекрасного лектора и популяризатора, работавшего главным образом в области изучения магнетизма и актинометрии) не только выдержал несколько изданий, но и был переведен на немецкий, фран-

И. И. Боргман.

цузский и испанский языки. И. Боргман, работавший по электричеству и магнетизму, предложил способ вывода индукций токов из закона сохранения энергии, открыл явление распространения электрического тока через воздух при обыкновенном давлении и температуре, а изучая прохождение тока через газы, открыл целый ряд новых типов свечения этих газов. Д. С. Рождественский, научная работа которого приобрела особенно широкий размах при советской власти, создал целую школу ленинградских физиков-оптиков; основные работы его посвящены исследованию дисперсии света в парах и газах и оказали крупное влияние на развитие мировой физики. В его работах и работах его учеников метод изучения анормальной дисперсии превратился в метод про-

щупывания внутренней структуры атомов. А. Н. Меншуткин своим курсом аналитической химии оказал огромное влияние на изучение этого предмета у нас и за границей; ему же принадлежит первый оригинальный русский курс органической химии. А. Е. Фаворский создал целую школу русских химиков, являющуюся расширением и продолжением школы знаменитого Бутлерова. Д. П. Коновалов был автором исключительно оригинальных работ по теории растворов, показавшим отсутствие границы между химическими соединениями и растворами и определившим раствор как особое состояние химических соединений, при котором частицы, образующие раствор, обладают самостоятельным поступательным (неизменным) движением. Работы эти вошли во все учебники химии, а законы, открытые Коноваловым, получили его имя. Кроме того, Коновалов был одним из первых ученых, указавших на значение термодинамического метода изучения растворов. С. П. Глазенап — замечательный популяризатор, заслуживший прозвание «русского Фламмариона»,—был основоположником астрофизики в России и широко известен своими трудами о двойных и переменных звездах. Его ученик А. А. Иванов — крупная величина в области теории малых планет, теории процессии и мутации; на его исследования по фигуре земли ссылаются крупнейшие европейские специалисты. Н. П. Вагнер заслужил мировую известность открытием девственного размножения личинок насекомых. Работы о развитии асцидий и амфиокса, доказавшие отсутствие непереходимых граней между позвоночными и беспозвоночными, доставили мировую известность и А. О. Ковалевскому, которому принадлежит также инициатива важнейших открытий в области морфологии животных. Н. Е. Введенский и его ученик А. А. Ухтомский являются основоположниками замечательной русской физиологической школы, истоки которой восходят к Сеченову, а ответвления ведут к теории условных рефлексов И. П. Павлова. В работе «Возбуждение, торможение и наркоз», излагающей учение о реакциях живой ткани на раздражение, впервые в истории физиологии выдвигается понятие о местном возбуждении и устанавливается наличие постепенных переходов между процессами возбуждения и торможения. В. И. Палладин был основоположником современного учения о дыхании, установившим, во-первых, генетическую связь между дыханием и брожением и, во-вторых, показавшим, что в процессе дыхания растений углевод (глюкоза) окисляется не путем сжигания его кислородом, как думали раньше, а путем отщепления от него водорода.

А. В. Воейков, человек колоссальной эрудиции, свободно владевший всеми главными европейскими языками, изъездивший всю Европу, Египет, Малую Азию, Индию, Китай, Япо-

нию, Северную и Южную Америку, был гордостью и славой университета как талантливейший географ, автор лучшего в мире исследования о влиянии снежного покрова на климат и почву, метеоролог и один из творцов климатологии как особой науки. А. А. Иностранцев, который впервые ввел в русскую петрографию микроскоп и тем самым освободил ее от чисто описательного состояния, был отцом и русской петрографической школы, получившей столь блестящее развитие в трудах его ученика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, и русской геологии. П. А. Земятченский объединил вокруг себя тоже целую школу, разрабатывавшую преимущественно вопросы химической минералогии.

Можно еще значительно продолжить перечень важнейших открытий и работ ученых Петербургского университета, но и сказанного достаточно для того, чтобы сделать вывод о первостепенной роли Петербургского университета в развитии отечественной науки и огромном его влиянии на мировую науку.

Часть вторая

1917—1941

Глава I

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТА ОТ 1917 г. ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1917 г. был поворотным моментом в истории университета. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. мало изменила обычное течение университетской жизни. Февральскую революцию многие профессора университета восприняли не как начало революционного движения в России, а как его итог. Всякое углубление революции казалось им «потрясением основ» и должно было отрицательно отразиться на судьбах науки и университета.

Но события нарастали. Грянули июльские дни. В университетских лабораториях и аудиториях все больше разгорались оживленные споры на политические темы. Появились большевистские газеты, все чаще и чаще говорили о Ленине, о большевиках. Революция стучалась в двери «храма науки» — Петроградского университета. Многие профессора задавали себе вопрос: кто такие большевики, за что они борются, к чему ведут Россию?

Если всякие разговоры о советах и большевиках проф. Костычев обрывал резким замечанием: «Пора прекратить устраивать политический клуб в университете», если проф. Лосский в дни, когда по проспектам Петрограда носились грузовики с революционными рабочими, матросами и солда-

тами, вяло и скучно читал в здании Городской думы доклад «О кресте на святой Софии и о нашей миссии в Царьграде», то такие профессора, как Н. Я. Марр, В. М. Шимкевич и некоторые другие уже обращали свои взоры к большевикам.

События Великого Октября 1917 г. перевернули страницу и в книге истории Петербургского-Петроградского университета.

Университет отныне был призван служить делу развития науки и просвещения трудящихся масс молодой Советской России, Республики рабочих и крестьян.

Сложен и тяжел был путь перестройки университета. Немало исканий, опытов и экспериментов, удачных и неудачных, неразрешимых, казалось бы, проблем стояло на путях его перестройки.

Не все профессора и сотрудники университета поняли и приняли Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Часть их, — правда, к чести университета, очень небольшая, — упорно не желала ни принять революцию, ни даже понять ее, и открыто выступала против мероприятий советской власти. Оторванные от жизни страны, от народа, озлобленные, чувствующие себя выброшенными за борт истории, терявшие слушателей, они продолжали свою деятельность в университете, превращая свои лекции в грубую брань по адресу советской власти. Так, например, пресловутый Питирим Сорокин каждую свою лекцию начинал и кончал дешевой полемикой с ... «Красной газетой».

Однако бóльшая часть профессоров и преподавателей продолжала работать в университете, честно и добросовестно относясь к своим обязанностям, выполняя порученную им работу и откликаясь на мероприятия, проводимые советскими и партийными органами.

В опустевших, холодных, нетопленных аудиториях, в лабораториях, вышедших из строя за отсутствием энергии, газа, воды, при тусклом свете слабых электрических лампочек или самодельных коптилок, закутанные в шубы и шарфы, профессора читали лекции, писали свои труды, начинали и заканчивали работы, рылись в книгах, рукописях, коллекциях. И среди этой части профессуры все большее и большее значение приобретала в начале немногочисленная, но быстро растущая группа ученых, осознавших, что их место— в университете. с народом, с советской властью, с партией большевиков. Они стихийно, а затем и сознательно, перевоспитываемые силой вещей, железной логикой революции, тянулись к марксизму и становились уже не лояльными свидетелями великой революционной борьбы трудящихся масс Советской России, а ее участниками.

Настроения этой части профессуры нашли отражение в яркой речи «Роль С.-Петербургского университета в разви-

тии точных наук», произнесенной проф. В. М. Шимкевичем 8(21) февраля 1919 г. по поводу столетия со дня основания университета.

Он говорил: «Перед нашей интеллигенцией стоит страшная по трудности и колоссальности, но бесконечно благодарная задача. Почва России вспахана глубоким плугом... Надо строить все сызнова, и без полного напряжения и участия всех интеллектуальных сил страны никакое строительство невозможно... Период бури и натиска с его моральными мучениями и физическими страданиями рано или поздно минует, и настанет время упорной созидательной работы. Но эта работа не должна быть работой Сизифа. Как бы ни было тяжело положение России, но духовный взор наш, направленный в будущее, если он только смотрит через призму любви к России, не может видеть ее иначе, как единой, свободной и счастливой.

Этой России должны принадлежать наши силы, ей принадлежит наша жизнь».

В аудиториях университета температура падала ниже нуля, в химических лабораториях замерзали реактивы, окоченевшими от холода пальцами в полумраке стеллажей фундаментальной библиотеки служителя искали требуемые книги, а в бесконечном коридоре главного здания, в аудиториях, в общежитиях жизнь била ключом, шли ожесточенные споры на политические и научные темы, проходили бурные сходки и собрания.

Среди студенчества пользовались еще большим влиянием лидеры, примыкавшие к различным антисоветским партиям: кадетам, эсерам, меньшевикам. Они всячески саботировали и срывали мероприятия, проводимые в университете партийными и советскими органами.

С этой враждебной группой и повело борьбу передовое студенчество университета — главным образом студенты гуманитарных факультетов, выступившие за марксизм-ленинизм, за революцию, за принципы советской власти.

Страстная и энергичная борьба этих передовых студентов, вначале сравнительно немногочисленной кучки, борьба за революционную теорию, за передовую науку, за проведение в жизнь решений партийных и советских организаций, нашла отражение не только в студенческой массе, но и в среде профессуры. Именно эта группа «красного студенчества» служила бродилом во всей учебной и общественной жизни университета, она помогала «левой профессуре» бороться за передовую науку, подталкивала нерешительных, одобряла воинствующих, осуждала консерваторов от науки и своим молодым задором, юношеским увлечением, энергией, своей преданностью высоким принципам заражала людей старших поколений. А вскоре в кабинетах, лабораториях,

аудиториях появились новые люди. Еще вчера они стояли у заводского станка, шли за плугом, сплавляли лес, вели опытной рукой поезда во все концы своей необъятной страны. Еще вчера, с винтовкой в руках, в старой шинели, в обмотках, с гранатой за поясом, пулеметной лентой через плечо они сражались на бесчисленных фронтах гражданской войны. А теперь они, жадные до знаний сыны и дочери трудового народа, пришли в университет. Среди студентов университета появились первые коммунисты и комсомольцы.

Советская власть отменила все ограничения по приему в университет. Прием в университет был открыт для всех граждан республики обоего пола, без дипломов и экзаменов. Но развернувшаяся гражданская война и контрреволюционные выступления приверженцев старого общественного строя показали, что для советской власти далеко не безразлично, как и из кого готовить специалистов, которым предстоит занять ведущее место в жизни страны. Свободным приемом в университет воспользовались представители нетрудового элемента, заполнявшие аудитории высших учебных заведений в те годы, когда трудящаяся молодежь еще не могла воспользоваться предоставленным ей правом.

Советская Россия нуждалась в создании новой интеллигенции, вышедшей из рабочих и крестьян, и нужно было не только декларировать это положение, но и создать условия для его реализации. С этой целью и были учреждены рабочие факультеты и, в частности, в 1920 г. рабочий факультет при Петроградском государственном университете.

Первые рабфаковцы пришли в свои аудитории, в помещение бывших Высших женских Бестужевских курсов, непосредственно от станка и сохи, с фронтов гражданской войны. Рабочая и крестьянская молодежь советской страны массовым поступлением на рабфак ответила на призыв Владимира Ильича Ленина, брошенный им с трибуны III съезда РКСМ: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».[1]

Далеко не все студенты университета приветливо встретили своих новых, младших товарищей. Зимой 1920/21 г. как-то на общеуниверситетскую студенческую сходку явились рабфаковцы. Между ними и студентами, стоявшими у входа в университет, произошел такого рода разговор: «Откуда вы, господа?» «Мы студенты рабфака», последовал ответ. «Рабфака? Коллега, вы слышали о существовании такого факультета? Боюсь, что вы напрасно затрудняли себя,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 388.

так как здесь происходит сходка студентов университета, к которому вы никакого отношения не имеете».[1]

Через рабфак и непосредственно, подавая заявления в университет, трудящаяся молодежь все больше и больше завоевывала его.

Но здесь, в университете, ей пришлось вести ожесточенную принципиальную политическую борьбу. Первые мероприятия советской власти в области высшего образования были направлены на установление системы университетского самоуправления. Это были далеко не специфические большевистские требования, а обычные буржуазно-демократические чаяния, но их не могло и не хотело удовлетворить не только царское, но и Временное правительство. Все профессора, преподаватели, служителя и студенты университета были допущены в органы университетского самоуправления, имели право избирать и быть избранными в него. Этой демократической университетской реформой воспользовались представители различных группировок, враждебных партии и советской власти. Пользуясь немногочисленностью коммунистов и комсомольцев, остатки враждебных партий и группировок среди студенчества вели себя весьма вызывающе, открыто выступали против решений партии и правительства, вели свою вражескую линию во всех вопросах университетской жизни, выдвигали на ответственные посты своих «коллег», поддерживали реакционную профессуру, саботировали и срывали намечаемые в университете мероприятия и т. д.

С этими остатками «белоподкладочников» и вступили в борьбу студенты новых приемов.

С 1921 г. при приеме в университет, как и во все высшие учебные заведения вообще, стал проводиться классовый принцип комплектования. Из числа подавших заявления приему подлежали в первую очередь рабочие и их дети, крестьяне и их дети и некоторые группы трудовой интеллигенции (научные работники, учителя, военнослужащие и их дети).

Проведенная в 1924 г. «чистка» студентов университета была поворотным моментом в истории этой внутриуниверситетской борьбы. Большое число людей, чуждых советской власти, науке и университету, было исключено из университета. Отчислены были из числа студентов и люди, которые не хотели учиться, появляясь лишь от случая к случаю на лекциях наиболее популярных профессоров, давно уже фактически порвавшие связь с университетом, и люди, которым университетская наука оказалась не по плечу.

Эта «чистка» оздоровила обстановку в университете.

---

[1] „Студенческая Правда", 1927. Из воспоминаний бывшего рабфаковца, студента биологического отделения физмата ЛГУ Петрова.

Враждебные элементы и люди, оказавшиеся не в состоянии удовлетворять требованиям, предъявляемым университетом, уже не засоряли собой ряды студентов, и это, несомненно, отразилось резко положительно на всех сторонах университетской жизни.

К этому времени значительно выросла немногочисленная в первые годы революции прослойка коммунистов и комсомольцев. Партийная организация университета насчитывала в 1924/25 г. уже более 100 чел. Организующая роль партийного коллектива университета чувствовалась не только в общественно-политической, но и в учебной и научной жизни университета.

Росла комсомольская организация университета, возникали факультетские комсомольские ячейки. Созданы были студенческие профсоюзные организации, причем вначале они строились в зависимости от профсоюзной принадлежности студентов, а затем — по факультетскому производственному принципу. Так были созданы профессиональные комитеты союза рабпрос, химиков, горняков, позднее (с 1926 г.) совторгслужащих, объединенные в исполнительное бюро профсекций.

Существовали различные землячества (украинское, закавказское, сибирское, поволжское, уральское, кубанское и т. д.), касса взаимопомощи, студенческая трудовая артель, различные кружки, спортивные секции, литературные ассоциации и т. п.

За эти организации также шла борьба со студенчеством меньшевистско-эсеровского толка. Если в профкомы и исполбюро, ведущие организации университета, работавшие под руководством партийного комитета, избирались коммунисты, комсомольцы, честные и преданные советской власти беспартийные, то в других организациях, например в землячествах, еще долгое время, вплоть до 1925/26 гг., подвизались люди, находившиеся под влиянием антисоветских группировок.

Такая же борьба развертывалась и среди профессуры. Реакционная часть профессуры использовала кафедру и трибуну для отстаивания своих позиций и взглядов, для распространения враждебного идеологического влияния. Часто заседания ученых советов факультетов и правления университета, заседания научных обществ, кафедр, ассоциаций, общественных организаций и т. п. превращались в настоящую арену острой политической борьбы. Но успехи советской власти, линия, проводимая партией большевиков по отношению к науке, к высшему образованию в стране, заставляли все бóльшую и бóльшую часть профессуры убеждаться в том, что в Советской России созданы все условия для развития научного знания.

Величественные задачи, поставленные перед наукой Лениным в «Наброске плана научно-технических работ», не могли не увлечь передовых ученых. Партия и советская власть из года в год, на практике, доказывали всему «ученому миру», что никогда еще не существовали в нашей стране такие условия для всестороннего развития всех отраслей науки, какие созданы Великой Октябрьской социалистической революцией. Поддержка, оказанная науке и ученым в эти годы советским правительством и большевистской партией, быстрое развитие сети научных институтов и лабораторий, рост числа экспедиций и исследований, рост печатной научной продукции, увеличение количества вузов и т. п. — все это не могло не привести к изменениям в настроениях ученых страны, одним из отрядов которых была профессура Петроградско-Ленинградского университета. Беспартийные научные работники, в начале революции писавшие в анкете на вопрос: «какой партии сочувствуете» — «аполитичен», теперь уже не стеснялись на этот же вопрос ответить: «партии большевиков».

В этом повороте ученых в сторону советской власти в Ленинграде особенно большую роль сыграли Горький и Луначарский.

В эти годы многие видные работники университета, не имевшие до революции профессорской кафедры и звания, получили профессуру. В числе их следует назвать ныне академиков В. Л. Комарова, Е. В. Тарле, профессоров Д. И. Дейнека, П. М. Горшкова и др.

И если реакционная профессура в своей борьбе против мероприятий, проводимых в университете, опиралась на студентов-меньшевиков и социалистов-революционеров, то передовая часть профессуры всегда находила самую широкую поддержку, самый горячий отклик прежде всего в среде студентов-коммунистов и комсомольцев. Так шла борьба между трудовым студенчеством и остатками «белоподкладочников», между передовой частью профессуры и реакционными «жрецами науки». Эта борьба была отражением великой социальной борьбы, происходившей в стране. И в старинном русском университете, так же неизбежно, как и во всей стране, победило передовое начало, руководимое большевиками, партией Ленина—Сталина.

Строительство социализма в нашей стране, быстрый рост промышленности, рост и реконструкция сельского хозяйства— перевод его на рельсы коллективизации, приобщение к науке, культуре, искусству широких масс советского народа, развитие социалистической культуры и рост народного образования предъявляли новые требования к высшим учебным заведениям и, в частности, к Ленинградскому университету. Вузы должны были повернуться лицом к производству, к практике социалистического строительства в области промышленности

и сельского хозяйства, в области культуры. С 1928/29 г. в университете началась перестройка учебных планов, ставившая своей задачей приближение университетской теории к практике социалистического строительства. На экспериментальных факультетах это нашло отражение в введении ряда новых дисциплин, в создании новых специальностей (например, аэрогидромеханики, физиологии труда и т. п.), приглашении профессуры из технических вузов, а на гуманитарных — в введении педагогических дисциплин, музееведения, архивоведения, редакционно-журнального дела и т. п. Научная работа профессуры университета стала постепенно перестраиваться в соответствии с требованиями социалистического строительства.

Одновременно по решению июльского пленума ЦК ВКП (б) 1928 г., подтвержденному постановлением ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г., была введена непрерывная производственная практика. Производственная практика студентов становится органической частью всей учебной работы и протекает в течение года (с учетом, конечно, сезонности некоторых специальностей), по планам, под руководством уполномоченных кафедрой лиц, сопровождается отчетами и т. д. Сотни и тысячи студентов университета устремились на заводы, в лаборатории, на поля, в школы, музеи. архивы, обсерватории, приняли участие в экспедициях, раскопках. Это был важный шаг в истории университета. Между университетской аудиторией и заводской лабораторией, между вузовским кабинетом и музеем, университетской станцией и совхозом, хранилищем коллекций и шахтой установился непосредственный рабочий контакт; университетская теория стала освещать практику производственных процессов, одновременно поставив себя на службу практике великого социалистического строительства.

Среди определенной, хотя и немногочисленной части профессуры этот поворот университета и жизненным потребностям страны вызвал резкое недовольство. Они считали его профанацией, оскорблением «храма чистой науки», чем-то не вяжущимся с обычным представлением об университете. Этому способствовала преступная деятельность так называемых «леваков». Люди, в большинстве своем бездарные, по сути дела не имеющие никакого отношения к науке, пришедшие в университет со стороны, они не понимали того, что делается вокруг, не признавали университета и университетской науки. «Леваки» считали, что университет отжил свой век, что «университетское образование не соответствует нуждам страны», а следовательно, «Византийская империя», как называли они университет, должна быть разрушена. Такие ультрапрактические «леваки» имелись на каждом факультете. Они кричали на всех собраниях и совещаниях, что

«...в век технизации университету не место среди высших учебных заведений страны». В своем стремлении все и вся технизировать они, например, добились ликвидации на факультете математики и механики специальности математики, заменив ее финансово-банковской специализацией. Биологическое отделение должно было превратиться в факультет опытного животноводства и растениеводства, университет должен был начать готовить инженеров, агрономов и т. п. Всякие попытки со стороны передовой университетской профессуры унять этих радикальных «реформаторов» приводили к запугиванию, приклеиванию одиозных политических ярлыков и т. д.

В 1930 г. университет лишился химического, геологического, историко-лингвистического и юридического факультетов. Химический факультет влился в химико-технологический институт, геологическое отделение влилось в Горный институт, а историко-лингвистический факультет и факультет советского права превратились в самостоятельные институты под теми же названиями.

Одновременно всевозможного рода экспериментаторы начали вводить различные «активные методы преподавания», стремясь ликвидировать лекции, узаконить «бригадную систему», а следовательно, полную обезличку, установить «проработки» в аудитории, бесконечные консультации «научных нянек» и т. д. Но этот период продолжался сравнительно недолго.

Решением правительственных органов 13 июля 1931 г. университетам был дан определенный профиль, установивший их отличие от других вузов родственных специальностей. В решении было указано, что университет должен готовить научно-исследовательские кадры по общественно-научным и физико-математическим дисциплинам.

Огромную роль в жизни университета сыграло решение ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. Положен был конец всевозможного рода экспериментам и бесконечным перестройкам. Введен был принцип единоначалия (директор, декан, заведующий кафедрой), факультетская структура, уничтожившая всякого рода «циклы», «секторы», «уклоны» и т. п., уточнены специальности, перестроен вузовский режим, внесена четкая организованность и плановость в структуру учебного года, ликвидированы вредный так называемый «бригадно-лабораторный» метод и пережитки проектной системы. Лекция, сопровождаемая демонстрацией и экспериментом, заняла главное место в преподавании. Введены были семинары, в лабораториях и кабинетах университета организована самостоятельная работа студентов, сопровождаемая консультацией. Университет провел большую работу по внедрению производственной практики, предусмотренной реше-

нием ЦИК СССР. Развернулась научная работа кафедр. При университете были созданы научно-исследовательские институты. Результатом осуществления на практике решения ЦИК СССР было резкое улучшение работы всех звеньев университета. Профессора стали лучше работать, студенты — лучше учиться. Постановлением коллегии Наркомпроса РСФСР перед Ленинградским университетом была поставлена новая почетная задача — в кратчайший срок превратиться в образцовый университет Союза.

В апреле 1934 г. доклад университета был заслушан на заседании Совнаркома РСФСР, и последний, дав положительную характеристику работ университета, отметил ряд недостатков и поставил перед ним новые большие задачи.

Внимание, уделявшееся университету ленинградскими партийными организациями и в особенности подлинным другом науки, вождем ленинградских большевиков, Сергеем Мироновичем Кировым, дало возможность университету успешно справиться со стоявшими перед ним задачами.

В составе университета возрождаются один за другим ликвидированные было факультеты. В 1932 г. восстанавливается химический факультет, затем геолого-почвенная специализация, позднее выделившаяся в особый геолого-почвенный факультет.

В 1934 г. по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР в университете восстанавливается историческое образование.

В своем решении от 16 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) указывали, что в школах Советского Союза «вместо преподавания гражданской истории... преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами».

«В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов по 150 чел., установив срок обучения 5 лет».[1] Так, по личной инициативе товарища Сталина в составе Ленинградского университета с осени 1934 г. вновь стал функционировать исторический факультет.

В 1937 г. в университете восстанавливается (путем присоединения Института литературы и лингвистики) филологический факультет. В 1940 г. из отделений исторического факультета создаются философский и экономический факультеты. К началу Великой Отечественной войны в университете функционировало 10 факультетов:

---

[1] Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) „О преподавании гражданской истории в школах СССР", от 16 мая 1934 г.

1. Математико-механический
2. Химический
3. Геолого-почвенный
4. Географический
5. Физический
6. Биологический
7. Исторический
8. Филологический
9. Философский
10. Экономический

Университетское образование, за исключением юридических наук, было восстановлено не только полностью, но и в значительно расширенном объеме; оно включило в себя десятки новых специальностей, рожденных практикой социалистического строительства и развитием науки.

Изменилось многое и в других областях жизни университета. Социалистическое строительство в стране привело к изменению классовой структуры нашего общества. Были ликвидированы эксплоататорские классы.

Это не могло не отразиться на жизни и деятельности университета.

Еще 29 декабря 1935 г. постановлением ЦИК СССР и СНК СССР был отменен классовый принцип при приеме в вузы. Согласно этому постановлению в вузы страны принимались все граждане обоего пола, достигшие определенного возраста и выдержавшие соответствующие испытания. Никаких справок о социальном происхождении отныне не требовалось.

Решающую роль в жизни университета сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», опубликованное 24 июня 1936 г.

Это решение партии и правительства дало сильнейший толчок развитию университета, расцвету университетской науки. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) указало на крупные недостатки в работе высшей школы, установило определенные правила и сроки приема, режим учебного времени, правила организации учебной работы, порядка и дисциплины в высшей школе. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) положило конец безответственности студентов, приему и сохранению в стенах высших учебных заведений лиц неподготовленных, академически неуспевающих, укрепило положение и повысило должным образом роль профессорско-преподавательского состава, укрепило единоначалие ректоров. «Всевозможные «левацкие» теории и теорийки, причинившие столько вреда советской школе», проникшие и в высшую школу в виде широко распространенного «бригадно-лабораторного метода», были осуждены и прекратили свое существование.[1]

---

[1] Из передовой „Правды", от 26 июня 1936 г.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) обеспечило все условия для нормальной работы университета, создало исключительные возможности для творчества профессуры и учебных занятий студенчества.

17 мая 1938 г. на приеме в Кремле работников высшей школы вождь и учитель народов нашей отчизны Великий Сталин провозгласил тост «за науку, за процветание, за здоровье людей науки».

«За процветание науки, той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой». «За процветание науки, ... которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми...» «За процветание нашей передовой науки! За здоровье людей передовой науки!»[1] Здравица вождя, друга и учителя советского народа товарища И. В. Сталина воодушевила советских ученых, увеличила их силы, придала смелость их научным дерзаниям. Три года, прошедшие со времен исторической речи товарища Сталина на приеме работников высшей школы и до начала Великой Отечественной войны, являются показателем нового подъема высшей школы и расцвета науки.

В это общее поступательное движение советской высшей школы и передовой науки Ленинградский университет вложил немалую долю своего труда. За эти три года университет подготовил и выпустил свыше 3500 высококвалифицированных специалистов, направленных на работу во все концы нашей необъятной Родины. Университет стал одним из крупнейших вузов нашей страны.

Накануне Великой Отечественной войны в нем обучалось:

Студентов 10 факультетов стационара	4 858	чел.
„ заочников университета	1 463	„
„ „ Педагогического института при университете	1 078	„
„ экстерната	207	„
Аспирантов	391	„

Всего к июню 1941 г. в университете обучалось 7987 чел. Этот восьмитысячный коллектив учащихся обучали 20 академиков, 167 профессоров, 385 доцентов, 377 ассистентов и 224 лаборанта. В составе сотрудников университета имелось 184 доктора и 292 кандидата наук.

Исключительно большая работа была проведена университетом в 1938—1941 гг. в области повышения квалификации научных работников. За эти три года в университете были

[1] И. В. Сталин, О молодежи, „Молодая Гвардия", 1939, стр. 98, 100.

защищены 73 докторских диссертации (из них работниками университета 32) и 444 кандидатских (из них 167 сотрудниками и аспирантами университета).

К июню 1941 г. в университете насчитывалось 95 кафедр, 113 лабораторий, 41 кабинет и 12 научно-исследовательских институтов:

1. Биологический
2. Географо-экономический
3. Химический
4. Математико-механический
5. Физиологический
6. Физический
7. Обсерватория
8. Институт земной коры
9. Заповедник «Лес на Ворскле»
10. Бородинская гидробиологическая станция
11. Географический музей
12. Саблинская естественно-географическая и геолого-почвенная станция.

Кроме того, имелась база для археологических работ в Старой Ладоге.

На кафедрах и в институтах университета около 990 научных работников вели исследовательскую работу в самых разнообразных областях научного знания. Эти три года являются поворотными в сторону решения научных проблем, имеющих важное оборонное и народнохозяйственное значение. Назовем только несколько крупнейших проблем, решенных учеными университета и внедренных в производство:

1. Исследования акад. А. Е. Фаворского в области непредельных соединений, приведшие к синтезу изопренового каучука, за что их автору была присуждена Сталинская премия.

2. Распространение метода аномальной дисперсии на определение вероятностей переходов в атомах тугоплавких металлов, осуществленное акад. Д. С. Рождественским.

3. Способ изготовления равнопористых стеклянных микроситт, изобретенный В. В. Перфильевым, за что автор был удостоен Сталинской премии.

4. Способ регулирования икрометания у рыб посредством гипофизарных инъекций, разработанный Н. Л. Гербильским (применение способа Н. Л. Гербильского значительно ускорило созревание икры и повысило производительность рыбных заводов на 30%); за свое изобретение Н. Л. Гербильский был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

5. Математическая теория подводного светового режима, разработанная членом-корреспондентом Академии наук СССР проф. В. А. Амбарцумианом.

6. Проблема движения конечных масс в общей теории относительности (акад. В. А. Фок).

7. Создание экологической паразитологии (проф. В. А. Догель).

8. Новые методы точного предсказания погоды (проф. И. А. Кибель).

9. Методы спектрального анализа газов и сплавов.

А. Е. Фаворский.

10. Геологические исследования Ленинградской области, Кольского полуострова и т. д.

К 1941 г. университет обслуживал своими научными работами около 100 промышленных предприятий, из них 50 оборонных.

В числе важнейших оборонных учреждений страны, с которыми университет был тесно связан, можно назвать Артиллерийское управление РККА, Управление химвойск РККА, Минометное управление РККА и др.

За 3 года изобретено, освоено, изготовлено в мастерских университета и сдано для применения 24 прибора, в том числе электронограф, прибор для определения дисперсности и заряда порошков, прибор для ускорения созревания плодов, установка для водных культур овощных растений, модель

фотометра, эпсилонометр, клиновой колориметр, прибор для измерения напряжений в отдельных точках модели, прибор для исследования напряжений во вращающейся модели, динамоскоп, прибор для измерения плотности негативов, автоколлимационный спектрограф и мн. др.

Университетские экспериментальные мастерские освободили нашу страну от импорта ряда приборов.

Приборы, изготовленные в университетских мастерских, устанавливались на заводах и в вузах в Воронеже, Москве, Днепропетровске, Свердловске, Кривом Роге, Харькове, Сталинграде, Днепродзержинске и в других городах Советского Союза.

Показателем активности научной жизни университета за трехлетие является обилие и разнообразие проведенных им научных сессий и конференций. В течение 1939, 1940 и первой половины 1941 г. было организовано 30 научных сессий и конференций, на которых было проведено 134 заседания, заслушано 408 докладов и присутствовало 11 720 чел. Следует особо отметить научные сессии, посвященные шестидесятилетию со дня рождения Сталина, 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса и 120-летию Ленинградского университета, а также всесоюзные совещания и конференции по жидкому состоянию, фотохимии кристаллов, стеклообразному состоянию, фотоупругости и по истории Западной Украины, Западной Белоруссии, Эстонской, Латышской, Литовской, Молдавской и Карело-Финской ССР.

Ученые Ленинградского университета оказывали большую помощь братским союзным республикам в изучении их производительных сил, истории, фольклора и литературы. По Карело-Финской ССР геологами университета выявлены залежи пегматитов, кианитов, гранатов, составлены геологические карты ряда районов республики, биологами исследованы паразиты рыб Ладожского озера, изучены загрязнения водоемов Карелии, физиками и химиками разрабатывались методы анализа и извлечения редких элементов рудных месторождений, историками и археологами осуществлен ряд тем по истории карело-финского народа. Ряд работ был проведен по изучению геологии, географии и зоогеографии Казахской ССР. Так, например, была составлена подробная геологическая карта Мугоджар, на основании которой проводятся поисковые работы, изучена геоморфология Казахстана и т. д. Изучалась геология Киргизской ССР, Тянь-шаня и ряда других областей. Одновременно были проведены обширные работы в области исследования Каспийской низменности (Туркменская ССР), изучен обмен вод Кара-богаз-гола, выявлены залежи кварца на Волыни, проведены ценные исследования по улучшению высокогорных пастбищ в Юго-Осетии, по изучению новых союзных республик и западных

областей Украины и Белоруссии. В эти исследования включились геологи, географы, филологи, историки и археологи.

Этих примеров можно было бы привести еще много. Все большее и большее число профессоров и преподавателей университета серьезно включалось в его научную работу и переносило в стены университета всю свою научную деятельность.

Если в 1938 г. 534 научных сотрудника считали научную работу в университете своей основной работой, то в 1941 г. почти все члены профессорско-преподавательского коллектива (990 чел.) перенесли центр тяжести своих изысканий в университетские кабинеты и лаборатории.

Результаты этой работы за период с осени 1938 г. по июнь 1941 г. выразились в следующей печатной продукции.

В 1938 г. было издано . .	386	названий
„ 1939 „ „ „ .	799	„
„ 1940 „ „ „ . .	1 535	„

С 1 января по 1 мая 1941 г. было издано 180 названий.

Если собрать воедино всю печатную продукцию, написанную работниками Ленинградского университета за один только 1940 г., то она составит 300 томов по 20 листов каждый. Из года в год все большее значение приобретало быстро растущее университетское издательство, руководимое И. П. Ивановым и А. Н. Коварской. За те же 1938—1941 гг. издательство университета выпустило 213 отдельных книг, из них 55 томов Ученых записок ЛГУ. Вся эта печатная продукция издательства ЛГУ составляет 2295 печатных листов.

На совещании работников высшей школы в мае 1938 г. В. М. Молотов говорил, что «среди всех недостатков высшей школы главным в настоящее время является недостаток хороших учебников... Профессора и преподаватели, старые ученые и молодые научные работники должны взяться за это дело, как за одну из важнейших и неотложных государственных задач, чтобы обеспечить высшую школу хорошими учебниками, достойными нашего великого дела, дела социализма».

И ученые Ленинградского университета разных степеней и званий взялись за это важное государственное дело и вложили в него немало труда.

За 3 года было напечатано и находилось в производстве 173 учебника. В составлении этих учебников принимали участие академики А. А. Ухтомский, И. И. Мещанинов, В. В. Струве, Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, В. Л. Комаров, С. Н. Бернштейн, С. П. Обнорский, А. С. Орлов и др., члены-корреспонденты Академии наук СССР профессора В. И. Смирнов, Л. В. Щерба, В. Ф. Шишмарев, В. А. Амбарцумиан, В. А. Догель, Н. К. Пиксанов, Н. А. Буш, В. М. Жирмунский, заслу-

женные деятели науки профессора Г. М. Фихтенгольц, К. М. Быков, Н. М. Гюнтер, Л. С. Берг, профессора А. В. Немилов, Д. Н. Кашкаров, С. С. Кузнецов, М. Ф. Субботин, Г. А. Гуковский, О. Л. Вайнштейн, В. И. Равдоникас, С. Я. Лурье, П. Н. Тверской, С. Г. Бархударов, В. В. Мавродин, И. И. Жуков, С. Э. Фриш, С. Б. Окунь и др.

Учебники, составленные отдельными авторами или учеными коллективами, вышедшие в издательстве ЛГУ и в других издательствах, являются живым свидетельством подъема научной деятельности Ленинградского университета.

Большое внимание было уделено созданию научных и учебных фильмов. В фильмотеке университета имеются представляющие большой научный интерес фильмы: 1) Кристаллизация (2 части), 2) Кристаллизационные свойства воды, 3) Животные песчаной пустыни, 4) Ангиостомия и органостомия (труды проф. Лондона), 5) Опыты над собаками (фрагменты), 6) Лес на Ворскле, 7) Петергофский биологический институт, 8) Язык жестов, 9) Механическая речь, 10) Археологические раскопки и памятники материальной культуры Старой Ладоги (раскопки проф. В. И. Равдоникаса) и др.

Большая часть этих фильмов была заснята М. И. Каганом.

В течение последних лет (1938—1939 и 1939—1940 гг.) был осуществлен решительный поворот в тематике научно-исследовательской работы, поворот к жизни, к практике, к нуждам обороны страны и народного хозяйства, к решению больших, серьезных теоретических вопросов, имеющих в конечном счете практическое значение.

Это привело к повышению общего тонуса научной жизни университета и к повышению удельного веса его среди научных учреждений страны. За научные труды на благо народа советское правительство удостоило пять профессоров университета Сталинскими премиями: акад. В. Л. Комарова, акад. А. Е. Фаворского, акад. В. Е. Тищенко, проф. Б. В. Перфильева и проф. И. А. Кибель.

Общее оживление научной работы в университете сопровождалось борьбой за передовую науку. Особенно острый характер приняла борьба в области генетики. Следует отметить ряд совещаний, на которых был дан отпор реакционным течениям и разоблачены псевдонаучные установки школы формальных генетиков Ленинградского университета.

В этой борьбе за передовую науку в университете непосредственно в предвоенные годы серьезную положительную роль сыграл ректор университета П. В. Золотухин, занимавший этот пост в течение года восьми месяцев.

Будучи центром научной мысли, в то же время Ленинградский университет продолжал оставаться кузницей кад-

ров. Выпустив за 1918—1938 гг. свыше 20 000 специалистов, он только за 3 года — 1939, 1940 и 1941, — дал стране 3102 специалиста в области механики, математики, физики, химии, географии, филологии, истории, геологии, экономики и т. д.

В 1940 г. Ленинградский университет выпустил 835 специалистов по 46 различным специальностям; из них осталось в аспирантуре 96 чел., направлено на научно-исследовательскую работу 284 чел., на педагогическую работу в вузы 48 чел. В 1941 г. Ленинградский университет окончило 910 чел., из них свыше 90 было намечено к аспирантуре, 439 чел. направлялось на научно-исследовательскую работу и 34 на работу в вузы. К этому числу необходимо добавить заочников, экстернов и заочников Педагогического института при университете.

За это же время в вузы и научно-исследовательские учреждения страны было выпущено 554 аспиранта, значительная часть которых своевременно защитила кандидатскую диссертацию.

Большую роль в деле подготовки кадров молодых советских специалистов, в деле их политического воспитания, в развертывании университетской теоретической науки на базе диалектического материализма, в повышении идейно-политического и теоретического уровня преподавания сыграло расширение преподавания основ марксизма-ленинизма и самостоятельное изучение «Краткого курса истории ВКП(б)».

«Нет необходимости, чтобы специалист-медик был вместе с тем специалистом по физике или ботанике, или наоборот. Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки, — это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма».[1]

Большая работа, проводимая партийной и комсомольской организациями университета в области политического воспитания студенчества и сотрудников университета, от академика до препаратора, развертывание преподавания курса основ марксизма-ленинизма многочисленными сотрудниками этой кафедры, возглавляемой проф. Б. А. Чагиным, работа университета марксизма-ленинизма, — все это в совокупности служило основой общественно-политической жизни университета.

Партийные и непартийные большевики университета, юные комсомольцы и убеленные сединами маститые старцы проходили хорошую школу политического воспитания в духе учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II, стр., 598.

Вот почему, когда над Ленинградом нависла опасность в дни борьбы с белофиннами, в холодную и суровую зиму 1939/40 г. многие преподаватели и студенты университета ушли на фронт с оружием в руках защищать северо-западные рубежи своей священной Родины. Немало добровольцев — воспитанников университета в рядах лыжников, минеров, артиллеристов, саперов погибли смертью храбрых в боях за Отечество.

За образцовое выполнение боевых заданий командования в борьбе с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество были награждены: научный сотрудник химического факультета Ф. Я. Первеев орденом Красной Звезды, преподаватель Г. Н. Кулаков орденом Боевого Красного Знамени, Г. М. Недовесов орденом Красной Звезды, аспирант А. П. Гладкий орденом Боевого Красного Знамени, студент Н. И. Докунихин медалью «За боевые заслуги», студентка А. Е. Островская орденом «Знак Почета» и другие.

Глава II

ФАКУЛЬТЕТЫ УНИВЕРСИТЕТА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В первые годы Великой Октябрьской социалистической революции в Петроградский университет влился целый ряд высших учебных заведений: Бестужевские высшие женские курсы, Историко-филологический институт, Археологический институт и др., и университетский преподавательский коллектив пополнился профессурой слившихся с университетом высших учебных заведений.

Вскоре стала складываться новая структура университета. Преподавание экспериментальных дисциплин сосредоточилось на физико-математическом факультете, а гуманитарных — на факультете общественных наук. Через некоторое время в университет влился и Географический институт, составивший третий факультет университета — географический.

Большие изменения были внесены в преподавание экспериментальных дисциплин и организацию физико-математического факультета. Существовавшая на физико-математическом факультете до революции система подготовки физиков страдала крупными дефектами. Основным недостатком являлась организация преподавания математики для физиков. Курс математики читался все 4 года, и только на IV курсе студенты получали по математике сколько-нибудь удовлетво-

рительную подготовку, достаточную для самостоятельной работы в области физики и усвоения основ физического образования. Но на IV курсе было уже поздно приниматься за изучение физической специальности, ибо нужно было готовиться к окончанию университета. Таким образом, постановка преподавания математики для физиков по существу исклю-

Д. С. Рождественский.

чала возможность подготовки сколько-нибудь образованного специалиста-физика.

В 1918 г., по инициативе проф. Д. С. Рождественского (позднее академика), университет приступил к разработке нового учебного плана по физической специальности. Несмотря на противодействие некоторой части профессуры, преподавание математики для физиков было отделено от преподавания математики для студентов других специальностей факультета, и прохождение математических дисциплин, без освоения которых невозможно изучение физики, заканчивалось уже на II курсе. Учебный план физического отделения предусматривал возможность организации специализации по физике уже с III курса. Эта реформа подняла преподавание специальных дисциплин на физическом отделении (впо-

следствии физический факультет Ленинградского университета) на такую высоту, которая была невозможна раньше. В создании учебного плана и в организации физического отделения приняли активное участие академики А. Н. Крылов и Д. С. Рождественский, профессора О. Д. Хвольсон и В. И. Смирнов (ныне академик), который и разработал план преподавания математики для студентов физической специальности. Создание особой специальности физиков не могло не послужить стимулом для развития физической науки в университете. Здесь работал Орест Данилович Хвольсон (1852—1934), автор известной монументальной семитомной «Физики», написавший два последних тома своего замечательного труда уже после Великой Октябрьской социалистической революции. Эта работа О. Д. Хвольсона была переведена на французский, немецкий и испанский языки. Великолепный популяризатор и лектор, О. Д. Хвольсон пользовался заслуженными любовью и уважением со стороны студенчества, и на его лекциях, которые он непрерывно читал до 1929 г., можно было увидеть не только студентов-физиков, но и этнографов, историков, литературоведов, слушателей военных академий, студентов Горного, Технологического и Политехнического институтов и т. д. Академия наук СССР почтила О. Д. Хвольсона избранием его своим почетным членом, а советское правительство удостоило высокой награды — ордена Трудового Красного Знамени.

В эти годы развернулась кипучая деятельность Д. С. Рождественского, профессора университета и действительного члена Академии наук.

Д. С. Рождественский, крупнейший специалист в области оптики, теории спектра, строения атомов и теории микроскопа, был создателем известной советской школы физиков-оптиков.

Организация нового физического отделения потребовала обеспечения условий для выполнения студентами практических и лабораторных занятий. Огромную работу в деле создания учебных лабораторий и организации учебно-производственного процесса провел известный автор руководств по лабораторным работам и других учебных пособий доцент В. В. Лермонтов, один из тех скромных тружеников, которым университет был так много обязан в годы переустройства университетской жизни. Предоставление широкой инициативы профессуре физического отделения и обеспечение определенной материальной базы привели к созданию новой в нашей стране отрасли науки. 15 декабря 1918 г., в самый разгар гражданской войны, на базе университета возник Оптический институт, сыгравший большую роль в развитии не только советской оптики, но и оптической промышленности в Советском Союзе.

В 1923 г. выделилась в университете специальность геофизики, возглавляемая проф. П. Н. Тверским, и этим самым на факультете положено было начало еще одной новой отрасли физической науки. Дальнейшее развитие физической науки в университете дало возможность осуществить уже в 30-х годах организацию двух специализаций — физики и геофизики и 8 кафедр: 1) общей физики (проф. Т. П. Кравец, ныне член-корреспондент Академии наук СССР), 2) электричества (член-корреспондент Академии наук П. И. Лукирский), 3) молекулярной физики (проф. Е. Ф. Гросс), 4) оптики (проф. С. Э. Фриш), 5) теоретической физики (проф. В. А. Фок, ныне академик), 6) математики (для физиков) (проф. В. И. Смирнов, ныне академик), 7) физики атмосферы (проф. П. Н. Тверской) и 8) физики земной коры (доцент Н. Ф. Райко).

Не менее успешно шло развитие математических знаний в университете. На математическом отделении физмата (впоследствии математико-механический факультет) в первые годы после революции работали акад. Я. В. Успенский, Я. Д. Тамаркин, А. А. Фридман, профессора Н. М. Гюнтер, И. М. Виноградов, В. Н. Делоне, А. С. Безикович, В. И. Смирнов. Академики В. А. Стеклов и А. А. Марков уже мало работали в университете, но тем не менее участвовали в университетской научной жизни и продолжали вести некоторые занятия.

В этот период (20-е и 30-е годы) в университете в области математики создавались и развивались школы: 1) Б. Н. Делоне (теория чисел), учениками которого являются проф. Б. А. Тартаковский и Д. К. Фадеев, 2) Н. М. Гюнтера (дифференциальные уравнения), учеником которого является акад. С. Л. Соболев, 3) В. И. Смирнова (теория функций комплексной переменной), к числу учеников которого принадлежат проф. Г. М. Галузин и проф. С. Л. Янчевский, 4) Г. М. Фихтенгольца (теория функций вещественной переменной и функционального анализа), учениками которого являются проф. Л. В. Канторович и проф. И. П. Натансон.

Быстрое развитие аэродинамики вообще, самолетостроения в частности, продиктовало необходимость организации на физмате курса теоретической аэрогидромеханики. Вначале этот курс не был обеспечен даже лабораторией, но уже в 1930 г. создана специальность аэрогидромеханики и соответствующая лаборатория. К чтению лекций студентам этой специальности привлечены были лучшие специалисты — заслуженный деятель науки проф. Е. Л. Николаи, акад. Н. Е. Кочин, в то время еще профессор, член-корреспондент Академии наук, тогда еще молодой ученый, И. А. Кибель и др. Первый выпуск студентов новой специальности был произведен весной 1931 г. Постройкой аэродинамической лаборатории

в 1932 г. окончательно была закреплена эта новая для университета специальность.

С 1930 г. в значительной степени расширено было и преподавание механики и создана специальная кафедра механики, которая представляла собой объединение трех кафедр: аналитической механики, теории упругости и аэрогидромеханики. Был учрежден ряд лабораторий: теории упругости, аэродинамики и лаборатории механических колебаний.

Большую работу провел университет в области астрономии (член-корреспондент Академии наук проф. В. А. Амбарцумиан, воспитанник университета, проф. К. Ф. Огородников, М. Ф. Субботин и др.), а также геодезии, гравиметрии и других отраслей математической науки. Возникает целый ряд новых кафедр (механики, астрономии, геодезии, гравиметрии), новых специальностей, а в 1932 г. при университете был учрежден Научно-исследовательский институт математики и механики.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1920 гг.) на математическом отделении физмата наблюдалось то же, что и на физическом. Профессорско-преподавательский коллектив с энтузиазмом принялся за расширение математического образования на факультете, и результатом этой его деятельности было введение большого количества новых академических курсов.

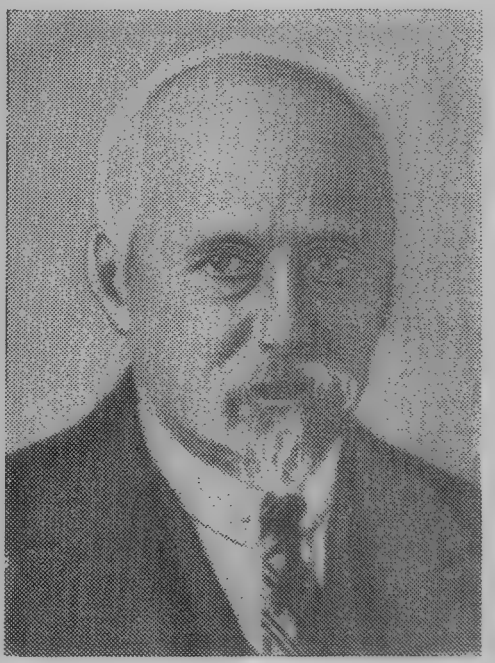
Еще большего расцвета математическая наука и математическое образование в Ленинградском университете достигли за последние 3—4 года перед началом Великой Отечественной войны.

К 1941 г. на факультете математики и механики работало 14 кафедр: 1) анализа и теории функций вещественных переменных, 2) дифференциальных и интегральных уравнений, 3) высшей геометрии, 4) теории функций комплексных переменных, 5) геодезии. 6) высшей алгебры и теории чисел, 7) теории вероятности, 8) теоретической механики, 9) теории упругости, 10) аэрогидромеханики, 11) астрономии, 12) небесной механики, 13) астрофизики, 14) общей математики.

В скором времени сконституировалось и третье отделение физико-математического факультета—биологическое. В 1917 г. на физико-математическом факультете насчитывалось 6 биологических кафедр: 1) зоологии позвоночных (проф. В. М. Шимкевич), 2) анатомии и гистологии (проф. А. С. Догель), 3) зоологии беспозвоночных (проф. В. А. Догель), 4) физиологии животных (проф. Н. Я. Введенский), 5) физиологии растений (проф. С. П. Костычев) и 6) систематики растений (доцент, впоследствии профессор, ныне президент Академии Наук СССР В. Л. Комаров).

Каждая из этих кафедр имела свой коллектив научных работников, многие из которых стали впоследствии виднейшими учеными нашей страны.

У А. С. Догеля работали доценты А. В. Немилов (позднее профессор), Д. И. Дейнека (ныне профессор, заслуженный деятель науки), Д. Н. Насонов (ныне член-корреспондент Академии наук СССР) и др. Школу В. М. Шимкевича



В. Л. Комаров.

составляли доцент К. М. Дерюгин (позднее профессор), приват-доцент П. Ю. Шмидт, ассистент (позднее профессор) А. А. Гавриленко и др.

У В. А. Догеля работали доцентами М. Н. Римский-Корсаков, Ю. А. Филипченко, В. Д. Зеленский, приват-доцент И. И. Соколов, А. П. Владимирский.

Из школы Н. Е. Введенского вышел такой крупный ученый, как акад. А. А. Ухтомский, в те времена доцент, работавший совместно с ассистентами М. И. Виноградовым и И. А. Витюковым.

На кафедре у В. Л. Комарова вели занятия доцент Н. А. Буш и В. С. Порецкий (впоследствии профессора университета), у С. П. Костычева — ассистенты С. Д. Львов и Н. Н. Иванов (впоследствии профессора университета).

Хотя фактически функционировали все шесть кафедр, но официально на факультете числилось только две кафедры: 1) кафедра зоологии и сравнительной анатомии, куда входили первые четыре перечисленные выше кафедры, и 2) кафедра ботаники, объединявшая последние две.

После Великой Октябрьской социалистической революции все эти шесть кафедр и были объединены в биологическое отделение физико-математического факультета. Биологическое отделение физмата в 1930 г. было реорганизовано в биологический факультет. Разработанные в Ленинградском университете структура и учебные планы биологического факультета были утверждены Наркомпросом и послужили образцом для организации биологических факультетов в Московском и других университетах.

В 1918 г. доценты Дерюгин, Немилов, Филипченко, Комаров, Ухтомский, Дейнека, Буш получили звание профессора. В 1919 г. акад. С. П. Костычев, профессора К. М. Дерюгин, Н. А. Буш, В. А. Догель, А. А. Ухтомский, Д. И. Дейнека обратились в Главнауку с просьбой дать разрешение на организацию биологических работ в одном из пригородных дворцов. Такое разрешение было дано, и в Петергофе, в двух дворцах — Александрии и Старом Петергофском — был основан Естественно-научный институт. Здесь были созданы различные лаборатории, в том числе и такие, которых ранее не было в университете, например, генетики, протистологии, гидробиологии и др. Но регулярно институт начал работать лишь в следующем, 1920 г., когда почти круглый год, весной, летом, осенью, а частично и зимой, велись научные работы и практически обучалось до 300 студентов. В это время значительная часть работ университетских биологов была перенесена из здания университета в Петергофский институт. В 1930 г. Петергофский естественно-научный институт, под названием Биологического института, вошел в состав научных учреждений университета, а в 1934 г. был организован и Физиологический институт.

Наряду с указанными выше шестью старыми биологическими кафедрами университета, за советский период возникли и укрепились новые биологические кафедры: 1) гидробиологии и ихтиологии, 2) генетики растений, 3) генетики животных, 4) физиологии труда, 5) микробиологии, 6) геоботаники, 7) биохимии, 8) общей биологии и 9) дарвинизма. Появились новые отрасли биологической науки, новые направления, новые течения, а следовательно, новые курсы, лаборатории и т. д.

Особенно следует подчеркнуть большие достижения биологов Ленинградского университета в области гидробиологии, в частности типологии пресноводных и морских водоемов, что послужило серьезным толчком к развитию гидрологии,

океанографии, ихтиологии и способствовало росту рыбных промыслов и рыбного хозяйства СССР. В частности, гидробиологи ЛГУ исследовали фауну морей Дальнего Востока и сделали ряд ценнейших открытий. К. М. Дерюгин, возглавлявший эту кафедру, создал многочисленную школу учеников и подготовил основные кадры гидробиологов Советского Союза, десятки и сотни специалистов.

А. А. Ухтомский.

В зоологии позвоночных получило развитие новое направление, так называемая «экология животных». Животный мир стал изучаться во всем его многообразии. Развитие экологии животных является заслугой проф. Д. Н. Кашкарова.

Большая работа была проведена акад. Костычевым в области фотосинтеза и особенно по вопросам брожения. Его работы нашли практическое применение в изобретении способа получения из водорослей лимонной кислоты, принятого в заводском производстве.

В. А. Догелю принадлежит инициатива в создании и разработке экологической паразитологии, примененной в ряде районов нашей страны (Каспийское море и другие водоемы) для борьбы с паразитами рыб.

Развивая школу Сеченова и Введенского и занимаясь физиологией нервной системы, А. А. Ухтомский добился крупных успехов и разработал учение о доминанте, как основном принципе нервной деятельности, проявляющемся и в нормальных и в патологических условиях. Учение о доминанте А. А. Ухтомского может быть поставлено наряду с учением об условных рефлексах и сочетается с ним.

В области физиологии в ЛГУ в 20-х годах работал С. Е. Лондон, заслугой которого является введение ангиостомического метода. Вопросы генетики, изменчивости получили отражение в работах Ю. А. Филипченко и практическое применение в создании новых скороспелых и высокоурожайных сортов пшеницы («петергофка», «экстра-прелюд»). Трудами Б. Л. Исаченко было сделано немало для развития микробиологии.

Большую роль в развитии биологической науки сыграли работы В. Н. Сукачева по геоботанике, имеющие огромное значение в деле изучения лугов, полей, пастбищ, Д. Н. Насонова, создавшего учение о паранекрозе, известного иловеда В. В. Перфильева, изобретателя способа микроизоляции, Н. Л. Гербильского, автора способа введения вытяжки из гипофиза для ускорения созревания икры, Д. И. Дейнека, создавшего гистологию кожевенного дела, оказывающую большую помощь кожевенному производству, много и плодотворно работавшего по проблеме межклеточного вещества и регенерации нервов.

Нельзя обойти молчанием работы С. Д. Львова, посвященные физиологической роли сахарозы в жизнедеятельности растительного организма, функциональной роли витамина С в растениях, засухоустойчивости и морозостойкости растений, и труды профессоров Е. К. Суворова (ихтиология), С. В. Солдатенкова (физиология растений), М. В. Виноградова (физиология труда), А. В. Немилова (физиологическая гистология), Н. Н. Блохина (биохимия), Н. В. Голикова (физиология) и др.

Возникли новые отрасли биологической науки: мичуринская генетика, фитопатология и ряд других. В Петергофском биологическом институте, на Бородинской биологической станции, в заповеднике «Лес на Ворскле», на опытах, на практике проверялась теория, и бесчисленные экспериментальные работы на полях и озерах, в лесах и степи, на горах и морях создавали теорию. Сотни работ вышли из-под пера сотрудников биологического факультета.

Университетские биологи приняли активное участие в организации и проведении ряда научных биологических съездов. Так, в 1922 г. по инициативе проф. Д. И. Дейнека и проф. В. Н. Тонкова (бывшего тогда профессором временно существовавшего в Ленинградском университете медицин-

ского факультета) был организован Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов, проведенный на базе Ленинградского университета. Когда подобные же съезды созывались затем в 1925 г. (в Москве), в 1927 г. (в Ленинграде), в 1930 г. (в Киеве) и в 1934 г. (в Москве), биологи Ленинградского университета принимали в них активное участие. В 1926 г. на базе Петергофского биологического института был проведен Международный лимнологический конгресс. В 1935 г. Ленинградский университет принял активное участие в организации и проведении Международного физиологического конгресса, часть работ которого прошла на базе физиологического института Ленинградского университета.

Большую роль в преподавании на физмате играли геологические науки. В 1917 г. они были объединены в двух кафедрах: 1) исторической геологии и 2) минералогии и кристаллографии.

Слияние с Бестужевскими высшими женскими курсами в 1918 г. привело к появлению в университете многих новых профессоров. Пришедший в университет с Бестужевских курсов проф. М. Э. Янишевский возглавил третью кафедру — палеонтологии. В 1924 г. сперва возникло два кабинета — минералогии и кристаллографии, а в 1925 г. были организованы соответствующие им две самостоятельные кафедры. В дальнейшем на протяжении 20-х и 30-х годов возникло еще пять кафедр. К 1941 г. геолого-почвенный факультет насчитывал 10 кафедр: 1) общей геологии (заслуженный деятель науки проф. Н. С. Эдельштейн), 2) кристаллографии (проф. О. М. Аншелес), 3) минералогии (проф. С. М. Курбатов), 4) палеонтологии (проф. М. Э. Янишевский), 5) петрографии (профессор, ныне академик А. А. Полканов, сменивший на этом посту акад. Ф. Ю. Левинсон-Лессинга), 6) исторической геологии (проф. С. С. Кузнецов), 7) грунтоведения (проф. В. В. Охотин, сменивший члена-корреспондента Академии наук проф. П. А. Земятченского), 8) почвоведения (проф. Б. Б. Полынов, член-корреспондент Академии наук СССР, сменивший проф. С. П. Кравкова), 9) географии почв (проф. М. И. Рожанец), 10) гидрогеологии.

Геолого-почвенный факультет является поистине детищем Октября. За время с 1918 по 1941 г. возникли не только новые дисциплины, кабинеты и лаборатории, но и новые отрасли науки, а следовательно, и новые кафедры.

Велик вклад ученых Ленинградского университета в дело развития отечественной геологии.

Акад. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг разработал проблему дифференциации магмы, классификацию магматических горных пород, экспериментальную петрографию, в частности изучил плавку горных пород, плавление двухкомпонентных систем и т. п., осветил основные вопросы региональной петрографии,

связанной главным образом с сооружениями гигантских гидростанций и орошением хлопковых полей.

По его инициативе возник Институт земной коры при ЛГУ, сотрудники которого известны своими исследованиями в Закавказье, Карелии, Прибалтике, на Кольском полуострове, Камчатке и Алтае.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.

Член-корреспондент Академии наук СССР проф. П. А. Земятченский много и плодотворно работал в области исследования глин, изучал процессы выветривания минералов в низкотемпературной климатической обстановке (Кольский полуостров), пористость, пластичность и другие физико-механические и химические свойства песчано-глинистых пород. Результатом его деятельности было создание грунтоведения, как науки, организация кафедры грунтоведения ЛГУ и Керамического института, тесно связанного с университетом. Акад. А. А. Полканов известен своими работами по региональной петрографии, исследованиями докембрия Кольско-Карельского региона, разработкой его стратиграфии, текто-

ники и металлогении, а также трудами по докембрию Южного щита.

Научная деятельность кафедры палеонтологии, возглавлявшейся проф. М. Э. Янишевским, протекала главным образом по линии изучения геологического строения окрестностей Ленинграда (кембрий, силлур, карбон), а также на Тяньшане, Урале, Мангышлаке, в Донбассе и Сибири. Немаловажное значение в деятельности кафедры имело изучение палеозойской фауны СССР. Результатом напряженной работы кафедры явилось создание прекрасных коллекций по нижнему силлуру и нижнему карбону Ленинградской области, палеозоологических и палеоботанических коллекций из разных частей СССР: Новой Земли, Верхней Колымы, Мугоджар, Урала, Крыма, Донбасса и Мангышлака.

Серьезным достижением советской геологической науки, продолжающей традиции Иностранцева, Докучаева и Федорова, являются работы ряда профессоров университета. Заслуженный деятель науки Я. С. Эдельштейн — крупнейший знаток стратиграфии и тектоники Западной Сибири, его исследования в области геоморфологии СССР положили начало этой науке. С. С. Кузнецов известен своими трудами в области разработки стратиграфии и тектоники Кавказа в связи с исследованиями рудных полей Центрального Кавказа и сооружением плотин в Армянской ССР. Член-корреспондент Академии наук СССР Б. Б. Полынов дал классические исследования коры выветривания, О. М. Аншелес работал по искусственному выращиванию крупных монокристаллов и по вычислительным графическим методам кристаллографии, С. М. Курбатов — по изучению влияния гидротермальных процессов на минералообразование и т. п.

В результате проведения ряда успешных экспедиций на Кавказ и в Закавказье, в Якутию, Прибайкалье, Карелию, Западную Сибирь, Белоруссию, Западную Украину, на Камчатку, Кольский полуостров, Нижнюю Волгу и Памир профессорами и студентами геолого-почвенного факультета добыты ценнейшие материалы, обработка которых привела к большим теоретическим обобщениям, имеющим весьма важное оборонное и народнохозяйственное значение.

Геологи Ленинградского университета приняли активное участие в работах Международного геологического конгресса, происходившего в СССР в 1938 г.

Нельзя не отметить большую научную продукцию работников факультета, среди которой особо выделяются монографии и учебники Ф. Ю. Левинсон-Лессинга (Введение в историю петрографии), С. С. Кузнецова (Геология СССР, ч. I, и Аджаро-Триалетская складчатая система), Я. С. Эдельштейна (Учебник геоморфологии), О. М. Аншелеса (Математическая кристаллография), К. И. Лукашева (Грунтоведе-

ние и Грунты СССР), А. А. Полканова (Метаморфические горные породы и Петрография Кольского полуострова), П. А. Земятченского (Глины СССР), Б. Б. Полынова (Кора выветривания), М. Э. Янишевского (Брахиоподы палеозоя Урала) и др.

Особо следует остановиться на популяризаторской деятельности университетских геологов, выразившейся в издании ряда интересных научно-популярных работ (книги Левинсон-Лессинга «Введение в геологию». «Землетрясения и меры борьбы с ними», Кузнецова «Нефть», «Геология в хозяйстве и на войне», «Полевая геология» и др.).

Большую роль в подготовке молодых геологов сыграла Саблинская станция, где студенты-геологи под руководством профессоров и доцентов проходили академическую практику по геологии (I курс) и гидрологии (IV курс).

Работа в Саблино и Саблинский район с точки зрения геолога нашли свое отражение в книге С. С. Кузнецова «Геология Тосно и Саблинки».

В развитии теоретических и практических проблем химии и накоплении экспериментального материала, в деле подготовки кадров специалистов-химиков школе химиков Ленинградского университета принадлежит почетное место.

Сейчас же после Великой Октябрьской социалистической революции на химическом отделении физико-математического факультета был введен ряд специальных курсов, дотоле не читавшихся. Возникают новые отрасли химической науки, создаются новые лаборатории, расширяется работа кафедр. Особенно оживилась работа университетских химиков с 1921 г.

Развернулась работа кафедры физической химии, во главе с проф. М. С. Вревским. В нижнем, полуподвальном этаже знаменитого в истории университетской жизни здания «Jeu de Paume» по его инициативе была организована лаборатория физической химии. В 1922 г. в университете впервые был прочитан доцентом И. И. Жуковым (ныне профессором, заслуженным деятелем науки и техники) курс коллоидной химии. Курс этот привлек довольно значительное число слушателей и в 1925 г. был признан обязательным. В том же 1925 г. И. И. Жуковым была организована небольшая специальная лаборатория коллоидной химии. Вскоре после организации лаборатории в ее работе принял участие ряд лиц, интересовавшихся коллоидной химией, электрохимией и вопросами концентрации водородных ионов, а именно Б. П. Никольский, И. Н. Антипов-Каратаев, впоследствии профессора, доцент И. Н. Бушмакин и др.

В эти же 20-е годы в университете деятельно и продуктивно работали академики А. Е. Фаворский и В. Е. Тищенко. Здесь, в университетской лаборатории, начал свои работы

акад. С. В. Лебедев, создатель советского синтетического каучука. Развитие химической науки в университете привело к необходимости расширить химическое отделение. К 1928 г. все учебные занятия химиков были переведены в отдельное здание (дом № 41/43 по Среднему проспекту), и в том же году химическое отделение физико-математического факультета реорганизуется в химический факультет.

В общем процессе создания многих принципиально важных теоретических положений и осуществления работ, положенных в основу синтеза некоторых веществ, имеющих весьма большое оборонное и народнохозяйственное значение, видная роль принадлежит кафедре органической химии Ленинградского университета, во главе с акад. А. Е. Фаворским с 1902 г.

58 лет назад А. Е. Фаворский в университетской лаборатории А. М. Бутлерова сделал свое первое открытие: ему удалось обнаружить изомеризацию в ряду ацетиленовых углеводородов. Он сразу же оценил значение изомеризации для понимания многих процессов и явлений в органической химии. В связи с этим он не ограничивается констатацией факта изомеризации, но пытается раскрыть сущность механизма этих превращений. В основе исследований, проводимых кафедрой органической химии под руководством А. Е. Фаворского, лежит ставшая впоследствии общепризнанной идея, что молекула органического вещества представляет собой не раз навсегда прочно застывшую систему, а наоборот, в ней возможны перемещения отдельных атомов и даже групп. Молекула, таким образом, рассматривается как динамическая система. Изучение механизма процессов изомеризации проходит красной нитью через все исследования А. Е. Фаворского и его школы. Подытоживая в 1936 г. результаты своей полувековой работы и работ своих учеников, А. Е. Фаворский высказывает новую точку зрения касательно причин изомерных превращений. Он приходит к выводу, что направление изомерных превращений и установление равновесия в молекулах ацетиленовых и этиленовых углеводородов зависит от строения молекулы в целом.

Гипотеза о роли промежуточных реакций заменяется новой, согласно которой превращения углеводородов рассматриваются как интрамолекулярные процессы. Механизм этих превращений следует рассматривать как перемещение внутри молекулы одного или двух атомов водорода от одного углеродного атома к другому.

Эти теоретические положения, выдвинутые на основе накопления колоссального экспериментального материала, явились богатейшим арсеналом для создания производств, имеющих огромное оборонное и народнохозяйственное значение.

Работы школы А. Е. Фаворского привели к добыванию

изопрена, т. е. вещества, которое при реакции уплотнения дает искусственный каучук, к созданию промышленности виниловых эфиров, которые найдут и находят разнообразное применение. Так, они могут быть применены для склейки с целью получения безосколочного стекла «триплекса», для получения пластмасс, значение которых в народном хозяйстве огромно и формы применения неисчислимы, склейки резины, пропитывания тканей, антикоррозийных покрытий, добывания уксусной кислоты и винного спирта.

И, наконец, следует отметить, что советский синтетический каучук, полученный по способу ученика А. Е. Фаворского акад. С. В. Лебедева, также имеет своим истоком исследования, которые проводились на протяжении многих лет на кафедре органической химии. Лаборатория университета является колыбелью советского синтетического каучука. Здесь начались работы С. В. Лебедева по получению синтетического каучука. Когда С. В. Лебедев приступил к ним, в его распоряжении не было ни соответствующей лаборатории, ни средств для ее открытия. Просьба университета о выделении необходимой для работ суммы вначале не была удовлетворена. Тогда ректор университета проф. М. В. Серебряков и С. В. Лебедев направились к руководителю ленинградских большевиков С. М. Кирову. Сергей Миронович внимательно их выслушал и спросил, сколько же надо денег для открытия лаборатории. «3000 рублей», ответил С. В. Лебедев. Сергей Миронович отдал распоряжение немедленно выделить просимую сумму. В 1928 г. С. В. Лебедев, возглавлявший работу группы молодых химиков в лаборатории нефти, получил из этилового спирта синтетический каучук. Это было событием огромного государственного значения. Спустя некоторое время ректор университета и С. В. Лебедев снова были приняты С. М. Кировым. На этот раз они принесли с собой несколько кругов, сделанных—одни из естественного, а другие из синтетического каучука, и попросили Сергея Мироновича указать, какой круг сделан из искусственного каучука. С. М. Киров, сам техник по образованию, прекрасно знакомый с производственным процессом различных отраслей промышленности, не смог отличить одни круги от других и сердечно поздравил С. В. Лебедева и университет с новыми достижениями большой государственной важности.

В 1932 г. на базе факультетских лабораторий в химическом корпусе университета был основан Научно-исследовательский химический институт, первым директором которого был назначен проф. И. И. Жуков. На факультете вводится ряд специальных дисциплин, удовлетворяющих потребности быстро развивающейся отечественной химической промышленности. Введение новых курсов и лабораторий значительно расширяет учебный план факультета. Устанавливается непо-

средственный контакт между кафедрами химического факультета и промышленностью. Так, например, кафедра органической химии провела для промышленности ряд работ, направленных к получению синтетического каучука, эластичной пленки, синтетического витамина, к изучению процессов брожения и т. д.

С. В. Лебедев.

Старейший химик университета А. Е. Фаворский под влиянием запросов растущей химической промышленности стал разрабатывать проблемы, которыми он занимался совместно со своими учениками, не только с теоретической, но и практической стороны (например, исследование брожения витамина С), совершенно справедливо считая, что университетская химия может и должна заниматься вопросами, разрешение которых необходимо промышленности, и сочетать разработку двух программ: теоретической и практической.

Большой заслугой А. Е. Фаворского является создание многочисленной школы. Из числа его учеников следует назвать прежде всего акад. С. В. Лебедева, члена-корреспондента Академии наук СССР С. Н. Данилова, профессоров Венус-Данилову, Дебу, Баталина, Халецкого и др.

За выдающиеся заслуги перед отечественной наукой акад. Алексей Евграфович Фаворский был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Преемником А. Е. Фаворского по кафедре органической химии становится проф. К. А. Тайпале, много поработавший в области гидрирования азинов и изучения зависимости скорости гидрирования азинов от их состава и строения. Его сменяет Б. Н. Долгов, известный своими работами в области кремнеорганических соединений и сложных эфиров. Большое значение в развитии химии имели работы проф. А. С. Броуна по химии сланцевых смол, разработавшего методику их исследования и на основе теоретического обоснования методов стабилизации и обессеривания топлива предложившего несколько способов облагораживания сланцевых топлив. Им же были изучены непредельные углеводороды, фенолы и сернистые соединения сланцевых смол Кашперского и Гдовского месторождений.

В области физической и коллоидной химии, объединенных одной кафедрой под руководством проф. И. И. Жукова, следует отметить ряд серьезных достижений в деле изучения различных элементов для определения концентрации водородных ионов и для потенциометрического титрования, нашедших живой отклик в зарубежной литературе (работа доцента Г. П. Авсеевича), в электрохимии и т. д. Кафедра провела большую серию работ по электроосмотическим явлениям, особенно начиная с 1934 г. по заданиям Ленэнерго. Трехлетние работы в этой области привели к ряду весьма важных выводов и расчистили путь к практическому применению электроосмотической очистки воды и других жидкостей. Доцентом А. В. Марковичем был разработан процесс очистки сывороток, постановлением НКЗдрава СССР в 1939 г. принятый в качестве одного из двух методов, обязательных для всех бактериологических институтов СССР. В первой в Союзе специально организованной лаборатории в Институте вакцин и сывороток стал производиться плановый выпуск всех видов очищенных и концентрированных лечебных сывороток по методу, в основу которого легли работы, произведенные кафедрой физической и коллоидной химии ЛГУ. Кроме того, И. И. Жуковым был поставлен обширный ряд работ по всестороннему изучению электроосмотических свойств синтетического каучука и т. д.

Незадолго до Великой Отечественной войны, в связи с расширением работ, было решено разделить кафедру физической и коллоидной химии, причем И. И. Жуков взял на себя заведывание кафедрой коллоидной химии, на кафедру же физической химии был приглашен проф. Б. П. Никольский.

Кафедру неорганической химии возглавлял в первые годы революции талантливый химик, специалист в области

комплексных соединений, Л. А. Чугаев. Он уделял много внимания исследованию платины и платиновых металлов и дал в этой области очень серьезные, капитальные работы. Его учениками являются академики В. Г. Хлопин и И. И. Черняев, член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Гринберг, проф. В. В. Лебединский и др. Затем одно время кафедру возглавлял акад. А. А. Байков, позже — И. И. Черняев, который со своими учениками продолжал работу в области комплексных соединений. В 1934 г. во главе кафедры стал проф. С. А. Щукарев, который повел работу по линии изучения гидридов металлов. Члены кафедры вели также работу по изучению соединений водорода, боратных стекол, кинетики растворения металлов и исследованию электроразряда в газах (доцент В. М. Вдовенко).

Возглавлявший кафедру аналитической химии акад. В. Е. Тищенко провел много интересных исследований в области технической химии и, в частности, в области добывания искусственной камфоры; позднее кафедру аналитической химии возглавил проф. С. А. Толкачев.

Интересные и важные работы были проведены в особой лаборатории кафедрой химии высокомолекулярных соединений, возглавляемой А. Е. Фаворским, а также кафедрой электрохимии.

К 1941 г. на химическом факультете университета плодотворно работало 7 кафедр. Химией в университете в последние перед войной годы руководил декан химического факультета акад. Александр Александрович Байков, крупнейший металлург СССР, удостоенный за свои труды в этой области высокой правительственной награды—ордена Ленина.

Географический факультет является одним из наиболее молодых в составе университета. В 1918 г. организованные в свое время Докучаевским почвенным комитетом Высшие географические курсы были преобразованы в Географический институт с двумя факультетами: общегеографическим и этнографическим. Во главе института сначала стоял И. Д. Лукашевич, а затем акад. А. Е. Ферсман. В 1925 г. институт влился в Ленинградский университет на правах факультета, в составе трех отделений: общегеографического, этнографического и антропологического. Из профессоров географического факультета этого периода следует отметить проф. Л. С. Берга, занимавшего кафедру географии, С. С. Неуструева, читавшего географию почв, известного климатолога А. А. Каминского, матеорологов П. И. Броунова и В. Н. Оболенского, Н. В. Кузнецова, читавшего ботаническую географию, зоогеографию, и путешественника А. А. Бялыницкого-Бирулю, участника экспедиции Толя, крупнейших этнографов А. Я. Штернберга и В. Г. Богораза (Тан), географа проф. (ныне академика) А. А. Григорьева, океанографа и карто-

графа проф. (впоследствии почетного академика) Ю. М. Шокальского, фитоценолога проф. (ныне академика) В. Н. Сукачева, ботаника проф. Н. А. Буша, геолога и геоморфолога проф. Я. С. Эдельштейна и др.

При географическом факультете существовала ученая коллегия, преобразованная в 1922 г. в Географо-экономический научно-исследовательский институт (ГЭНИИ), плодотворно работающий и поныне. За время своего существования институт провел весьма эффективные экспедиции на Кольский полуостров, в Крым, на Кавказ, в Воронежскую и Ленинградскую области, Белоруссию, на верховья Волги, на Север Европейской части Союза, в Дальневосточный край и другие районы Советского Союза.

Географический факультет университета готовил этнографов, антропологов, зоогеографов, гидрологов, специалистов по географии почв, геоморфологов и геоботаников, картографов, гидрологов суши, гидрологов моря, метеорологов, климатологов, специалистов в области физической и экономической географии.

Для практического ознакомления студентов с геологией, почвоведением, ботаникой, топографией и т. д. была основана в 1920 г. Саблинская научно-учебная станция, где студенты в течение летних месяцев проходили академическую практику. Саблинская станция была прекрасной школой для молодых, начинающих исследователей. Студент, проходя практику среди природы, а не в стенах кабинетов и не по музейным образцам, развивал свою наблюдательность и приобретал первые навыки самостоятельной исследовательской работы. Для ряда бывших студентов ЛГУ учебная практика на Саблинской станции дала материал для научных исследований, часть которых опубликована. Кроме того, на базе станции вели научные исследования ее штатные научные сотрудники.

Перед войной на Саблинской станции проводилась практика по 16 научным дисциплинам, причем пропускная способность станции возросла до 500—600 студентов за летний период. Впоследствии, по примеру ЛГУ, аналогичные станции возникли и при некоторых других университетах и педагогических институтах страны. За 25 лет советской власти в области географии было сделано больше, чем за весь предшествующий период.

Научными работниками ГЭНИИ и географического факультета был создан ряд наглядных пособий (атлас облаков, строение земного шара, разрез атмосферы, таблицы по геоморфологии, гляциологии и др.). Выпущен в свет атлас Ленинградской области — монументальное издание, заслужившее высокую оценку в нашей и иностранной прессе. Из-под пера профессоров и преподавателей географического факуль-

тета вышло много серьезных монографических исследований и учебников, к числу которых следует отнести работу Н. Карбасникова «Ветреный пояс», Г. Рихтера «Озеро Иландра», Соболевского «Исследования и открытия в Центральной Америке», учебники по математической картографии (А. В. Граура), климатологии (Л. С. Берга), гляциологии (С. В. Калесника), экономической географии Азии (В. М. Штейна), геоморфологии (Я. С. Эдельштейна), физической географии Америки, Австралии и Европы (А. И. Яунпутнина) и др. Это были первые оригинальные учебники по данным отраслям знания на русском языке.

Большое число работ географического факультета, имеющих выдающийся интерес, было опубликовано в «Географическом вестнике», «Трудах ГЭНИИ» и «Ученых записках» университета. В стенах ЛГУ получил развитие ряд наук, находившихся ранее в зародышевом состоянии. Мощный стимул к развитию климатологии дала книга проф. Л. С. Берга «Основы климатологии», вышедшая двумя изданиями. Самостоятельность геоморфологии как науки была доказана и завоевана трудами Я. С. Эдельштейна и его геоморфологической школой. География почв как наука полностью оформилась в работах проф. С. С. Неуструева и И. П. Герасимова. Первая полная сводка по ледникам СССР и первая на русском языке монография по общей гляциологии была создана проф. С. В. Калесником. Но самой важной заслугой географического факультета является разработка теории и методологии географической науки. Акад. А. А. Григорьев, бывший до 1935 г. профессором университета, разработал основные положения динамической географии, теорию единого физико-математического процесса и теорию балансов вещества и энергии в различных типах географической среды. Проф. С. В. Калесник, развивший и объединивший взгляды акад. Григорьева и учение проф. Л. С. Берга о ландшафтах, определил географию как науку о структуре географической оболочки земли и о законах формирования, пространственного распределения и развития этой структуры. Подготовленный к печати курс проф. Калесника «Основы общего землеведения» представляет итог методологических достижений ленинградской географической школы в области общего землеведения.

Другая группа ученых географического факультета занималась теорией частного землеведения (ландшафтоведения). Во главе ее стоит проф. Л. С. Берг. Специально вопросами страноведения занимается проф. С. П. Суслов, которому принадлежит заслуга практической реализации в лекциях и в подготовленном к печати курсе «Физическая география Азиатской части СССР» современных принципов страноведения в плане развития теории географических областей.

Л. С. Берг дал впервые определение географического ландшафта, заложил основы учения о динамике и классификации географических ландшафтов и впервые, на огромном фактическом материале, создал монографию по зонально-ландшафтной географии: «Физико-географические (ландшафтные) зоны СССР». Благодаря преимущественно трудам географов университета контуры географической науки приобрели определенные очертания, равно как определились объем, содержание и цель географии; разграничены области ведения и объекты общей и частной географии, доказано право географии на самостоятельное существование, и весь материал общей и частной географии перестроен в соответствии с диалектическим материализмом. Поэтому географический факультет университета по праву может считаться не только одним из важнейших учебных центров в нашей стране, но также крупным очагом передовой советской географии.

В 1940/41 г. на факультете работало 7 кафедр: 1) физической географии и страноведения, 2) экономической географии, 3) геоморфологии, 4) гидрологии, 5) климатологии, 6) географии растений и 7) картографии.

Большие изменения за период с 1917 по 1941 г. претерпело также гуманитарное образование в университете и в отдельных областях, по вполне понятным причинам значительно большие, нежели на естественно-научных, экспериментальных факультетах.

В 1918/19 г. началось создание огромного факультета общественных наук, поглотившего историко-филологический, восточный и юридический факультеты университета, Археологический и Историко-филологический институты и соответствующие им факультеты Бестужевских высших женских курсов.

Юридический факультет, насчитывавший обычно самое большое число студентов и выпускавший не только и не столько образованных юристов, сколько чиновников, был закрыт, и вместо него на факультете общественных наук было создано правовое отделение (ПРО). Существовали, кроме того, экономическое (ЭКО), общественно-педагогическое, археологическое, восточное и другие отделения. Но гипертрофированный факультет общественных наук, чрезвычайно громоздкий, не оправдал себя. Вскоре экономическое отделение было закрыто, его профессора и студенты были переведены на экономический факультет Политехнического института; правовое отделение в конце концов было реорганизовано в правовой факультет.

Остальная часть факультета общественных наук в 1925 г. была преобразована в факультет языкознания и истории материальной культуры (ямфак). В его составе работали отделения языков и литератур Западной Европы, языков и лите-

ратуры Восточной Европы, историческое, истории материальной культуры и восточное. В 1929 г. название факультета было заменено наименованием: историко-лингвистический факультет (ФИЛ), а в 1930 г., во время отпочкования от университета отраслевых вузов, факультет превратился в самостоятельный Историко-лингвистический, затем Историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ) в составе литературного, лингвистического, исторического и философского факультетов (1933—1935).

В 1936/37 г. исторический факультет ЛИФЛИ влился в состав исторического факультета, открытого в Ленинградском университете по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. В 1937 г. ЛИФЛИ, в котором к тому времени оставалось два факультета — литературный и лингвистический, влился в университет, и в последнем было восстановлено и филологическое образование.

С 1938 г. намечается и в 1939 г. осуществляется восстановление в университете экономического образования, вначале в виде экономического отделения, затем самостоятельного факультета. В 1940 г. организуется философский факультет.

В 1925 г. университет получил разрешение на открытие факультета советского права, в 1926 г. был объявлен первый набор студентов. Но факультет советского права просуществовал в стенах университета недолго, до 1930 г., и выделился в самостоятельный институт советского права (ныне Юридический институт). На протяжении этих четырех лет юридические науки в Ленинградском университете были представлены М. Я. Пергаментом (гражданское право), А. А. Жижиленко (уголовное право), С. В. Крыловым (международное право), М. И. Люблинским (уголовное право и уголовный процесс), В. С. Мартыновым (земельное право), Вальтер (гражданское право и гражданский процесс), Догадовым (трудовое право) и др.

В первый год Великой Октябрьской социалистической революции среди профессоров и преподавателей-историков университета работали академики А. С. Лаппо-Данилевский и П. К. Коковцев, профессора И. М. Гревс, Н. И. Кареев, В. А. Тураев, А. А. Васильев, И. В. Лучицкий, С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский, Д. В. Айналов, С. А. Жебелев, приват-доценты С. А. Добиаш-Рождественская, В. В. Струве (ныне академик), А. А. Спицын, крупнейший русский археолог, А. И. Заозерский, П. Г. Любомиров, М. Д. Приселков, Б. В. Фармаковский, О. Ф. Вальдгауэр, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле (ныне академик) и др.

Филологические науки были представлены такими именами, как академики Н. Я. Марр, В. Н. Перетц, Н. К. Никольский, А. А. Шахматов, профессора И. А. Шляпкин, Л. В. Щерба, П. А. Лавров, Н. В. Ястребов, Ф. А. Броун, И. А. Бодуэн-де-

Куртенэ, В. В. Сиповский, Ф. Ф. Зелинский, Ф. И. Щербатской, В. З. Смирнов, В. А. Жуковский, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, приват-доценты И. И. Толстой, А. И. Малеин, С. А. Венгеров, Н. С. Державин, В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский (последние три ныне академики).

Вполне понятно, почему именно среди профессуры и преподавателей факультета общественных наук шла наиболее острая борьба между прогрессивной, передовой частью ученых, стихийно или сознательно тянувшихся к марксизму, честно выступивших вместе с народом и преданно служивших советской власти, и представителями той части старого ученого мира, которая была связана с господствовавшими ранее классами помещиков и буржуазии.

И если из среды представителей гуманитарных наук вышли белоэмигранты Ростовцев и Карсавин, враг советской России Питирим Сорокин и др., то в той же среде возникла группа ученых университета, получившая название левой профессуры, особенно энергично развернувшая свою деятельность с 1921 г. В состав ее входили профессора и преподаватели университета М. В. Серебряков, возглавлявший группу левой профессуры, Н. С. Державин, С. Н. Драницын, Е. А. Энгель, В. В. Святловский, Б. Л. Богаевский и др. Группа левой профессуры непрерывно росла, и влияние ее усиливалось. В 1921 г. сотрудниками университета было организовано Научное общество марксистов. Хотя оно формально и не входило в состав учреждений и организаций университета, но состояло главным образом из университетских профессоров и преподавателей (А. А. Вознесенский, В. В. Святловский, М. Н. Мартынов, В. В. Рейхардт, Н. С. Державин, И. А. Боричевский, С. Н. Драницын и др.) и собиралось на свои заседания чаще всего в помещении университета. Бессменным председателем Научного общества марксистов с 1922 по 1930 г. был проф. М. В. Серебряков. Труды членов общества печатались в «Записках Научного общества марксистов».

С каждым годом все большее число ученых Ленинградского университета стремилось овладеть марксизмом-ленинизмом и строить свои изыскания на базе диалектического и исторического материализма.

Часто это происходило стихийно, и некоторые крупные ученые самим ходом развития своей исследовательской мысли подводились вплотную к марксистскому пониманию закономерностей общественной жизни. Для этого периода характерно горячее стремление со стороны передовой профессуры освоить марксизм-ленинизм, изучить работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, овладеть марксистско-ленинской теорией и применить ее в своей конкретной науке. И если еще в 1922 г. крупнейший советский ученый, создатель но-

вого учения о языке, акад. Н. Я. Марр констатировал выход «в безбрежное море без надежды наметить гавань на другом берегу», то уже с 1924/25 г. началась перестройка нового учения о языке на основах марксизма-ленинизма, а в 1927 г. Н. Я. Марр мог констатировать, что «тот берег показался»: путь к построению марксистского языкознания был заложен.[1] Таким же путем шел и А. Е. Пресняков. Пришли к марксизму и другие крупные представители гуманитарных наук — Б. Д. Греков, В. В. Струве, Н. С. Державин, Е. В. Тарле, И. И. Мещанинов, ныне академики, и мн. др.

Меняются учебные планы и программы. Вводятся марксистская политическая экономия, диалектический и исторический материализм, история ВКП(б), ленинизм, история социализма, экономическая политика. Большое внимание уделяется разделам общих курсов, посвященным истории революционного движения, организуются специальные курсы и семинары по Парижской коммуне, революции 1905—1907 гг. в России, истории февральской революции 1917 г. в России, Великой Октябрьской социалистической революции, истории рабочего движения и Коминтерна и т. п.

Перестройка гуманитарных наук и образования на базе марксизма-ленинизма, сопровождавшаяся преодолением реакционных направлений в науке, послужила сильнейшим толчком к развитию истории, философии, филологии, политической экономии и других отраслей общественных наук.

Говоря об исторической науке и историческом образовании в университете, необходимо отметить два этапа в их развитии.

Первое время, в 20-х и начале 30-х годов, среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку. Эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского».[2]

Заменив конкретные исторические исследования социологической схемой, «историческая школа Покровского» по сути дела пыталась ликвидировать историю как науку, что нашло отражение в трудах и историков ЛГУ. Несмотря на это, работа историков в университете дала положительные результаты. За эти годы вышли четыре тома Н. И. Кареева

---

[1] И. И. Мещанинов, Общее языкознание за двадцать лет, сб. „Памяти акад. Н. Я. Марра", изд. Акад. наук, 1931, стр. 6—7.

[2] В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б), К изучению истории, Госполитиздат, 1938, стр. 21.

«Историки французской революции», были опубликованы труды Е. В. Тарле «Печать во Франции при Наполеоне I», «Европа в эпоху империализма» и другие его сочинения, посвященные новой истории Западной Европы, многотомная «Русская история» Н. А. Рожкова, ряд исторических исследований В. В. Бартольда, Б. Д. Грекова, А. Е. Преснякова, С. А. Жебелева, Б. А. Романова, С. Н. Валка, В. В. Струве, А. И. Тюменева и др. В эти же годы начинают свою научную деятельность и выступают с работами: в области истории античного мира С. И. Ковалев, истории Западной Европы — А. И. Молок и П. П. Щеголев, давшие серьезные исследования по новой истории Франции и по эпохе первоначального накопления, по истории первобытного общества на территории нашей страны и археологии В. И. Равдоникас, П. П. Ефименко, М. И. Артамонов, М. К. Каргер и мн. др.

Переломным моментом в развитии исторической науки в стране и, в частности, в Ленинградском университете явилось постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

Постановление констатировало, что преподавание истории в школах поставлено неудовлетворительно, «учебники и само преподавание носит отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой, занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций», подменяя изложение конкретной истории социологическими абстракциями.[1]

Решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) предусматривало восстановление исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) и опубликованные в 1936 г. замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, новые работы И. В. Сталина, а также постановление жюри правительственной комиссии и другие руководящие материалы, наконец выход «Краткого курса истории ВКП(б)» — этой сокровищницы знаний, послужили могучим стимулом развития исторической науки. Оплодотворенная ценнейшими указаниями товарища Сталина, историческая наука добилась в короткий срок значительных успехов, нашедших свое отражение в трудах профессоров и преподавателей исторического факультета.

---

[1] Из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР, там же, стр. 18.

На факультете широко развернулась деятельность кафедр истории СССР (акад. Б. Д. Греков), новой истории (проф. А. И. Молок), истории средних веков (проф. О. Л. Вайнштейн), истории древних Греции и Рима (проф. С. И. Ковалев, затем С. Я. Лурье), истории древнего Востока (акад. В. В. Струве), археологии (проф. В. И. Равдоникас).

Возникли новые отрасли исторической науки. Русскую историю сменила история СССР, включившая изучение истории не только русского, но и других народов нашей страны: украинцев, белоруссов, грузин, армян, казахов, узбеков, туркмен и т. д., в том числе и так называемых бесписьменных народов (ительменов, луораветланов, нымыланов, эвенков, хантэ, манси и т. д.), являвшихся ранее объектом изучения только этнографов, но отнюдь не историков.

В истории нового времени появился новый раздел новейшей послевоенной истории (с 1918 г. до наших дней). Возник новый раздел исторических знаний — история колониальных и зависимых стран, — чем был ликвидирован серьезный пробел в историческом образовании.

Научные работники исторического факультета ЛГУ выступают с рядом крупнейших работ: монографий, учебников, публикаций, статей.

В области истории СССР необходимо прежде всего отметить выдающиеся работы акад. Б. Д. Грекова, посвященные Киевской Руси («Рабство и феодализм в Киевской Руси», «Феодальные отношения в Киевской Руси», «Киевская Русь»). Основным достижением работ Б. Д. Грекова являются бесспорное установление феодальной природы древнерусского государства и определение классовой сущности различных социальных категорий населения Киевской Руси. Вопросы, поднятые Б. Д. Грековым, вызывали оживленное обсуждение. Кроме того, Б. Д. Греков дал ряд ценных исследований в области истории Новгорода, Руси в период владычества Золотой Орды, по истории феодальной деревни в Московском государстве, по истории крестьянства. Им же были намечены основные этапы развития крепостного права в России. Б. Д. Греков создал свою школу (И. И. Смирнов, В. В. Мавродин), разрабатывающую вопросы истории Киевской Руси и Московского государства в плане продолжения научных изысканий своего учителя.

Ученик А. А. Шахматова проф. М. Д. Приселков продолжал исследование по истории русского летописания и опубликовал крупнейшее после знаменитых «Розысканий» Шахматова исследование по «Истории русского летописания XI—XV вв.», защищенное им в ЛГУ в качестве докторской диссертации. Другие его работы были посвящены истории Киевской Руси и русско-византийским отношениям X—XII вв. Необходимо указать на большую роль М. Д. Приселкова

в деле подготовки кадров молодых ученых из числа лучших студентов факультета.

В области источниковедения и истории СССР XIX в. следует отметить ценные работы ученика Лаппо-Данилевского проф. С. Н. Валка, в области истории летописания и изучения «Русской Правды» — Н. Ф. Лаврова. Н. С. Чаев известен своей работой по истории восстания Кондратия Булавина, исследованиями о расколе и русском Севере, С. Б. Окунь — трудами по истории Камчатки, Русской Америки и Российско-Американской торговой компании, Н. А. Корнатовский и А. Л. Фрайман — по истории гражданской войны в России в 1918—1920 гг.

По вопросам истории образования русского национального государства и Московской Руси работали И. И. Смирнов и В. В. Мавродин, по истории России XIX в. — А. В. Предтеченский, по истории отдельных народов и областей нашей страны — А. Ю. Якубовский и П. П. Иванов (Средняя Азия), Н. Н. Степанов (Сибирь), И. В. Степанов (Поволжье), С. Т. Еремян (Армения), В. Д. Дондуа (Грузия), В. В. Мавродин и А. Л. Фрайман (Украина).

По новой истории прежде всего следует отметить выдающиеся работы акад. Е. В. Тарле. Его «Жерминаль и прериаль», «Наполеон», переведенный на ряд языков, «Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г.», «Крымская война» представляют собой ценный вклад в советскую историческую науку. Характерной особенностью многих работ Е. В. Тарле, специалиста по истории Западной Европы, можно считать то, что многие из них по сути дела посвящены основным вопросам отечественной истории, героическому прошлому русского народа.

Большой интерес представляют работы проф. А. И. Молока, посвященные истории революции 1848 г., Парижской Коммуне и июльской революции 1830 г., проф. Н. П. Полетика по истории первой мировой войны, М. М. Малкина, посвященные русско-американским отношениям во второй половине XIX в., и др.

Советская медиевистика в университете была представлена И. М. Гревсом, создателем многочисленной школы петербургских медиевистов, членом-корреспондентом Академии Наук О. А. Добиаш-Рождественской, выпустившей в свет большое число ценных исследований по истории средневековой письменности, по средневековым рукописям Государственной публичной библиотеки и средневековой культуре вообще, О. Л. Вайнштейном — автором первой на русском языке «Историографии средних веков» и ряда других исследований, М. А. Гуковским, занимавшимся историей итальянского возрождения, Е. Ч. Скржинской, опубликовавшей свод генуэзских надписей в Крыму. Заслугой кафедры является

участие в возрождении византиеведения в СССР (проф. М. В. Левченко, автор первого марксистского очерка истории Византии) и постановка ряда новых курсов и занятий (Н. В. Пигулевская, И. В. Арский, А. Е. Кудрявцев, В. И. Холмогоров, М. И. Тиханова, А. Д. Люблинская).

По истории античного мира работали в университете С. И. Ковалев, занимавшийся историей эллинизма и эпохой Александра Македонского, С. Я. Лурье — историк древней Греции, автор многочисленных специальных исследований исторического и филологического характера, и ряд молодых ученых (С. Л. Утченко, Д. П. Калистов, А. И. Болтунов). В области истории древнего Востока советская историческая наука обогатилась рядом работ заведующего кафедрой акад. В. В. Струве, обосновавшего теорию рабовладельческой природы древнейших государств Востока, а также его учеников (Н. А. Шолпо, Ю. Я. Перепелкина и др.).

Развитие археологической науки в университете связано с именем Н. Я. Марра. Его идея увязки различных отраслей общественных наук, связи языка и быта была положена в основу структурной перестройки факультета общественных наук, преобразованного в факультет языкознания и истории материальной культуры с особым отделением археологии, получившим название Отделения истории материальной культуры.

Отделением заведывал проф. Б. Л. Богаевский, известный знаток первобытного общества крито-микенской и трипольской культуры, к чтению курса были привлечены профессор, позднее академик И. А. Орбели, К. В. Тревер, ныне член-корреспондент Академии наук, П. П. Ефименко, положивший свои университетские лекции в основу капитальных работ «Дородовое общество» и «Первобытное общество», В. И. Равдоникас, изучавший по археологическим данным норманскую проблему и сармато-готскую эпоху, М. И. Артамонов, занимавшийся скифскими восточнославянскими древностями, О. Ф. Вальдгауэр, работавший по древностям Ольвии, Н. П. Сычев, крупнейший исследователь древнерусского искусства, и др.

Большой заслугой археологов университета является подготовка целой когорты талантливых молодых ученых (Е. Ю. Кричевский, С. И. Капошина, П. Н. Третьяков, П. И. Борисовский, Г. Гроздилов, Г. Подгаецкий, А. Л. Якобсон, Б. Круглов и др.).

После перерыва, в начале 30-х годов, в 1936 г. на историческом факультете университета вновь развернулась деятельность кафедры археологии, возглавленной проф. В. И. Равдоникасом. Вскоре было создано археологическое отделение.

К работе на кафедре были привлечены виднейшие сотрудники Института истории материальной культуры (ИИМК

АН), центра археологической науки в СССР, развернувшие в университете научную работу в тесной связи с учебным процессом. Заслугой кафедры является создание постоянной базы для археологической практики студентов в Старой Ладоге, раскопкам которой посвящен специальный фильм.

Проф. В. И. Равдоникас опубликовал ряд ценных исследований по палеолиту и неолиту СССР, наскальным изображениям в Карелии и на русском севере, по истории Старой Ладоги, истории археологии и по русским древностям киевской поры. Проф. П. П. Ефименко занимался вопросами палеолита и археологией Западного Поволжья, по которым он напечатал ряд интересных исследований. Работы проф. М. И. Артамонова, посвященные истории скифов, хазар, восточного славянства, являются серьезным вкладом в советскую историческую науку. Интересные исследования вышли в эти годы из-под пера Е. Ю. Кричевского, П. Н. Третьякова, Г. И. Петрова, В. Ф. Гайдукевича, М. К. Каргра, С. М. Бибикова. Сотрудники кафедры были руководителями или участниками крупнейших археологических экспедиций в СССР. Следует особо отметить работу археологов ЛГУ по изучению памятников Западной Украины, Молдавии и Карело-Финской ССР (Кричевский, Равдоникас и др.).

Несколько позднее других начала развертывать научную работу кафедра истории колониальных и зависимых стран (позднее — новой истории Востока), давшая ряд трудов по истории Китая (Л. И. Думан, А. А. Петров, Г. В. Ефимов), Ирана (М. С. Иванов), Индии (Д. Сулейкин, Е. Н. Люстеркин), Турции (Х. Муратов).

Профессора исторического факультета ЛГУ принимали активное участие в составлении учебников для высшей школы (Б. Д. Греков, С. Н. Валк, О. Л. Вайнштейн, Е. В. Тарле, А. И. Молок, В. В. Струве, С. И. Ковалев, С. Я. Лурье, В. И. Равдоникас, С. Б. Окунь и др.), а также многотомных работ Академии наук: «Всемирной истории», «Истории СССР», «Истории первобытной культуры», «Истории русской культуры», «Истории всемирной культуры» и т. д. Филологические науки также получили в советский период дальнейшее значительное развитие в Ленинградском университете.

Совершенно исключительное значение в развитии языкознания имела теория акад. Н. Я. Марра, создателя нового учения о языке.

«1917 год застал нашего великого лингвиста уже ищущим путей к выходу из осознаваемого им тупика, в который попало буржуазное языкознание».[1]

---

[1] И. И. Мещанинов, цит. соч., стр. 3.

Чувствуя бесплодность старого метода индоевропеистики и в то же время не имея еще прочной методологической основы, Н. Я. Марр, по своему же образному выражению, «отчалил в безбрежно широкое море, не имея претензии наметить гавань на другом берегу». «Корабль наш плохо оснащен, экипаж на нем более чем малочислен, но работа не ждет», писал Н. Я. Марр. Работа ждать не могла. Выдвинутый им палеонтологический подход к изучению языков привел к выводу о равноправии всех языков мира, к отрицанию изначальных преимуществ той или иной языковой семьи, а это, в свою очередь, привело к созданию теории единства глотогенического процесса всего человечества. Вслед за тем Н. Я. Марр отказывается от выведения характера языка из данных этноса, расы, от идеи праязыка, которую он признавал «сослужившею свою службу научною функцией», от теории миграции как основного фактора этно- и глотогонии.

«Начинаются величайшие достижения советского языкознания, начинается перестройка на материалистическое учение о языке на основах марксизма-ленинизма. Этот поворот, вне всякого сомнения, связан и обусловлен в своем становлении и последующем поступательном движении великими достижениями Октября».[1]

Лингвистика все больше и больше выходит из узких традиционных рамок формального изучения языка и смыкается с другими науками о человеческом обществе. Трудами Н. Я. Марра языкознание было вставлено в контекст других общественных дисциплин. Он поставил язык в связь с мышлением, а мышление — с общественным бытием, и, следовательно, связал эволюцию языка с историей развития общественных форм, установив стадиальность в развитии языков. «Язык — мышление — общественная практика»—такова была установленная им триада. Марр оказал влияние на изучение всех языков СССР и целого ряда других языков: индоевропейских, кавказских, армянского, грузинского, турецкого, финно-угорских, семитских, африканских, баскского, этрусского, хеттского и эломского, халдского, шумерского и ряда других. Его новое учение о языке нашло отражение не только в лингвистике, которая отныне стала строиться на основных принципах его теории, но и в других науках — литературоведении, фольклоре, истории, этнографии, археологии и т. д.

Развитие нового учения о языке ярко сказалось в преподавании языкознания в университете. Начат был курс палеонтологии речи, который читал Н. Я. Марр, перестроен курс общего языкознания, введено изучение целого ряда языков так называемых отсталых народов (палеоазиатских, афри-

[1] И. И. Мещанинов, цит. соч., стр. 6.

канских и др.), мертвых языков и т. д. Уровень преподавания лингвистики в университете вырос неизмеримо, а это отразилось и на развитии сопредельных дисциплин, разрабатываемых на филологическом и других гуманитарных факультетах.

Н. Я. Марр воспитал целую плеяду учеников, многие из которых плодотворно работали в университете. В их числе акад. И. И. Мещанинов, посвятивший свои труды общему языкознанию, халдоведению и археологии и издавший изве-

Н. Я. Марр.

стные работы по халдской клинописи и по общему языкознанию («Новое учение о языке», «Общее языкознание»), награжденный за свою работу Орденом Ленина, И. Г. Франк-Каменецкий, занимавшийся фольклором и мифологией, А. П. Рифтин, занимавшийся вопросами общего языкознания, арабским и аккадскими языками и выпустивший ценную работу «Старовавилонские документы в собраниях СССР», К. Д. и В. Д. Дондуа, О. М. Фрейденберг, А. А. Холодович и др. Больших успехов добились востоковеды. Нужно отметить, что новое учение о языке родилось из исследований востоковеда Марра, и, таким образом, востоковедение в лице Марра указало общие пути языковедческой науке. И это не случайно. Востоковедение в стенах университета имело славное прошлое и бурно развивалось в течение всего послеоктябрьского периода. В университете работал акад. Б. Я. Владимирцов, крупнейший монголовед, известный

своими трудами по алтайской лингвистике, собиратель и знаток эпоса монгольских народов, основоположник теории кочевого феодализма и монголов («Общеизвестный строй монголов»), акад. В. М. Алексеев, известный современный синолог, языковед и литературовед, который впервые ввел в мировой научный оборот многие произведения китайской поэзии, фольклорист и искусствовед. Большой заслугой В. М. Алексеева нужно считать работу в области реформы письма и языка, приближенного к массам. Его учеником является виднейший японист, член-корреспондент Академии наук Н. И. Конрад. В университете работали акад. В. В. Бартольд, всемирно известный ориенталист, занимавшийся в эти годы главным образом историей народов СССР (узбеки, киргизы, татары, монголы) и оставивший после себя ряд выдающихся трудов, акад. Ф. И. Щербатской, блестящий санскритолог и буддолог, работы которого были посвящены индийской философии и, в частности, буддизму, акад. С. Ф. Ольденбург, известный знаток буддийского искусства, восточной иконографии, нумизматики и фольклора.

Крупнейший советский арабист акад. И. Ю. Крачковский работает по истории арабской литературы, по истории культуры и литературы арабов Испании. Его труды, касающиеся испанских арабов и истории литератур народов Дагестана, Сирии, Египта и Абиссинии, пользуются мировой известностью.

Известный индолог акад. А. П. Баранников занимался вопросами грамматики хинди и урду, языком и культурой цыган, и его труды в этих областях являются серьезным вкладом в советское востоковедение.

Вопросы монгольского эпоса, равно как и русско-монгольских связей, получили отражение в трудах акад. С. А. Козина. Им начато семитомное издание главнейших монгольских эпических произведений «Сокровенное сказание», «Джангариада», «Гесериада».

Большая работа, нашедшая выражение в многочисленных изданиях, была проделана за четверть века развития советской ориенталистики тюркологом Н. К. Дмитриевым, членом-корреспондентом Академии наук СССР, видными иранистами, членами-корреспондентами Академии наук СССР А. А. Фрейманом, Е. Э. Бертельсом и проф. А. А. Ромаскевичем, японистами Н. И. Конрадом, А. А. Холодовичем и др.

Больших успехов добилась романо-германская филология. В первые годы после Октября продолжалась работа в университете одного из старейших русских филологов, члена-корреспондента Академии наук Д. К. Петрова, автора капитальных трудов по истории испанской литературы, знаменитого ученого, воспитавшего несколько поколений русских литературоведов. После смерти Д. К. Петрова романо-гер-

манскую филологию в Ленинградском университете возглавили известные ученые, создатели крупных филологических школ, члены-корреспонденты Академии наук СССР В. Ф. Шишмарев и В. М. Жирмунский. Именно на советский период приходятся годы расцвета исследовательской, учебной и организационно-общественной деятельности этих двух ученых. В. Ф. Шишмарев работал в области романской филологии в самом широком смысле и создал ряд трудов по истории итальянской и французской литератур и по истории романских языков; выдающимся вкладом в науку является его исследование «Языки Испании». В. М. Жирмунский известен трудами, охватившими в совокупности все основные разделы филологической науки, — историю и теорию литературы, историю языков, диалектологию, фольклористику. Подобно В. Ф. Шишмареву, В. М. Жирмунский явился продолжателем традиций А. Н. Веселовского. В духе учения этого великого русского филолога, В. М. Жирмунский разрабатывал вопросы сравнительной филологии, дав в своих трудах большой материал по литературе и языкам европейских народов.

В 1928—1930 гг. плодотворно развернулась деятельность и других видных советских западников, историков литературы и лингвистов. Проф. А. А. Гвоздев разрабатывал вопросы истории драмы и театра и издал ряд работ как в этой области, так и по общей истории западных литератур. Проф. А. А. Смирнов создал ряд оригинальных работ в области изучения Шекспира, а также исследования кельтского эпоса; большое значение имеет работа А. А. Смирнова по созданию культуры литературного перевода в советской стране. Проф. С. С. Мокульский работал по истории западного театра, по изучению наследия Мольера, Расина, Бомарше и др. Проф. Б. А. Кржевский занимался историей испанской литературы. Проф. М. П. Алексеев разносторонне изучил историю английской литературы и исследовал на широком материале русско-западные (особенно русско-английские) литературно-общественные отношения и связи. Б. Г. Реизов опубликовал работы о Бальзаке и Стендале, М. Л. Тронская и Н. Я. Берковский изучали немецкую литературу. В то же время ценные труды дало молодое поколение филологов, учеников В. Ф. Шишмарева и В. М. Жирмунского (М. Н. Бутнер, Г. В. Строева-Сокольская, В. Н. Ярцева, З. В. Гуковская, Р. А. Будагов, А. В. Десницкая, Л. Р. Зиндер и др.).

Классическая история, филология, мифология и фольклор были предметом изучения акад. С. А. Жебелева, члена-корреспондента Академии наук И. И. Толстого, профессоров О. М. Фрейденберг и И. М. Тронского, перу которых принадлежит большое число серьезных исследований.

Д. В. Бубрих, глава советского финно-угроведения, не-

мало потрудился над восточно-финскими, в частности мордовскими языками и фольклором.

На филологическом факультете работали такие ученые, как видный советский фольклорист М. К. Азадовский, автор ряда трудов по русской сказке и истории русской фольклористики, инициатор многих коллективных изданий; специалист по общему фольклору В. Я. Пропп и этнограф И. Н. Винников, восстановивший в 1937 г. этнографическое образование.

История русского и вообще славянских языков была представлена в Ленинградском университете трудами целой плеяды крупнейших ученых. В первые годы после Октября продолжалась работа великого русского ученого А. А. Шахматова, в эти годы был издан его «Синтаксис русского языка», а также акад. Б. М. Ляпунова, члена-корреспондента Академии наук П. А. Лаврова и др. Впоследствии широко развернулась научная деятельность акад. С. П. Обнорского, автора ряда ценных трудов по истории русского языка, и акад. Л. В. Щербы, создателя школы экспериментальной фонетики в Ленинградском университете, виднейшего исследователя русского языка, сравнительной грамматики европейских языков, вопросов общего языкознания и др. В то же время в университете работали крупный специалист по славянским языкам проф. М. Г. Долобко, известный славист акад. Державин, автор многих выдающихся трудов по стилистике и истории русского литературного языка проф. П. В. Виноградов, выдающиеся лингвисты проф. Б. А. Ларин и проф. Л. П. Якубинский, давший ценные работы по русскому литературному языку В. А. Гофман, специалист по славянским языкам проф. Пушкаревич и др.

Блестящего расцвета в Ленинградском университете достигла в советский период история русской литературы. В первые годы продолжали работать виднейшие ученые профессора В. В. Сиповский, С. А. Венгеров, Д. И. Абрамович, В. А. Келтуяла и др. В 20-е и 30-е годы XX века развернула работу целая плеяда выдающихся советских литературоведов. Акад. В. Н. Перетц выпустил капитальный труд, посвященный «Слову о полку Игореве». Акад. А. С. Орлов разрабатывал вопросы истории древней русской литературы и издал ценный курс, явившийся итогом его педагогической работы в Ленинградском университете. Член-корреспондент Академии наук Н. К. Пиксанов издал многочисленные ценные исследования о Грибоедове, Пушкине, Гоголе, Чернышевском, Тургеневе, Гончарове, Короленко, Горьком и др. Член-корреспондент Академии наук С. Д. Балухатый плодотворно работал по изучению наследия Чехова и Горького, написав ряд оригинальных работ, источниковедческих пособий и изданий, посвященных этим писателям. Широкой известностью как в нашей стране, так и за пределами ее

пользуются многочисленные исследования проф. Б. М. Эйхенбаума о Лермонтове и Л. Толстом, проф. В. В. Гиппиуса о Гоголе, Щедрине и др. Целую серию работ по изучению Некрасова и истории русской журналистики издал проф. В. Е. Евгеньев-Максимов, история русской литературы XVIII столетия разработана в капитальных трудах профессоров П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского. Горьким, Гоголем и литературой XVIII века занимался проф. В. А. Десницкий. Проф. А. С. Долинин опубликовал ценные работы о Достоевском. Проф. Л. В. Пумпянский создал превосходные труды о Пушкине, Тургеневе, поэтах XVIII века. Проф. Б. В. Томашевский — виднейший советский пушкинист. Ценным вкладом в науку являются работы профессоров Г. А. Бялого (о Гаршине), И. П. Еремина (древнерусская литература), О. В. Цехновицера (русская литература XX века), М. А. Яковлева (древнерусская литература), доцента И. Г. Ямпольского (об А. К. Толстом, русской сатирической журналистике, Помяловском и др.), доцента Н. И. Мордовченко (о Белинском, Гоголе и др.), В. Н. Орлова (о Блоке, Д. Давыдове, Пнине и др.). Вопросами теории и практики литературной библиографии занимался выдающийся библиограф проф. А. Г. Фомин. Историю искусства разрабатывали на филологическом факультете прекрасный знаток истории древнерусского и европейского искусства член-корреспондент Академии наук Д. В. Айналов, выпустивший «Историю русской живописи от XVI до XIX в.» и «Этюды о Леонардо да-Винчи», проф. О. Ф. Вальдгауэр, давший ряд европейско-известных монографий об античных скульпторах и книгу «Этюды по истории античного портрета», проф. И. И. Иоффе, автор оригинальных по концепций и разнообразных по материалу синтетических книг по искусству.

Специфической особенностью филологического факультета Ленинградского университета являлось то, что на 17 его кафедрах оказались объединенными все отрасли филологии. Языкознание и литературоведение развивались на широкой теоретической базе, и была осуществлена та неразрывная связь науки с преподаванием, которая является основой университетского образования.

Экономическое образование в университете развернулось на экономическом отделении факультета общественных наук с 1920 г. Профессорско-преподавательский состав отделения включал наиболее видных представителей экономической науки. Курс политической экономии читал профессор, впоследствии академик, Солнцев, истории экономической мысли и истории социализма — проф. В. В. Святловский, истории экономического быта — проф. И. М. Кулишер, экономической географии — проф. Степанов, статистики — проф. Митропольский, финансов — проф. М. И. Боголепов, денежного обра-

щения, кредита и банков — проф. А. И. Буковецкий, экономики и организации промышленности — проф. А. В. Венедиктов, местных финансов — проф. Твердохлебов и др. Акад. С. И. Солнцев — автор ряда крупных работ («Рабочие бюджеты», «Заработная плата, как проблема распределения», «Общественные классы», «Введение в политическую экономию» и др.), подходя в своих изысканиях к марксизму, проводил семинары по изучению «Капитала» и требовал от студентов хорошего знакомства с этим основным произведением научного коммунизма. Проф. В. В. Святловский, перу которого принадлежит много солидных исследований («Примитивно-торговое государство», «Очерки по истории экономической мысли на Западе и в России», «Профессиональное движение», «Мобилизация земельной собственности» и др.), также немало способствовал развитию передовой экономической мысли в университете. Большую роль в развитии преподавания экономических дисциплин сыграли известный знаток истории народного хозяйства И. М. Кулишер, профессора Боголепов и Твердохлебов, основные работники финансовой специализации отделения, проф. А. В. Венедиктов и преподаватель Аронов, ведущие руководители специализации по труду.

За эти годы (1920—1925) экономическое отделение выпустило немало научных работников (А. А. Вознесенский, В. В. Рейхардт и др.) и работников в области финансов и промышленности.

Необходимо отметить, что на экономическом отделении имелась наибольшая партийная прослойка и актив университета состоял главным образом из экономистов. Студенты экономического отделения были главной массой, поддерживающей левую профессуру и все мероприятия, проводимые в связи с перестройкой университета.

С 1926 г. студенты и преподаватели отделения почти целиком были переданы в Политехнический институт, и с этого времени до 1939 г. экономическая наука в университете была представлена только кафедрой политической экономии.

В 1939 г. по инициативе проф. А. А. Вознесенского и группы студентов исторического факультета было создано экономическое отделение истфака, развернутое с осени 1940 г. в экономический факультет (или факультет политической экономии).

На факультете преподавали профессора А. А. Вознесенский (политическая экономия), В. М. Штейн (экономическая география и история экономической мысли), А. В. Венедиктов (основы советского права), М. Ю. Бортник (деньги и кредиты), Я. С. Розенфельд (экономика промышленности), Л. В. Некраш (статистика), А. И. Буковецкий (деньги, кредит, финансы), Раурбард, доценты В. В. Рейхардт и Е. С. Берлович (политическая экономия) и др.

В 1939/40 г. был организован философский факультет. К преподаванию на нем были привлечены профессора М. В. Серебряков, И. М. Широков, Б. А. Чагин, В. И. Чучмарев, И. А. Боричевский, доценты Д. Э. Розенштейн, Г. Федоров, Зеликин, Троян, Стычкин и др.

Таковы в общих чертах основные моменты развития научной и учебной работы на факультетах Ленинградского университета за советский период — до начала Великой Отечественной войны советского народа с германским фашизмом.

Ленинградский Государственный университет.

Почти четверть века научная мысль в Ленинградском университете, преодолевая трудности и препятствия, освобождаясь от шелухи отживших теорий и взглядов, похороненных бурным развитием жизни молодой советской страны и передовой науки, непрерывно шла вперед.

* * *

Таков был путь Ленинградского университета от октября 1917 г. до первого дня Великой Отечественной войны советского народа с фашистско-немецкими захватчиками.

За период советской власти университет стал одним из важнейших научных и учебных центров страны, кующим кадры новой, советской, трудовой интеллигенции.

... Шел июнь 1941 г.

Экзаменационная сессия в разгаре. Тысячи студентов университета соревнуются за право именоваться отличниками, за право претендовать на государственную стипендию. Идут выпускные государственные экзамены. Студенты-выпускники

уже знают, где и в качестве кого предстоит им трудиться на благо социалистической родины.

Многие студенты готовятся к отъезду на практику. Еще не сдан последний экзамен, а в тесном кружке друзей геологи мечтают о поездке на Урал, Алтай, на Карельский полуостров, Кавказ; этнографы собираются в Майкоп, Саранск, Чебоксары, Бийск, Тюмень, Ижевск, Фрунзе; археологи спе-

Коридор главного здания Ленинградского Государственного университета.

шат на базу своих раскопок в Старой Ладоге, географы—на Саблинскую станцию. Во все концы необъятного Союза, от Карпат и Бреста до Тихого океана, от Рыбачьего полуострова до Памира, разъедутся в это лето 1941 г. сотрудники и питомцы университета.

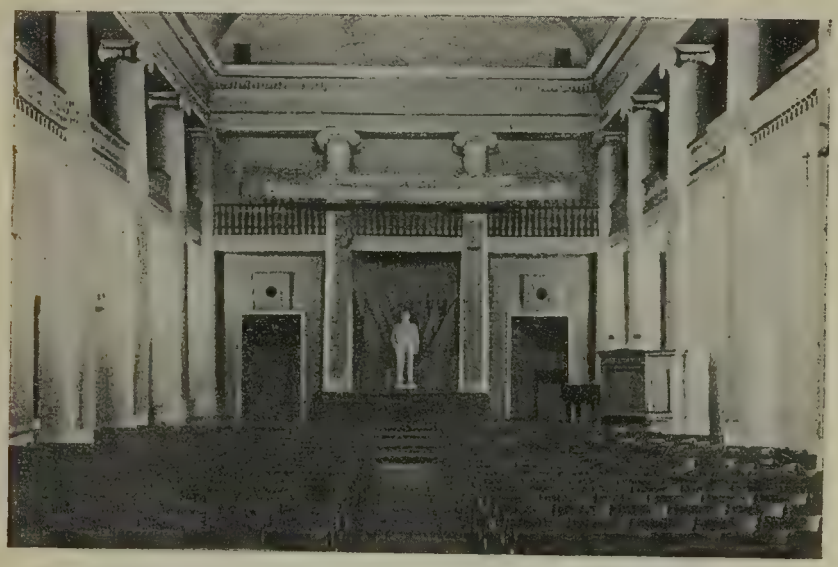
В просторных аудиториях, в залах заседаний советов факультетов происходят защиты диссертаций. Там аспиранты университета спешат с волнением вынести свой труд на публичный диспут. За один июнь 1941 г. было защищено 50 кандидатских диссертаций.

На кафедрах, в академических группах, на курсах, в лабораториях с большим подъемом и успехом шла подписка на государственный заем.

В деканатах до поздней ночи шла кипучая работа. Обрабатывались материалы и составлялись отчеты об итогах научной и учебной работы, готовились планы на будущий год.

Кафедры факультетов распределяли поручения, составляли рабочие учебные планы и программы.

Университетское издательство готовилось к выпуску десятков новых названий, среди которых были и учебники, и монографии, и солидные томы сборников и «Ученых записок».



Актовый зал главного здания Ленинградского университета.

Кончая учебный год, университет готовился к новому учебному году. 20 июня начинался официальный прием заявлений в университет, уже к 19 июня в приемную комиссию поступило свыше 2000 писем-запросов. Будущие студенты университета интересовались профилем избираемого факультета, наличием лабораторий, спрашивали, кто из крупных ученых преподает в университете, и т. д. Ленинградский университет готовился к новым трудам на благо науки, на благо Советской Родины.

Часть III

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Глава I

УНИВЕРСИТЕТ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

(июнь—август 1941 г.)

В памятный день 22 июня 1941 г., когда вероломное вторжение гитлеровских полчищ в пределы Советского Союза внезапно оборвало наш мирный труд, круто изменило все течение жизни, в истории Ленинградского университета открылась новая страница.

В первые дни войны жизнь университета продолжала, казалось, итти по привычному руслу. Пять тысяч студентов, две с половиной тысячи заочников, четыреста аспирантов заканчивали сдачу переходных испытаний и государственных экзаменов. На всех десяти факультетах в последнюю неделю июня обычным порядком шли заседания ученых советов: заслушивались доклады, защищались диссертации. Девяносто четыре университетские кафедры были заняты подведением итогов истекающего учебного года, подготовкой программ и планов к предстоящему году. Около тысячи профессоров, доцентов, ассистентов, около четырехсот лаборантов и препараторов, девятьсот рабочих и служащих — целая армия работников университета, его многочисленных лабораторий, институтов, библиотек и кабинетов продолжала обеспечивать своим трудом нормальный ход большого и хорошо слаженного университетского механизма.

И, однако, война ворвалась в этот размеренный строй жизни со своими властными требованиями с первого же дня, даже с первого часа, производя в нем все более и более глубокие и существенные перемены. Весь многотысячный коллектив университета был охвачен страстным патриотическим подъемом. По всем факультетам стихийно прокатилась волна многолюдных митингов, на которых представители профессуры

Перед главным зданием Университета в первые дни Отечественной войны.

и студенчества давали клятву постоять за честь и свободу Родины, не щадя сил и самой жизни. На эти митинги многие являлись уже с повестками о военной мобилизации в кармане. В последние дни июня шла массовая запись студентов и преподавателей в ряды Народного ополчения, запись, охватившая весь коллектив, за исключением разве только инвалидов и глубоких стариков. Многие профессора, которым мобилизационные комиссии отказывали в зачислении, настойчиво подавали заявления по три-четыре раза. Среди ушедших в эти дни добровольцами в армию были профессора Солдатенков, Цехновицер, Чагин и многие другие, доценты Затоновенко, Бунтин, Лукоянов, Врублевский, Зеликин, Троян, Арский, Колосов, Деменьтьев, Вольпе и десятки других. Часть добровольцев была возвращена военными органами

в университет для работы, большинство же перешло впоследствии из добровольческих дружин в действующую армию, превратилось в кадровых бойцов и офицеров.

Но и не принятые в ряды Народного ополчения преподаватели и студенты, по мере того как нарастала непосредственная военная угроза Ленинграду, во все возрастающих количествх пополняли военные формирования университета: 16—17 июля — истребительный студенческий батальон, 20—22 августа — Василеостровский рабочий батальон, 15 сентября — отряд вооруженной охраны ЛГУ, ставший на полуказарменное положение.

С каждым днем ряды универсантов все более редели. За один только день 12 июля приказом ректора (им был назначен с первых дней войны профессор университета А. А. Вознесенский) было отчислено от университета 106 аспирантов, мобилизованных в Красную Армию. Многие аспиранты и студенты, особенно физического и математико-механического факультетов, перешли из университета в военные, военно-морские и летные школы. Наконец, десятки наших студентов, пробравшихся в тыл врага, приняли активное участие в партизанской борьбе. Таков, например, студент химфака Г. Осипов, ставший начальником одного из партизанских отрядов Ленинградской области, студент исторического факультета Дорофеев, также начальник партизан, героически погибший на посту и посмертно награжденный правительством, и многие другие.

В общей сложности Ленинградский университет выделил из своей среды около двух с половиной тысяч защитников родины. К ним нужно еще присоединить сотни студенток, ушедших в армию сандружинницами или поступивших в военные госпитали медсестрами. Для подготовки студенток-добровольцев к этим обязанностям 1 июля при университете были открыты курсы медсестер, рассчитанные на 300 человек.

Этими верными сыновьями и дочерьми нашей Родины Ленинградский университет может по праву гордиться. Профессор Орест Цехновицер, доценты Шолпо, Шейдин, Полешук, Бунтин, Колосов, Троян, Зеликин, ассистенты Муратов, Ефименко, Шибаев, аспиранты Максимов и Каспаров, студенты Григорьев, Остроумов, Рохлин, Степанов, Фрайман, Поляков, Алмазов, Аверина пали смертью храбрых на полях сражений, на подступах к городу Ленина. Этот перечень можно было бы увеличить во много раз. Особенно тяжелые жертвы понес в августе 1941 г. студенческий батальон, сдерживавший у Гатчины рвавшегося вперед озверелого врага.

Немало наших людей, продолжающих сражаться в рядах армии или получивших тяжелые ранения, ставших инвалидами Отечественной войны, отмечено за свою доблесть воен-

ным командованием. Заместитель директора Биологического института Ф. И. Галеев, командир стрелкового полка, павший смертью храбрых под Нарвой в марте 1944 г., награжден орденами Суворова I степени, Александра Невского, Отечественной войны и др. Только на одном участке Волховского фронта за умелое руководство людьми и личное мужество удостоены высокой награды — ордена Красной Звезды — доцент Федоров, доцент Куцентов, студенты Шляпин и Гойдина. Студент IV курса философского факультета А. А. Петров, гвардии майор, награжден орденами Кутузова, Отечественной войны, Красного Знамени и Красной Звезды. Студенты геолого-почвенного факультета И. Резников и Н. Шишкин награждены орденами Ленина. Студент филологического факультета В. К. Богданов, ныне капитан, награжден тремя орденами и двумя медалями и т. д. Десятки и сотни воспитанников Ленинградского университета показали образцы мужества, стойкости и выносливости в борьбе с ненавистным врагом. Уходя на фронт, студенты, научные работники и служащие дали клятву высоко держать знамя Ленинградского университета, мужественно и до победы биться с фашистами. Вот что писал 11 сентября 1941 г. ректору университета студент истфака М. А. Цывин, находясь на передовых позициях: «На защиту подступов к городу Ленина мобилизованы все силы. Я лично, питомец Ленинградского университета, постараюсь в бою на подступах к городу Ленина, не щадя жизни, сражаться, а если нужно будет, отдать свою жизнь». И эту клятву, это свое обещание советские патриоты, питомцы Ленинградского университета, сдержали.

Несколько приводимых ниже примеров могут дать конкретное представление о том, как вели и ведут себя студенты, аспиранты и преподаватели ЛГУ в рядах нашей героической Красной Армии, на фронтах Отечественной войны.

В трагические дни августа 1941 г., когда враг яростно рвался к городу Ленина, аспирант физического факультета Каспаров командовал артиллерийским расчетом, который в течение 36 часов сдерживал превосходящие неприятельские силы, дав возможность всему нашему подразделению отойти на новые рубежи и там закрепиться. Тов. Каспаров погиб вместе со своим расчетом, но не отступил ни на шаг. Командованием части он был за этот подвиг представлен к правительственной награде.

Доценты кафедры основ марксизма-ленинизма Колосов и Троян были комиссарами крупных воинских подразделений. Своим личным примером они воодушевляли бойцов и командиров на воинские подвиги. В один из жарких боев т. Троян пошел в атаку первым и увлек за собою всех бойцов. Врагу был нанесен в этом бою сильный удар.

Троян и Колосов не раз водили своих бойцов в атаки. Оба они пали смертью храбрых на поле боя.

Доцент философского факультета Зеликин перед уходом добровольцем в Красную Армию подал в партком ЛГУ заявление о приеме в партию. «Хочу итти на фронт коммунистом», писал он. Являясь по своей военной квалификации интендантом, тов. Зеликин выразил желание биться с врагом в качестве рядового красноармейца. Будучи ранен, он сократил срок своего пребывания в госпитале и вскоре снова пошел на передовые позиции. При выполнении боевого задания он мужественно встретил смерть за Родину.

Доцент математико-механического факультета Еругин, член ВКП(б), пошел на фронт артиллеристом. На поле боя он неоднократно проявлял бесстрашие, хладнокровие, качества волевого командира батареи. В одной из операций, благодаря его умелым распоряжениям, вражеская батарея была подавлена, что обеспечило нашим танкам успешное прохождение через передний край вражеской обороны. За участие в этой операции т. Еругин был занесен на почетную доску фронта. Будучи затем тяжело ранен, т. Еругин, уже инвалидом Отечественной войны, вернулся к работе в родной университет, успел за короткое время написать и защитить диссертацию на степень доктора математических наук.

В приведенных фактах нет ничего исключительного, из ряда вон выходящего. История Красной Армии в период Отечественной войны знает бесчисленное число примеров, ещё более выдающихся, примеров единоличного и массового героизма, каких не знает история ни одной другой армии и ни одной другой страны. Но для истории Ленинградского университета эти сами по себе скромные факты важны в том отношении, что они позволяют сделать один вывод.

Университет вооружил своих питомцев знаниями, умением быстро разбираться в любой обстановке, теми элементами высокой культуры, которые, будучи помножены на личное мужество советского офицера, на его приобретенный в боях опыт, дали и продолжают давать прекрасные плоды.

Эти особые качества наших универсантов не раз отмечались в советской прессе. Так, в начале октября 1941 г. в «Ленинградской правде» была помещена корреспонденция из действующей армии, озаглавленная «Рождение воина». Здесь героем рассказа явился доцент и заместитель декана геолого-почвенного факультета Бунтин. Этот молодой ученый, отмечает военный корреспондент, привыкший только к обращению с микроскопом, с помощью которого он изучал мельчайшие особенности почв Кольского полуострова, и совершенно незнакомый до того с военным делом, сумел в тяжелой обстановке быстро найти правильное решение задачи, над которой военные специалисты работали долгое время. Необхо-

димо было выполнить под жесточайшим огнем врага одну важную саперную работу. Бунтин нашел способ соорудить нужный объект так, что наши саперы не понесли никаких потерь. Отсутствие специального опыта и специальных познаний были в данном случае возмещены с избытком теми навыками к научному анализу любых явлений и в любой обстановке, которые университет прививает своим питомцам.

Эти же навыки в соединении с высоким сознанием долга и пламенным патриотизмом давали ценные результаты не только на полях сражений. Люди по преимуществу умственного труда, преподаватели и студенты университета заняли одно из первых мест в армии землекопов, создавшей своей неутомимой работой оборонительные рубежи на дальних и на ближних подступах к Ленинграду. Уже 26 июня первая большая группа студентов выехала на спецстроительство на Карельский перешеек. Наши географы и геолого-почвенники были затем широко привлечены к работам по изысканию и подготовке площадок для аэродромов. С 15 июля все студенты и преподаватели, не входившие в военные формирования университета и способные к физическому труду, систематически направлялись на строительство оборонных рубежей. Созданный при ректоре штаб трудовой повинности координировал организационные мероприятия отдельных факультетов и распределял между факультетами требования на рабочую силу.

Подготовка оборонных рубежей — сооружение противотанковых рвов, блиндажей и пр.—требовала не только большого физического напряжения, но, в условиях быстрого продвижения неприятеля, и значительной выдержки. Дело не обходилось иногда без людских жертв, в некоторых случаях необходимо было выходить из неприятельского окружения.

При всем том находились среди наших преподавателей и студентов такие энтузиасты оборонного строительства, которые отказывались от своего права на смену и работали за городом два-три месяца непрерывно. Многие бригады Ленинградского университета перевыполняли нормы и получали за это благодарность от военного командования. Дружная семья геологов, во главе со своим деканом проф. С. С. Кузнецовым, давала по две нормы в день.

Правда, как и во всяком большом коллективе и во всяком деле, были и в университетском коллективе люди, отлынивавшие от непривычного физического труда, от связанных с ним трудностей. С такими элементами, прикрывавшими справками о болезни и т. п. свое нежелание работать, ректорат и общественные организации принуждены были проводить большую воспитательную работу и непримиримую борьбу.

На строительство оборонных рубежей университетский коллектив дал около 120 тыс. человекодней, выполнив, таким

образом, с честью и этот свой долг перед страной и родным городом.

Обстановка на фронте летом 1941 г. ставила перед университетом и другие, быть может менее широкие, но ответственные задачи.

Городу Ленина, стоявшему на страже западных границ нашей Родины, пришлось раньше многих других больших городов почувствовать огненное дыхание войны; уже в ночь на 23 июня раздались первые сигналы воздушной тревоги, залпы зенитных орудий. Эти звуки, к которым затем присоединились другие, еще более грозные, стали отныне и на долгие месяцы привычным аккомпанементом трудовых дней ленинградцев.

Угроза воздушного нападения, вскоре превратившаяся в реальность, заставила администрацию университета спешно организовать из студентов, преподавателей и служащих многочисленные команды МПВО. Круглосуточные дежурства во всех университетскиих зданиях, организация бомбоубежищ, приспособленных и к лекционной работе, обеспечение членов университетского коллектива противогазами—все это были только первые шаги, за которыми последовали более сложные и систематически проводимые мероприятия. В предвидении воздушных бомбардировок нужно было хорошо подготовить еще неопытные кадры команд МПВО, в предвидении возможных боев в черте города нужно было обучить владеть оружием всех способных принять в этих боях сколько-нибудь активное участие. В течение июля и августа команды университетской противовоздушной обороны, под руководством специалистов, практически обучались способам борьбы с зажигательными бомбами, тушению пожаров, дегазационным и спасательным работам. Одновременно силами профессоров и студентов, свободных от трудповинности, производилась окраска деревянных частей университетских зданий огнеупорным составом, создавались запасы песка и воды, приводился в боевую готовность весь необходимый инвентарь.

Приказом ректора от 8 августа было введено также обязательное военное обучение для всех находившихся в городе студентов, преподавателей и служащих в возрасте от 17 до 50 лет. На улицах и площадях, прилегающих к зданиям университета, и в приспособленных для этого помещениях ежедневно проводилась эта военная подготовка. С добросовестностью, присущей подлинному научному работнику, многие наши уже почтенные по возрасту профессора, вместе со своими слушателями, учились маршировать в строю, владеть винтовкой, метать гранаты и противотанковые бутылки.

Университетом не была оставлена в стороне еще одна важная задача — сбор денежных средств и материальных ценностей в фонд обороны. Помимо наличных денег, отчисле-

ний от заработной платы и облигаций госзаймов, давших государству сотни тысяч рублей, в комиссию по сбору в первые же дни ее работы поступило около 4 килограммов драгоценных металлов, валютные ценности, полевые бинокли и пр. С таким же успехом проходили и все последующие сборы — теплых вещей для армии, белья и различного мелкого оборудования для подшефных госпиталей и т. п.

Но, конечно, во всех перечисленных случаях университет делал только то, что являлось долгом любого советского учреждения в тяжелые дни, переживавшиеся страной. Усилия его коллектива оказать помощь фронту воспроизводили с той или иной степенью интенсивности только то, что делали сотни тысяч и миллионы советских патриотов во всех уголках нашей необъятной страны. Специфика помощи фронту со стороны университета как мощного научного коллектива лежала в другом — в его учебной, научно-оборонной и политико-пропагандистской работе, проходившей в условиях сначала близости к фронту, а затем беспримерной в истории длительной блокады миллионного города.

Именно этого рода помощь фронту имели прежде всего в виду виднейшие работники университета во главе с ректором проф. Вознесенским, деканом химического факультета акад. Байковым и др., когда они в своем обращении по поводу речи товарища Сталина 3 июля 1941 года писали:

«В этот грозный исторический час, когда решаются судьбы нашей страны и всех величественных завоеваний социалистической революции, мы, научные работники университета, в ответ на речь вождя считаем своей священной обязанностью усилить наши оборонные работы для фронта, использовать весь свой опыт и знания для всесторонней помощи фронту, отдать все силы для защиты родины, которой принадлежит вся наша жизнь».

В летние месяцы учебной работы, в собственном смысле слова, не было. Отпуска были отменены, но начало занятий, предполагавшееся на 1 августа, оказалось необходимым отодвинуть. Производились только государственные экзамены для запоздавших, а главным образом для студентов, только что перешедших на V курс, но по правительственному распоряжению подлежавших выпуску уже в 1941 г.

Экзаменационная сессия затянулась до глубокой осени, так как студенты, находившиеся в рядах армии, не всегда могли явиться в установленные сроки. Нельзя без волнения вспомнить эти экзамены, необычные по обстановке и настроению обеих сторон, принимавших в них участие. Перед столом экзаминаторов появлялись молодые люди в форме офицеров Красной Армии или Флота, обвешанные оружием, получавшие свои дипломы буквально в промежутках между двумя сражениями. В осенние месяцы выпускник, а изредка и диссертант,

закончивший только что аспирантуру, приезжал на экзамен или на защиту диссертации прямо с передовых позиций, куда через несколько дней или даже часов он обязан был вернуться. Для этого, заметим в скобках, ему достаточно было воспользоваться услугами городского трамвая: фронт проходил уже близко от черты города, да и самый город стал фронтом.

Несмотря на сложную фронтовую обстановку в августе ни на один день не прекращалась работа по подготовке к новому учебному году. В связи с введением трехлетнего срока обучения необходимо было перестроить учебные планы, пересмотреть и переработать программы ряда курсов и практических занятий. Пересмотр программ диктовался, сверх того, и потребностями военного времени. Уделить максимальное внимание дисциплинам и проблемам, имеющим оборонное значение, являлось для руководства университета, для всех его факультетов и кафедр первейшей задачей и делом чести. В этой связи должно быть отмечено одно мероприятие, которое, затрагивая самую структуру университета, на первый взгляд казалось несовместимым с ближайшими перспективами университетской работы. В книге приказов по университету под 12 августа имеется следующий приказ ректора: «В интересах обеспечения учебной и научной работы в области славяноведения: 1) Восстановить на филологическом факультете кафедру славянской филологии. И. о. заведующего кафедрой утвердить проф. Пушкаревича. 2) Восстановить на историческом факультете кафедру истории славянских народов. Утвердить заведующим кафедрой профессора университета акад. Н. С. Державина». Вряд ли нужно подчеркивать, что возрождение славяноведения в одном из крупнейших университетов страны имеет не только научное, но и большое политическое значение. Да и тот факт, что организация соответствующих кабинетов, подготовка программ и планов, подбор кадров для двух новых кафедр проходили под грохот все более близкой канонады, в непосредственной близости от вооруженных полчищ злейшего врага славянства, придает этому акту особый, глубоко принципиальный смысл.

На каждом из факультетов были запланированы новые специальные курсы, самые наименования которых делают ясными поставленные перед ними задачи: история военного искусства, история Отечественной войны 1812 г. — на историческом факультете; военная география, военная топография — на географическом факультете; расширенный курс военной химии—на химическом факультете и т. д. С другой стороны, учебный план был подвергнут некоторым сокращениям, главным образом за счет второстепенных предметов; экономию времени предполагалось достигнуть также путем уплотнения рабочего дня, введения непрерывной рабочей недели.

Но еще более радикальные изменения претерпели планы научно-исследовательской работы университета, в первую очередь — ее тематика. Все темы, не имевшие в данный момент актуального значения, т. е. не могшие служить непосредственным интересам обороны, были отодвинуты на задний план и по возможности заменялись другими. Нужно иметь в виду, что тематический план Ленинградского университета на 1941 г. страдал весьма существенными недостатками. Выработанный задолго до начала Великой Отечественной войны, без достаточной связи с хозяйственными и военными организациями, он характеризовался значительным преобладанием теоретических проблем над чисто практическими, раздробленностью тем, среди которых комплексные, требовавшие коллективных усилий кафедр или институтов, были представлены незначительно; наконец, длительными сроками выполнения работ.

Многие научные работники университета с первых же дней войны прекращают, в порядке личной инициативы, свои плановые работы и переключаются на тематику оборонного и притом в ряде случаев практически-оборонного характера. Не дожидаясь перестройки всего научно-исследовательского плана, они стремятся через посредство университета установить связи с военными учреждениями, предприятиями оборонной промышленности, издательствами и другими организациями и выдвигают перед руководством университета все новые и новые предложения по оборонной тематике.

«Я могу дать больше! Свяжите меня с заинтересованными организациями. Идет драгоценное время, и я чувствую, что работаю не в полную силу. Мне просто стыдно».

С таким заявлением обратился в начале июля к ректору профессор коллоидной химии И. И. Жуков; с подобными претензиями шли к ректору и многие другие научные работники.

Одновременно с этим патриотическим движением и как бы в ответ на него вокруг ректора и проректора по научной части проф. Д. И. Дейнека организуется подлинный штаб научно-оборонной работы университета, ставивший своей задачей не только общее руководство, но и проведение конкретных мероприятий по реализации предложений научных работников ЛГУ. С начала июля 1941 г. в тесном контакте с учреждениями оборонного характера проводится ряд специальных совещаний; на них разрабатывается тематический план научно-исследовательских и других работ оборонного значения на период июль — декабрь 1941 г. В общем было снято с плана 186 тем, замененных 204 оборонными темами. Новый план был представлен Уполномоченному Государственного Комитета Обороны.

Отличительными чертами этого плана, помимо высокой

актуальности его тематики, являлись комплексный характер намеченных работ, консолидация научных специалистов вокруг определенных задач и вопросов, сжатые сроки исполнения и непрерывная связь с заинтересованными учреждениями и организациями. Круг исполнителей был значительно расширен путем включения не только всех научных работников, но в некоторых случаях и студентов старших курсов. Каждая тема, по крайней мере экспериментального характера, была поручена определенной группе научных работников, работавших под руководством крупного специалиста в данной области знания. Так, например, проф. Пигулевский возглавил бригаду из 5 химиков, которые должны были заняться изучением и получением стрептоцида; тема «Расчет таблиц стрельбы из минно-торпедных аппаратов» была поручена 8 физикам, руководимым доцентом Крыловым; вопрос о травматическом шоке — группе 12 физиологов, руководимых акад. Ухтомским, и т. д. Темы комплексного характера осуществлялись бригадами, составленными из представителей различных специальностей. Например, вопросы, связанчые с изучением ОВ, объединили вокруг себя химиков-органиков, химиков-аналитиков, химиков-коллоидников, физиков, гидробиологов и физиологов — всего 20 чел.; вопрос о пьезокристаллах разрабатывался кристаллографами (выращивание и изучение пьезокристаллов) и химиками (производство сегнетовой соли для цеха пьезокристаллов одного из оборонных заводов); вопрос о газовой гангрене и ее терапии был поручен сотрудникам лаборатории обмена веществ, биохимикам, микробиологам, гистологам и т. д.

В первые месяцы войны, когда условия лабораторной работы были еще относительно нормальными, когда газ, электричество, материалы поступали в нужном количестве, некоторые лаборатории действовали и днем и ночью. Вот что писал корреспондент многотиражки «Ленинградский университет» в августе 1941 г.: «Почти круглые сутки в лаборатории проф. С. Э. Фриша горят кварцевые лампы, мелькает электрическая искра или ослепительным пламенем светится вольтова дуга. Здесь производится имеющий большое применение спектроскопический анализ». В этой лаборатории было произведено немало важных анализов по заданиям оборонных предприятий и военных органов. Такую же кипучую деятельность развила лаборатория проф. И. И. Жукова. Сотрудники Химического института в течение иногда полутора-двух суток не покидали лаборатории, чтобы выполнить какое-нибудь срочное оборонное задание. Война дала толчок развитию изобретательской мысли в нашем университете.

Некоторые ученые, занимавшиеся раньше теоретическими вопросами, не только выступают с определенными изобретательскими предложениями, но уходят с головой в работу по

их реализации. Характерен пример молодого доцента кафедры земной коры А. П. Краева. Он выдвинул идею одного важного с военной точки зрения изобретения, явившегося практическим применением принципов, развитых в его докторской диссертации «Частотное зондирование слоистого массива». Немедленно вокруг него образовалась группа товарищей, помогавших ему в реализации изобретения.

Содержание этих работ наших экспериментальных факультетов будет освещено в другом месте, где пойдет речь об итогах научно-исследовательской деятельности университета за весь истекший период Отечественной войны. Здесь же достаточно отметить, что уже за первые два месяца были достигнуты удовлетворительные результаты, несмотря на то, что в середине июля ряд важных лабораторий с частью их сотрудников и ценной аппаратурой временно оказался выключенным из оборонной работы. Ввиду угрожающего военного положения Ленинграда, по решению вышестоящих органов, некоторые лаборатории математико-механического, физического, химического и биологического факультетов и институтов были 19 июля эвакуированы в глубокий тыл. Только 22 августа эти лаборатории и сопровождавший их штат, во главе с профессором членом-корреспондентом Академии наук Амбарцумианом, прибыли в место назначения — Елабугу, Татарской АССР, где возник таким образом филиал Ленинградского университета. Филиал разместился в большом здании Елабужского педагогического института, и с конца сентября, когда была закончена установка лабораторного оборудования и проведены все подготовительные работы, здесь закипела оборонная научно-исследовательская работа.

Гуманитарные факультеты имели свои оборонные задачи, естественно предполагавшие и особые методы их решения. Уже 1 июля при ректоре университета состоялось совещание деканов и заведующих кафедрами гуманитарных факультетов и были намечены основные линии, организационные принципы и содержание предстоящей работы. Между прочим, здесь было подчеркнуто, что в известных случаях, во избежание параллелизма и распыления сил, необходимо кооперировать оборонную деятельность работников университета с работниками родственных учреждений, особенно институтов Академии наук. Для каждой категории работников гуманитарных факультетов и для каждой специальности были намечены, а затем претворены в жизнь особые задачи, вытекавшие из военной обстановки. Об общем духе, которым было проникнуто это совещание, равно как и последовавшие за ним совещания экспериментальных факультетов, свидетельствуют следующие заключительные слова проф. А. А. Вознесенского: «Мне хотелось бы напомнить, что работы, кото-

рые мы можем дать, это те же снаряды по врагу, а иногда и более меткие, более острые; поэтому сроки исполнения должны быть минимальные, за счет напряжения сил. Все сейчас так работают, и мы не должны отставать от общего патриотического подъема».

В течение июля и августа филологи, литературоведы, историки, экономисты и философы университетских факультетов успели проделать значительную работу. Объединяя временами свои усилия для быстрейшего достижения цели, но еще чаще работая индивидуально, они готовили, редактировали, публиковали брошюры, сборники, журнальные и газетные статьи научного и пропагандистского характера, читали доклады и лекции на оборонные, политические, исторические и литературоведческие темы, выполняли для военных организаций срочные переводные работы и т. д. Всюду, где нужно было идейно вооружать и довооружать славных защитников Ленинграда, — в военных частях, госпиталях и школах, в тылу и на фронте, на суше и на воде, — можно было увидеть научных работников Ленинградского университета. Партийные организации города, Дом Красной Армии и Флота, Дом ученых, Областная секция научных работников и ряд других учреждений, организовавших и осуществлявших пропагандистскую и шефскую работу, нашли в университетском коллективе значительную часть нужных им людей. На страницах газет «Ленинградская правда», «Красная звезда», «На страже Родины» и др. появляются статьи профессоров и доцентов университета. Массовыми тиражами выходят написанные ими брошюры, посвященные героическому прошлому русского народа, разоблачению гитлеровских изуверов и их гнусных «теорий», патриотическим традициям русской художественной литературы и т. п. темам.

Между тем, для города Ленина наступали критические дни. Враг свирепо и нагло лез вперед, не считаясь с потерями. От гула все более близкой канонады дребезжали стекла на недавно еще тихих улицах Васильевского острова. Участились воздушные тревоги, в черте города упали первые фугасные бомбы. Наблюдателям с вышек виден был горизонт, окутанный багровым дымом отдаленных пожаров. От ленинградских вокзалов отходили на восток последние эшелоны с женщинами, стариками и детьми. Величественные памятники города, нарядные витрины магазинов одевались в ящики, заполненные песком, и над притихшими улицами весь день стоял стук топоров и молотков. На окраинах, в некоторых пунктах центральных районов заканчивались военные приготовления.

Город, суровый в своем новом боевом обличьи, но попрежнему прекрасный, готовил достойную встречу зарвавшемуся врагу.

В эти дни тревожного ожидания решающих событий, когда многих из нас волновала мысль о том, будет ли на ближайший период возможна и необходима научная и учебная работа в городе, ставшим фронтом, ректорат университета принял решение — начать новый учебный год 1 сентября.

Глава II

УНИВЕРСИТЕТ В УСЛОВИЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ

(сентябрь 1941 — февраль-март 1942 г.)

Для ленинградского населения начиналось как раз тогда время наиболее тяжелых испытаний. Десятки вражеских дивизий железным кольцом сомкнулись вокруг города, отрезав его почти полностью от остальной страны. 5 сентября начался беспорядочный артиллерийский обстрел городских районов. С 8 сентября к этому присоединилась бомбардировка жилых кварталов с воздуха, ставшая ежедневным явлением. Фугасные и зажигательные бомбы сбрасывались над объектами, не имевшими никакого военного значения, осколочные снаряды рвались на улицах, раня и убивая безоружных прохожих. Гитлеровские бандиты стремились сокрушить дух ленинградцев, вызвать панику, деморализовать и сломить их волю к сопротивлению, но добились прямо противоположных результатов. Безмерно возросли ненависть ленинградцев к подлому врагу, уверенность в правоте и конечном торжестве нашего дела, спокойная выдержка, готовность к любым жертвам во имя Родины.

Начало занятий в этих условиях было встречено всем коллективом университета с чувством глубокого удовлетворения. Многие профессора, даже не занятые по расписанию 1 сентября, явились в этот день в аудитории, чтобы собственными глазами убедиться в том, что любимый университет, не взирая ни на что, живет и действует. Оживленные группы студентов на лестницах, в коридорах, кабинетах и аудиториях, шумная толпа первокурсников перед витринами с расписанием; очереди за учебниками в библиотечных помещениях, пронзительные звонки, возвещающие начало лекций, — вся эта привычная обстановка университетских будней, возникшая после томительного перерыва в привычный день начала учебного года, была как бы демонстрацией моральной стойкости ленинградских универсантов, их гордым ответом на бомбы и на гнусные листовки врага.

Вряд ли нужно подчеркивать, что и организация учебных занятий, и поддержание их на традиционно высоком уровне были весьма нелегким делом. Трудовая повинность, осуще-

ствлявшаяся преподавателями и студентами большей частью далеко за чертой города, поставила перед университетом, особенно с началом учебных занятий, ряд сложных проблем. Важнейшая из них — сочетание продуктивной академической работы с систематической работой на рубежах — была решена таким образом, что вторые и четвертые курсы всех факультетов направлялись в полном составе на спецстроительство на недельный срок, в то время как первые и третьи курсы занимались по учебному плану в университете; затем обе группы менялись местами.

Таким образом, чередование оборонной и академической работы сделалось суровым законом университетской жизни, отраженным в расписании. Такое решение не обеспечивало, естественно, нормального выполнения всего учебного плана, но в условиях Ленинграда оно было наилучшим, послужившим образцом для других ленинградских вузов.

Для того чтобы обеспечить нормальный ход занятий, ректорат с 1 октября отменил свободное посещение лекций студентами. В обстановке войны свободное посещение, введенное в практику лишь незадолго до начала войны, не достигало цели. Более того, оно сильно затрудняло работу руководящих органов университета и нарушало ход учебного процесса, усиливая текучесть слушателей. Но восстановление обязательного посещения и соответствующего учета требовало, в специфических ленинградских условиях, известных коррективов. Многие студенты успели за летний период поступить на работу в госпитали, в учреждения и предприятия оборонного значения; отозвать их оттуда значило нарушить работу этих предприятий. Приходилось изыскивать способы, которые позволили бы таким студентам совместить дневную работу с обязательными университетскими занятиями. Такими способами являлось, например, дублирование некоторых дневных лекций в вечерние часы, удлинение рабочего времени в лабораториях и кабинетах, усиление консультаций, составление индивидуального графика занятий для студентов, работающих на стороне, и т. д. Затруднения возникли также в связи с недостатком материалов, необходимых для практических и лабораторных занятий, с резким сокращением обслуживающего персонала, с уменьшением числа аудиторий, ибо частью своих помещений университет должен был поступиться в интересах обороны (военные госпитали и пр.). Вряд ли возможно, да и нужно перечислять все эти большие и малые трудности, неизбежные в ленинградской обстановке осенью 1941 г.

Вскоре, однако, к ним присоединились гораздо более серьезные. С каждым днем сказывалось все более недостаточное питание. Лица преподавателей и студентов побледнели, осунулись. Особенно ухудшилось положение с наступле-

нием зимних холодов. Стали трамваи, прекратилась подача газа и электрического тока, сделалось невозможным, ввиду недостатка топлива, поддерживать в университетских корпусах центральную отопительную систему. В лабораториях приходилось вместо газовых и электрических установок обращаться к помощи примусов и керосинок. Некоторые экспериментальные факультеты вынуждены были сменить свои просторные помещения на маленькие комнатки с дровяным отоплением. Сами же студенты и преподаватели, нередко во главе с деканом, должны были по окончании занятий колоть дрова, растапливать печи. В довершение всего с конца декабря перестала действовать водопроводная сеть, замерзла канализация.

При всем том ритм учебной жизни, протекавшей в столь тяжелой обстановке, не нарушался в сущности ни на один день. В предутренней тьме, озаряемой вспышками орудийных выстрелов, пробираясь через глубокие сугробы неубранного снега, спешили профессора и студенты со всех концов города к зданиям университета. В положенные часы, по звонку, в аудитории собирались поредевшие группы студентов, входил профессор, начиналась лекция. По сигналу воздушной тревоги с места срывались только дежурные МПВО. Ухо настолько свыклось с шумной работой тяжелых зениток, с раскатистым гулом отдаленных фугасных разрывов, с дребезжанием стекол, что и лектор, и его слушатели продолжали свое дело, как ни в чем не бывало.

Нарушение занятий происходило только в исключительных случаях. Университет, конечно, был так же мало гарантирован от случайностей артиллерийских и воздушных налетов, как и любые другие здания города. Уже в ночь на 11 сентября двадцать зажигательных бомб упало на территорию университета. Университетские команды МПВО, получившие в эту ночь первое боевое крещение, быстро справились со своим делом: все бомбы были обезврежены. Дежурным в эту ночь — служащей П. Ф. Котловой, лаборанту Тараканову, ряду студентов-пожарных филологического факультета — была за отличную работу выражена благодарность в приказе ректора. В ночь на 8 октября на здание химического факультета упала зажигательная бомба весом в 100 *кг*, пробила крышу, потолок 4-го этажа и упала на пол в лаборатории физиологии растений. Возник пожар, некоторые бойцы факультетской команды МПВО получили ожоги, но это не помешало им повести энергичную борьбу с огнем. Пожар был быстро потушен. В эту ночь отличились и. о. декана факультета проф. А. С. Броун, ассистент Роднянский и др. В ночь на 18 октября новые десятки зажигательных бомб, сброшенных над университетом и соседним зданием Юридического института, были быстро ликвидированы дежур-

ными МПВО, ассистентками Скрынниковой, Шиловой и др., проявившими мужество, хладнокровие, умение энергично действовать. В книге ректорских приказов в период осады отмечены благодарностью имена десятков служащих, преподавателей, аспирантов и студентов, отличившихся в наиболее критические моменты.

Далеко не везде дело ограничивалось незначительными повреждениями. В декабре фугасная бомба замедленного действия, разорвавшаяся в помещении университетской столовой, совершенно его разрушила. Своевременно принятыми мерами число людских жертв было сведено к минимуму. Большое несчастье причинила тяжелая фугасная бомба, попавшая 25 ноября в многоэтажное университетское здание на 5-й линии Васильевского острова. Здесь находилось, между прочим, и студенческое общежитие, где число жертв было особенно велико. Сверх того, в убежище под обломками здания оказались заживо погребенные женщины и дети. Пришлось мобилизовать весь наличный состав студентов, прервать занятия, для того чтобы организовать спасательные работы. Одну студентку, которую в течение двух суток не удавалось вытащить, нужно было снабжать пищей через специально проделанное отверстие. Для характеристики морального состояния студенчества не лишен интереса следующий штрих: эта студентка через 48 часов после того, как ее, полуживую, вытащили из-под обломков, явилась сдавать свой очередной зачет. В фактах этого рода не видели в то время ничего особенного, они принимались как нечто само собою разумеющееся. И это — понятно! Каждый новый день в осажденном, голодающем и замерзающем Ленинграде приносил столько примеров еще более замечательной выдержки и подлинного героизма, что маленькие подвиги, вроде только что изложенного, даже не привлекали внимания.

Вот несколько штрихов, иллюстрирующих подвиг повседневного существования и работы в Ленинграде в суровые зимние месяцы 1941/42 г.

После нередко бессонной ночи, проведенной на сторожевом или наблюдательном посту, неизбежное путешествие за водой к Неве или Невке, где, по правдивому рассказу поэта (Вера Инбер, «Пулковский меридиан»),

Стоят, обмерзшие до синевы,
Обмениваясь шуткой невеселой,
Что уж на что, мол, невская вода,
А и за нею очередь...

Затем кратковременное наслаждение скудным теплом коекак затопленной времянки и еще более скудным завтраком, который не насытил бы и новорожденного. Надев на себя

все самое теплое, что имеется под руками, вы отправляетесь на работу через кажущуюся бесконечной даль заснеженных проспектов и площадей. Придя к цели, вы иногда застаете самую неуютную картину. За ночь все стекла в вашем рабочем месте выбиты воздушной волной от упавшей вблизи бомбы; по всему помещению свободно гуляет свежий ветер, сорвавшийся с просторов Балтики или соседней Невы. Если вы профессор или студент, вы читаете лекцию или слушаете ее в калошах и шубе с поднятым воротником. Писать вы можете только в рукавицах и только карандашом, потому что чернила замерзли. Часто вас еще ждет срочная работа в насквозь промерзшей лаборатории или библиотеке, лекция в госпитале или другие обязанности, которые нужно выполнить во что бы то ни стало, не поддаваясь ни холоду, ни ощущению физической слабости, ни страху перед артиллерийским налетом, внезапно настигающим вас в непроницаемой зимней тьме ленинградских улиц.

Вот для завершения картины еще несколько поэтических строчек:

Студент... Огонь он только что раздул.
Старательно распиленный на чурки,
Бросает он в него последний стул,
А сам перед игрушечной печуркой
На корточках (пусть пламя припечет)
Готовит он очередной зачет.

Старик профессор... В клетчатом платке
Поверх академической ермолки,
Насквозь промерзший, с муфтой на шнурке,
С кастрюльками в клеенчатой кошолке.
Ему бомбежка путь пересечет,
Но примет у студента он зачет...

(Вера Инбер, „Пулковский меридиан")

Даже в ректорских приказах этого периода, по вполне понятным причинам очень сдержанно и редко упоминающих о трудностях существования, мы находим следующие волнующие строки: «Работники ЛГУ, — читаем мы в приказе № 30 от 6 февраля, — как и все трудящиеся Ленинграда, мужественно и стойко переносят тяжелые условия войны, города-фронта... Коллектив профессоров и преподавателей, студенчество, рабочие и служащие, не взирая на недостаток питания, холод и другие невзгоды, стойко выполняют свою работу». Только отдельные единицы позволяют себе, отмечается далее в приказе, нарушать трудовую дисциплину, за что они и получают суровый выговор.

Этот приказ, подписанный в начале февраля, на шестом месяце ленинградской блокады, сам по себе достаточно пока-

зателен для обстановки, в которой протекала работа университета.

Самым тягостным в этой обстановке был недостаток питания. «Пустой» дрожжевой суп и 125, в лучшем случае 250 *г* хлеба составляли обычный дневной рацион ленинградца. Дистрофия — слово, известное ранее главным образом специалистам, обозначающее тяжелую болезнь, вызванную белковым голоданием организма,—теперь было у всех на устах. И хотя наиболее заслуженные научные работники были поставлены в более благоприятные условия, чем сотни тысяч других ленинградцев, но все же многие из них, наиболее слабые, наименее выносливые, не пожелавшие или не успевшие по каким-либо причинам эвакуироваться, сваливались с ног, заболевали, умирали. Жестокие морозы, дистрофия, почти непрерывные варварские обстрелы города вражеской артиллерией, частые бомбардировки города немецкой авиацией, всевозможного рода лишения и трудности, о которых никто не мог себе даже представить в мирных условиях, вырывали из рядов профессуры, студенчества и работников Университета десятки жизней. С горестью приходится констатировать, что в блокадную зиму 1941—1942 гг. университет лишился таким образом десятков ценных работников, среди которых были первоклассные ученые. В декабрьских, январских и февральских приказах ректора особенно часто встречается зловещая формула: «Отчислить из университета за смертью».

Заслуживает внимания одна деталь, воспоминание о которой смягчает горечь утрат, — это непоколебимая привязанность к родному университету, которая заставляла многих уже обреченных людей, превозмогая слабость, плестись к знакомому зданию на Неве, где они проводили последние дни и часы, окруженные заботой товарищей. Санитарная комната филологического факультета, она же «профессорская», в январе — феврале была таким последним приютом для одиноких преподавателей факультета, почувствовавших близость конца.

Но как бы значительны ни были понесенные потери, несравненно большее число ослабевших, заболевших дистрофией ректорату и общественным организациям университета удалось все же вырвать из когтей смерти. Одни были помещены в полусанаторную обстановку бывшей гостиницы «Астория», где они могли получить усиленное питание и постоянный врачебный уход; других спасло пребывание в организованном при университете специальном стационаре для дистрофиков. Многих университет спас просто тем, что приютил их с семьями в своих зданиях, освободив их от необходимости преодолевать пешком непосильные для них расстояния. С января 1942 г. по ходатайству ректора руководящие городские организации выделяют из скудных запасов, кото-

рыми еще располагал Ленинград, некоторое количество ценных продуктов для дополнительного снабжения наиболее квалифицированных научных работников. Это снабжение помогло сохранить немало жизней, сохранить в общем основной костяк ученых Ленинградского университета.

В отдельных случаях ректорат шел и на эвакуацию некоторых профессоров, если их отъезд заметно не нарушал учебной и научной работы университета. Эвакуация производилась с помощью самолетов, и в конце 1941 г. много десятков университетских работников было таким путем вывезено из Ленинграда. Но основная масса не хотела даже временно отрываться от университета, без которого многие не могли представить себе существования. Университет должен был выполнять долг в своем городе. Отсюда основная линия по вопросу об эвакуации, которую, в полном согласии с общественными организациями и ведущими кадрами научных работников, проводил ректорат: не допускать распыления сил, что явилось бы неизбежным следствием бессистемной индивидуальной эвакуации, сохранить университет как цельный и непрерывно действующий организм. Эта задача, принципиальная значимость которой не нуждается в разъяснении, несмотря на непреодолимые, казалось бы, трудности, была решена. До февраля-марта 1942 г., когда явилась возможность вывезти весь университет, ни на один день не прекращалась ни его учебная, ни научная деятельность.

Мы уже видели обстановку, в которой она протекала. Каковы же были ее итоги?

Что касается учебной работы, то ее результаты определяются зачетами и экзаменами. Зимняя сессия в январе-феврале прошла успешно. 75% всех экзаменов были сданы с оценкой «отлично», 20% с оценкой «хорошо» и только 5% — с оценкой «удовлетворительно». Эти результаты свидетельствуют, между прочим, и о том, что студенты рассматривали тщательную подготовку к экзаменам как боевое задание, как выполнение своего патриотического долга. Вопреки ожиданиям кое-каких скептиков, уровень знаний не снизился пропорционально снижению температуры. Скорее наоборот: чем труднее было работать, тем упрямее, покрепче затянув пояс на отощавших животах, вгрызались студенты в свои учебники и литературу. Число этих студентов, правда, уменьшилось в несколько раз, зато это были испытанные, закаленные кадры, на которые университет мог смотреть с законной гордостью.

Для профессорско-преподавательского состава своеобразным экзаменом была его повседневная научная, пропагандистская и организационная работа осенью-зимою 1941/42 г.

Блокада Ленинграда со всеми ее последствиями не прекратила ни одного из видов или форм этой работы.

Попрежнему собирался в белом Петровском зале главного здания учебный совет университета, хотя с ноября там царил нестерпимый холод. 21 ноября совет отметил торжественным заседанием 50-летие сдачи В. И. Лениным государственных экзаменов в Петербургском университете. На этом заседании был заслушан доклад проф. А. А. Вознесенского «Ленин и защита социалистического отечества», повторенный 28 ноября на многолюдном общеуниверситетском собрании в актовом зале. На последнее явились и представители городских партийных и советских организаций. Здесь была развернута и выставка в связи с юбилейной датой. Зал был убран цветами и, в результате больших усилий хозяйственников, даже жарко натоплен, так что присутство-

Количество защищенных в 1941 г. диссертаций

Докторских		Всего	Кандидатских			Всего
сотр. ЛГУ	постор.		сотр. ЛГУ	аспир.	постор.	
С 1 января 1941 г. до начала войны						
7	4	11	9	47	30	86
С начала войны до конца 1941 г.						
7	3	10	7	35	4	46

вавшим казалось, будто они чудом перенесены в обстановку мирного времени. Помимо докладов А. А. Вознесенского и директора библиотеки ЛГУ Карели, были и выступления отдельных профессоров; наиболее врезалась в память слушателей пламенная патриотическая речь акад. А. А. Ухтомского. В январе ученый совет занимался вопросом о Сталинских премиях за ученые труды на 1942 г. Для рассмотрения работ, представленных факультетами, была выделена 30 января специальная комиссия, состоявшая из видных представителей различных отраслей знания.

Попрежнему регулярно заседали ученые советы факультетов; их состав был в ноябре пересмотрен и пополнен, взамен выбывших, рядом новых членов. Факультетские советы занимались в рассматриваемый период главным образом обсуждением диссертационных работ; необходимо отметить, что война и осада не оказали на число поступавших диссертаций (ни, тем более, на качество их) сколько-нибудь существенного влияния, как видно из следующей таблицы:

Сокращение числа защищенных кандидатских диссертаций во второй половине года произошло, таким образом, за счет «посторонних», что само по себе вполне понятно.

Даже в феврале 1942 г., наиболее тяжелом для университета месяце, было защищено несколько докторских и кандидатских диссертаций, среди которых должны быть отмечены работы оборонного характера, непосредственно связанные по своей тематике и материалам с интересами Ленинградского фронта. Такова, например, кандидатская диссертация Я. Х. Иоселева на тему «Гидрометеорологическое обеспечение наземных войск Ленинградского фронта в период октябрь — декабрь 1941 г.».

Конечно, обстановка, в которой происходила защита диссертаций, даже самым отдаленным образом не напоминала обычной картины заседания ученого совета. Ни стола, накрытого красным сукном, за которым в обычное время восседают члены совета и официальные оппоненты, ни кафедры для диссертанта, ни многочисленной публики, награждающей его по окончании защиты шумными аплодисментами, — ничего этого не было. Вот как в действительности происходила защита, например, на историческом факультете в январе 1942 г. Ученый совет заседал, ввиду происходившего очередного налета, в подвальном помещении факультетского здания, где единственным источником света была древняя лучина, вновь получившая право гражданства. Члены совета, диссертант и его оппоненты сгрудились вокруг железной печурки, так как на расстоянии двух-трех шагов от нее температура была на несколько градусов ниже нуля. Пар клубами выходил из уст оратора, выступавшего в полушубке и валенках. Баллотировочным ящиком служила шапка одного из участников заседания. Все это, однако, не мешало прениям развернуться во всей форме и не внесло в установленную процедуру присуждения ученой степени ни малейшего изменения.

Или заседание на филологическом факультете в конце декабря 1941 г. Оно происходило в «профессорской», единственной комнатушке на всем факультете, где температура еще держалась около нуля. При свете огарка, принесенного с собою деканом факультета, проходят одна за другой две защиты. Диссертанты, молодые ученые Саванович и Корсаков, защищали свои работы блестяще, с огоньком, хотя физические силы их уже покидали и им обоим суждено было умереть через несколько дней после этого заседания, равно как и одному из их оппонентов.

В столь же необычной обстановке протекала и вся научно-исследовательская работа факультетов, служившая безраздельно интересам фронта, интересам ленинградской обороны. Организация этой работы на экспериментальных фа-

культетах получила со времени блокады дальнейшее развитие.

Так, на химическом факультете, по инициативе ВВС Ленинградского военного округа, была создана «Постоянная комиссия» под председательством декана факультета акад. А. А. Байкова, к работе в которой были привлечены и лица, не принадлежавшие к составу факультета. В задачи комиссии входили исследование трофейных материалов, консультация и другие виды помощи по вопросам производства вооружения, боеприпасов и т. д., возникавшим в отделе ВВС Ленинградского военного округа. Комиссия собиралась два раза в неделю для обсуждения новых предложений, для направления производимой работы, для проверки выполнения. Вообще по вопросам, не требовавшим лабораторных исследований, обсуждения проводились на заседаниях, и заключение комиссии сообщалось немедленно заинтересованной военной организации. В противном случае составлялся план работы, а выполнение его поручалось тому или иному институту или кафедре университета.

Для массового изготовления веществ и материалов, методика производства которых была разработана или освоена кафедрами, факультетами или институтами на базе лабораторий химического факультета и стеклодувной университетской мастерской, с 1 октября была организована специальная мастерская, выполнявшая заказы фронта, оборонных промышленных предприятий, военных организаций, органов милиции, МПВО, санитарного управления и т. д. В мастерской работало около 100 чел., не только профессоров и преподавателей, но и студентов. Вот неполный перечень объектов производства этой мастерской и нескольких связанных с ней лабораторий в октябре—декабре 1942 г.: хризоформ (средство против ожогов), стрептоцид, амид натрия (необходим для изготовления сульфидина), новокаин, перекись цинка, каротин, состав горючей смеси для противотанковых бутылок, массовое производство нового состава бесспичечного запала для противотанковых бутылок; новый состав замедленного воспламенения («диверсионные пробирки» для партизанских отрядов), реактивы для получения люминофора, сегнетовая соль, специальный прибор для действующей армии, прибор для разрядки бомб замедленного действия, реометры разных типов, лампа для подсвечивания фосфоресцирующих световых указателей, инвентарь для ПВО, изготовлявшийся сериями по 30 штук, прибор для осмотра подводных сооружений, сфагновый мох (перевязочное средство, его собрано, обработано и сдано в готовом виде Петергофским биологическим институтом ЛГУ 3,5 тонны) и мн. др.

Ряд практических задач оборонного значения выполнен, сверх того, бригадами научных работников университета,

образованными в первые же дни войны. Так, на химическом факультете группа работников, под руководством проф. Броуна, разработала методы индикации ОВ и дегазации ОВ; группа, руководимая проф. И. И. Жуковым, приготовила новые вещества для пропитки тканей против стойких ОВ, выполнила по заданиям рзличных учреждений и предприятий ряд специальных работ, таких, как приготовление эластических смазок, анализы стали, меди, секретных сплавов, исследование протекторов, применяемых противником для баков самолета, употребляемого им же бензина и т. д. На физическом факультете, под руководством акад. Фок, сделаны расчеты таблиц для стрельбы из мино-торпедных аппаратов, таблиц для стрельбы по движущимся целям и кораблям, определенно угловое сопротивление снаряда. Группой под руководством профессоров Фриш и Чулановского разработаны методы применения спектрального анализа при изучении стойких ОВ, изготовлен дифферентометр для подводных лодок. На математико-механическом факультете проведено исследование пневматических и вакуумных сервомеханизмов, исследование моделей на динамическую устойчивость, выполнены специальные работы по заданиям Военно-транспортной академии, Инженерного управления ЛВО и др. На биологическом факультете изучены проблемы травматического шока, его профилактика и лечение (группы акад. Ухтомского), проблемы обмена веществ при газовой гангрене (группа проф. Владимирова и проф. Блохина), разработаны мероприятия против летнего выплода мух (проф. Шванвич) и по борьбе с вшивостью (проф. Догель и Шванвич). На геолого-почвенном факультете разработан способ ускоренного выращивания пьезокристаллов, необходимых для радиотехники (лаборатория проф. Аншелес), изучены методы укрепления грунтовых оснований и покрытий (доцент Буц), методы осушения площадок под аэродромы Ленинградского фронта (проф. Кузнецов). На географическом факультете бригада научных работников, по заданию Облплана, подготовила десятки описаний физико-географических особенностей районов Ленинградской области, был составлен метеорологический обзор по Саблинской станции за 1935—1940 гг., важный для авиации; выполнен ряд картографических работ.

Гуманитарные факультеты — историчесский, филологический, экономический, философский — внесли свою долю в напряженную оборонную работу университета. Только за период пребывания в осажденном Ленинграде историки, отчасти филологи и экономисты опубликовали в издательстве университета и других ленинградских издательствах около 50 брошюр, посвященных славному героическому прошлому русского народа и других народов Советского Союза, их борьбе с захватчиками, выдающимся полководцам, разоблачению

лживых фашистских теорий, гитлеровской демагогии и т. п. В самое тяжелое для Ленинграда время эти брошюры, выходившие многотысячными тиражами, продавались в магазинах, киосках, со столиков, вынесенных прямо на улицы и всегда окруженных толпой любителей книги; в больших количествах они шли и на фронт. Таким же патриотическим, оборонным темам были посвящены и десятки журнальных и газетных статей профессоров и преподавателей университета, их выступления по радио, их лекции и доклады. Следует отметить напряженную пропагандистскую работу профессоров исторического факультета Мавродина, Молока, Корнатовского, Вайнштейна, Полетика, Гуковского, биолога проф. Немилова, экономистов профессоров Розенфельда и Рейхардта, преподавателей кафедры основ марксизма-ленинизма Юраго, Евчук и др.

Общее число пропагандистов, выделенных университетом, достигло 200, а число прочитанных ими лекций — 1800.

Политико-пропагандистская работа проводилась научными работниками гуманитарных факультетов не только в самом Ленинграде, в госпиталях и военных школах, на боевых кораблях Краснознаменного Балтийского Флота, стоявших на Неве и в Кронштадте, но и на линии фронта, в блиндажах передовых позиций. Бывали случаи, когда наши лектора, выезжая на фронт, попадали в самую гущу боевых операций. Доцент Овсянкин по окончании своей очередной лекции на передовых позициях принял участие в контратаке одной нашей части против наступавшего врага.

Говоря о работе наших гуманитарных факультетов для нужд обороны, следует отметить и ту существенную помощь Красной Армии, которую оказывали наши филологи и, особенно, преподаватели иностранных языков в качестве переводчиков, составителей словарей военной терминологии и т. п.

Отдаваясь всей этой многосторонней деятельности, охарактеризованной здесь только несколькими штрихами, научный коллектив Ленинградского университета в то же время жил напряженной политической жизнью, откликаясь на важнейшие события дня, на каждое выступление нашего вождя и главы правительства товарища Сталина. Не ограничиваясь принятием на себя шефства над четырьмя госпиталями, над отдельными частями Красной Армии, не довольствуясь организацией ухода за ранеными, разнообразными видами обслуживания славных защитников Родины, отправкой на фронт посылок с медикаментами, хирургическими инструментами и т. п., университет неоднократно обращался с пламенными патриотическими письмами и воззваниями к бойцам на фронте, среди которых было немало его питомцев.

«Мы, работники Ленинградского государственного университета, — говорится в одном из таких обращений, — уве-

рены в бессмертии русского народа, убеждены в бессмертии тех форм, которые он построил, верим в бессмертие созданной народом культуры... Имея счастье работать в старейшем русском университете, который был и остается одним из очагов русской культуры, мы чувствуем настоятельную потребность в эти грозные дни обратиться к бойцам Красной Армии и Народного ополчения, самоотверженно защищающим подступы к нашему городу».

В этом воззвании, которое слушали и читали тысячи фронтовиков в дни ожесточенных октябрьских боев на подступах к городу, работники университета перечисляли все, что они делали и делают для нужд фронта. «Товарищи, — писали они, — знайте, что все мы, от мала до велика, и семидесятилетние старики, и семнадцатилетние юноши и девушки, только что приобщившиеся к нашей среде, полны беззаветного преклонения перед вашим героизмом, перед тем высоким подвигом любви и гуманности, который вы совершаете. Знайте, что и мы, не покладая рук, работаем во имя скорейшей победы над врагом».

Те же мотивы звучат и в устном выступлении ректора университета по радио. Обращаясь ко всем ленинградцам, ректор осветил всю разностороннюю работу университета в дни войны: «Для советского ученого, — говорил он, — нет ничего дороже и священнее свободы Родины, ее независимости, ее чести».

В одном из более поздних обращений к бойцам Красной Армии указывалось на то, что «лучших своих людей университет дал Армии и Флоту», из них немало уже «отдало свою жизнь в борьбе за наше великое и правое дело». «В своих многочисленных письмах с фронта,—читаем мы далее в этом документе, — воспитанники и сотрудники университета, дают клятву высоко держать честь и знамя университета, биться мужественно с ненавистным врагом. Все они выражают свою любовь к родному университету, радость по поводу того, что он живет полнокровной жизнью». В своем письме тяжело раненый студент географического факультета Владимир Новицкий пишет: «Дорогие друзья! Мне после ранения пришла в голову мысль взорвать себя; это было легче всего и проще всего, но, вспомнив университет, вас, дорогие, я решил этого не делать... Привет вам и любовь, дорогие географы».

Но подобными письменными обращениями дело не ограничивалось. Тесная связь университета с Армией выражалась еще и в том, что университет и фронт обменивались друг с другом делегациями. Беседы наших делегатов с бойцами на фронте укрепляли мужество последних, а выступления фронтовиков в университете вдохновляли работников его на продолжение интенсивной работы в помощь фронту.

Делегации от фронтовых частей, выступавшие на собраниях профессоров и студентов университета, нередко ставили пред последними определенные конкретные задачи, указывали, каких именно видов помощи ждут бойцы от Ленинградского университета, от его ученых и от его общественных организаций. Подобное общение было, таким образом, не только весьма полезно для дела, но и — что особенно важно — давало обеим сторонам высокую моральную поддержку.

В самые грозные дни для нашей Родины, когда враг находился на подступах к столице Советского Союза — Москве, коллектив Ленинградского университета обратился с горячим приветом к своим братьям — профессорско-преподавательскому составу, студентам, рабочим и служащим Московского ордена Ленина государственного университета. Кратко перечислив достижения Ленинградского университета в деле помощи фронту, виднейшие ученые, подписавшие это обращение, писали:

«С чувством глубокого удовлетворения наш университет узнал, что и Московский университет в аналогичных условиях мужественно выполняет свой долг перед Родиной и плодотворно сочетает оборонную работу с не прекращающейся научной деятельностью и учебными занятиями».

В заключение выражена была твердая уверенность в том, что оба университета будут «с еще бóльшим энтузиазмом и патриотическим подъемом работать на ускорение разгрома врага, на процветание советской науки и культуры, на благо нашей великой и любимой советской отчизны».

Находясь в центре событий, привлекших внимание всего мира, в осажденном Ленинграде, где бесценные памятники культуры подвергались варварскому разрушению от фашистских снарядов и бомб, университет получал слова привета и моральной поддержки от зарубежных друзей советской науки, от Оксфордского университета, от Викторианского университета в Веллингтоне (Новая Зеландия). Вот что телеграфировали студенты из Веллингтона в сентябре 1941 г.:

«Ленинград. Университету. Из Веллингтона. Новозеландские студенты приветствуют Ленинград, выражают величайшую веру в Сталина и в славную Красную Армию, защищающую цивилизацию от фашистского варварства».

Им был послан следующий ответ:

«Студенты и профессора Ленинградского университета выражают глубокую признательность за чувства братской солидарности. Помогаем всеми нашими силами любимой Красной Армии. Непоколебимо убеждены в торжестве нашего правого дела, в близкой победе прогрессивных сил человечества над кровавым фашизмом».

Таковы наиболее существенные моменты из истории университета в период осады. В самые тяжелые дни и месяцы

не ослабевало полнокровное биение пульса университетской жизни, не прекращалась научная, учебная и общественно-политическая работа, умело направляемая энергичным и инициативным руководством университета, при активном содействии его партийных, комсомольских и профессиональных организаций.

Всю эту работу, естественно, не удалось бы организовать без поддержки со стороны высших партийных и советских органов Ленинграда. Руководитель ленинградских большевиков А. А. Жданов, несмотря на свою занятость, уделял внимание нуждам Ленинградского университета. Очень многим университетский коллектив обязан председателю Ленисполкома П. С. Попкову и секретарю горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову, которые чутко относились ко всем нуждам и запросам университета.

При всем том поддержание нормальной жизни университета требовало от всего коллектива полного напряжения физических и моральных сил, требовало — в условиях, когда фронт стал неотъемлемой составной частью нашего быта, — и значительных жертв. Но зато никогда еще работа, дававшая непосредственные и осязаемые результаты, не вызвала такого чувства удовлетворения, как в эти незабываемые осенние-зимние месяцы 1941/42 г. Вот почему, оглядываясь назад, мы видим в этом периоде одну из самых славных страниц всей 125-летней истории Петербургско-Ленинградского государственного университета.

* * *

Однако поддерживать работу поредевшего университетского коллектива на прежнем высоком уровне становилось с каждым днем все более трудным. К тому же деятельность университета в обстановке города-фронта неизбежно направлялась на удовлетворение ежедневно возникающих потребностей, так что планомерная научная работа, имевшая в виду более широкие перспективы и запросы военного, хозяйственного и культурного значения, оттеснялась на второй план. В феврале 1942 г. вышестоящими органами было поэтому принято решение эвакуировать университет в Саратов. К этому времени уже не существовало и технических препятствий к эвакуации многолюдного университетского коллектива. Проложенная по льду Ладожского озера широкая автострада, которую ленинградцы назвали «Дорогой жизни», связала блокированный город с «Большой землей», с недосягаемыми для артиллерии немецко-фашистских захватчиков железнодорожными магистралями. По этой дороге не только устремляется теперь поток машин, груженых продовольствием для осажденного Ленинграда, но и встречный поток эвакуируемых в глубокий тыл людей. В конце февраля

среди этих людей оказалась и первая партия студентов, служащих и преподавателей университета.

Эвакуация было во многих отношениях сложной и для части членов университетского коллектива достаточно мучительной операцией. Об этом свидетельствуют, во-первых, некоторые даты: 22 февраля эвакуируемые первой очереди прибыли со своими семьями и грузами на вокзал, но только 24-го оказалась возможной посадка в вагоны, и только 26-го университетский эшелон тронулся в путь. Первым промежуточным пунктом была станция Ладожская на берегу одноименного озера, где производилась посадка в машины. Затем путешествие по льду озера, в жестокий мороз и пургу, новая пересадка, поезд на станции Лаврово и, наконец, прибытие 11 марта в Саратов.

Во-вторых, некоторые факты. Среди уезжавших было немало слабых, физически истощенных, больных людей. Несмотря на исключительную заботу, которой они были окружены на протяжении всего этого долгого пути, не все доехали благополучно: одних пришлось снять с поезда в дороге, других поместить в больницы немедленно по прибытии в Саратов. В отдельных случаях ни санаторная обстановка, ни врачебная помощь уже не могли спасти людей, и коллектив университета понес новые потери.

Примерно то же можно сказать и о втором и третьем эшелонах, выехавших из Ленинграда 28 февраля и 2 марта.

Итак, университет, в первый раз за всю свою долгую историю, временно расстался с родным городом. На месте были оставлены только немногочисленные кадры служащих и научных работников, которым была поручена охрана зданий, кабинетов, лабораторий, архива и библиотек. Начался новый—саратовский—период жизни Ленинградского университета.

Глава III

В САРАТОВЕ

На пути в Саратов и в течение всего времени пребывания в этом городе коллектив Ленинградского университета чувствовал исключительное внимание со стороны правительства. Это сказывалось, прежде всего, в удовлетворении нужд и запросов университета, связанных с его работой в новом месте и с материальным обеспечением профессорско-преподавательского состава и студентов. В самое тяжелое для страны время, когда волны вражеского нашествия докатились до Волги и предгорьев Кавказа, Ленин-

градскому университету предоставлялись из централизованных фондов различные дотации в виде продовольствия, одежды, мануфактуры, топлива, бумаги и пр. В период, когда временная оккупация Донбасса немецко-фашистскими захватчиками сузила топливные ресурсы даже военной промышленности, когда каждый вагон и каждая автомашина были на счету, в адрес университета, по распоряжению центральных органов, были отгружены сотни тонн угля. Учитывая состояние здоровья эвакуированных ленинградских профессоров и студентов, Наркомпрос ассигновал университету на 1942 г. крупную сумму специально для лечебных целей.

Но этим дело не ограничивалось. Ленинградскому университету и в ряде других случаев оказывались органами правительства существенные знаки внимания, доверия и высокой оценки его роли, как одного из важнейших рассадников высшего образования и центров научной мысли в нашей стране. Так, например, при установлении контрольных цифр нового приема в аспирантуру на 1941/42 и на 1942/43 гг., для Ленинградского университета были намечены более значительные контингенты, чем для любого другого вуза (исключая МГУ). Подобно Московскому, Ленинградский университет был приравнен к вузам оборонного значения со всеми вытекающими отсюда последствиями (повышенные стипендии для студентов и аспирантов и т. д.). Подобно Московскому, Ленинградский университет был выделен из ряда других университетов СССР и в отношении нового университетского устава. Подлинным праздником для всего университетского коллектива было избрание осенью 1943 г. тринадцати его членов в действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР. Это — высшая честь, какой только может добиться научный коллектив, — выделить из своей среды за один год столь большое число своих работников в авторитетнейшее научное учреждение страны.

Советские и партийные органы Саратова, со своей стороны, сделали — особенно в первые дни и месяцы — очень многое для того, чтобы облегчить ленинградцам приспособление к новой для них обстановке. Саратовские руководящие работники приняли ленинградцев весьма радушно.

В относительно безболезненном разрешении нелегкого вопроса о совместном пребывании и работе двух университетов под одной кровлей весьма положительную роль сыграло то обстоятельство, что ректор Ленинградского университета проф. Вознесенский был назначен, в порядке совместительства, и ректором Саратовского университета.

В этой связи нужно отдать должное неутомимой энергии и организаторским данным А. А. Вознесенского, который, не ограничиваясь общим руководством научной и учебной работой, входил во все даже мельчайшие детали жизни универ-

ситета, являлся подлинным spiritus movens как в жизни университета в тягчайшие военные месяцы в Ленинграде, так и в деле переезда и устройства университетского коллектива в Саратове и в организации всей последующей его деятельности. На первом же заседании ученого совета в Саратове (13 апреля 1942 г.) было единогласно постановлено «выразить особую благодарность ректору университета проф. А. А. Вознесенскому, неустанная горячая забота которого об университете и его кадрах содействовала успешному проведению переезда университета и созданию условий для его плодотворной работы».

По решению ректората занятия в университете возобновились с 1 апреля, т. е. всего через десять дней после прибытия в Саратов третьего и последнего эшелона. Это, на первый взгляд второстепенное, обстоятельство имело в действительности большое значение. Учебный 1941/42 год не был потерян, и в июле состоялся очередной выпуск специалистов, в которых так нуждается наша страна (выпуск в количественном выражении, правда, весьма скромный — от 10 до 20 чел. на каждом из 10 факультетов, вместо прежних сотен).

Немаловажным следствием кратковременности перерыва в занятиях было также то, что и преподаватели, и студенты, хотя и выбитые из привычных условий существования, еще не утратили ленинградских темпов работы. Для многих членов университетского коллектива, переживших в Ленинграде чувствительные утраты и испытавших даже известное психическое потрясение, возможность сразу окунуться в деловую атмосферу, снова приобщиться к великой борьбе советского народа за свою честь и существование явилась величайшим благом, все значение которого было осознано лишь впоследствии.

В итоге учебной работы университета в первые месяцы пребывания его в Саратове (апрель—июль 1942 г.) только 12% всех эвакуированных студентов потеряли 1941/42 учебный год. Эти результаты, учитывая особенности работы университета, следует признать вполне удовлетворительными.

Осуществляя постановление СНК СССР о восстановлении пятилетнего срока обучения в вузах, университет, готовясь к новому учебному году, провел большую работу по пересмотру и уточнению своих пятилетних учебных планов, утвержденных ВКВШ в 1939 г. Заново пересмотрены были также программы, с целью еще более приблизить их к требованиям военного времени. В результате учебные планы обогатились новыми дисциплинами, сближающими теоретическую подготовку специалиста с задачами его практической деятельности, а в программы курсов были введены значительные дополнения, важные в народнохозяйственном, военном или

политическом отношениях. Что при этом интересы теоретической подготовки студентов не пострадали, видно, между прочим, из того, что в учебные планы всех факультетов были включены новые для них курсы философии и логики.

Для укрепления трудовой дисциплины и усиления воспитательной работы среди студентов ректорат разработал ряд мероприятий (прикрепление преподавателей к определенным группам и курсам, обязательное посещение лекций и пр.), осуществление которых дало весьма положительный эффект.

Так была заложена основа последующих успехов университета в учебной работе. Несмотря на то, что зимою 1942/43 г. корпуса Саратовского университета, лишенные света, газа и отопления, пришлось законсервировать, а занятия перенести в студенческие общежития, абсолютная успеваемость студентов ЛГУ не только не снизилась, но даже продолжала расти. В зимнюю зачетно-экзаменационную сессию 1942/43 г. число отличных и хороших оценок достигло 84%, а в летнюю сессию того же учебного года 91% от общего числа оценок, и это при условии резкого увеличения (в 1½—2 раза) числа предметов, вынесенных на сессию. Быстро росло и общее число сданных экзаменов: 1605—зимою, 2327 — летом 1943 г. В этих цифрах нашел свое выражение и рост студенческих кадров, в связи с новым приемом осенью 1942 г. и с возвращением в университет многих студентов старших курсов, по разным причинам отчисленных в 1941 г.

Учебный 1943/44 год проходил уже в условиях, приближавшихся к нормальным. Более организованно стали работать кафедры, значительно пополнившие свой состав, благодаря переезду в Саратов из Елабуги и других городов многих старых работников университета; возросло число специальных курсов и семинаров; возобновили деятельность научные студенческие кружки. Общему оживлению работы университета способствовало и резкое увеличение числа студентов. Летом 1943 г. было подано 1200 заявлений —цифра, сама по себе характеризующая популярность, которую завоевал университет среди молодежи Саратовской области, несмотря на ограниченные масштабы его работы в условиях эвакуации. Обилие заявлений, почти вдвое превосходивших число вакансий, дало возможность произвести при приеме известный отбор, что не могло не оказать в дальнейшем положительного влияния на ход учебного процесса.

Не менее показательны данные о научно-исследовательской работе университета.

К началу 1943 г. было закончено 97 работ (87,6% к плану) и 29 выполнено сверх плана; написано или закончено подготовкой к печати 26 оригинальных монографий, проведен ряд научно-производственных работ, имеющих

крупное оборонное и народнохозяйственное значение; напечатаны 84 журнальные и газетные статьи и 24 брошюры; сданы в набор два тома «Ученых записок ЛГУ» объемом по 20 печатных листов каждый.

К 1 июля 1943 г. закончено 57 работ (74% плана) и 47 выполнено сверх плана. В марте-апреле 1943 г. были восстановлены научно-исследовательские институты (Институт математики и механики, Институт физики, Институт биологии, Физиологический институт, Институт земной коры, Географо-экономический институт, Институт химии), через которые проходит теперь в основном научно-исследовательская работа экспериментальных факультетов университета.

О характере и тематике выполненных работ можно получить некоторое представление из следующих данных.

Химики, во главе с заслуженным деятелем науки проф. И. И. Жуковым и проф. А. А. Броуном, разрешили важную оборонную задачу замены при сверлении металла растительных масел осерненными минеральными маслами, выполнили большое число анализов по заданиям оборонных предприятий и учреждений, подготовили к печати несколько работ (например, I том большого курса «Неорганической химии» проф. С. А. Шукарева).

Гидробиологи и ихтиологи, во главе с проф. И. Ф. Правдиным, при содействии других специалистов университета, изучили вопрос об однолетней культуре сазана в пойменных водоемах Саратовского Заволжья, добившись весьма существенных практических результатов.

Кафедра генетики растений (доц. Б. Г. Поташникова и др.) провела работу по изучению и внедрению в сельское хозяйство Саратовской области способа посадок картофеля верхушками по методу акад. Г. Ф. Лысенко, успешно занималась вопросом повышения зимостойкости озимых пшениц Саратовской области и т. д.

Физиологи (проф. Н. Н. Блохин, проф. Д. И. Дейнека и др.) изучали военные травмы головного мозга и периферической нервной системы. Разработанные ими методы, облегчающие и ускоряющие лечение этих травм, внедрены в лечебную практику — в первую очередь саратовских военных госпиталей. Итоги этой большой работы оформлены в виде докладов и специальных исследований, сданных в печать.

Представители других кафедр биологического факультета и института подготовили большие университетские курсы, учебники, исследования (например, «Курс общей энтомологии» проф. Б. Н. Шванвича, «Основы ихтиологии» проф. Е. К. Суворова, «Частная гидробиология» проф. А. Ф. Гурьяновой и др.).

Геологи, во главе с проф. С. С. Кузнецовым, провели две давшие ценные результаты экспедиции по изысканию нефте-

газоносных структур в районах Саратовской области, а также подготовили к печати несколько крупных монографий и учебников (акад. Полканов, профессора Аншелес, Курбатов, Янишевский, доцент Рухин).

Физики (проф. С. Э. Фриш и др.) добились важных результатов в своей работе по электрокрекингу метана, выполнили ряд спектроскопических анализов, сконструировали несколько ценных приборов для саратовских оборонных заводов, разработали несколько теоретических проблем («Разрыв в турбулентном движении в применении к задачам метеорологии и динамики» — доцент Л. Э. Гуревич и др.).

Математики и механики подготовили номограммы для крупного завода, устраняющие необходимость в сложных и длительных вычислениях в производственном процессе, дали расчеты на прочность многих важнейших технических деталей (проф. Огородников, проф. Фихтенгольц, проф. Лехницкий и др.) и произвели ряд теоретических исследований, среди которых отметим имеющую практическое значение работу доцента Гриба «Распространение сферической взрывной волны в воздухе и в воде».

Уже из этого—далеко неполного—перечня видно, в какой степени научная работа экспериментальных кафедр и институтов была направлена на удовлетворение интересов оборонной промышленности и народного хозяйства, прежде всего Саратова и Саратовской области.

Большое число исследований, весьма актуальных по тематике и значительных по объему, выполнили гуманитарные факультеты. Таковы, например, работы литературоведов профессоров М. П. Алексеева, Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, акад. С. А. Козина, проф. В. Е. Евгеньева-Максимова, И. П. Еремина и др.; историков профессоров О. Л. Вайнштейна, В. В. Мавродина, А. И. Молока, В. И. Равдоникаса, экономистов профессоров Я. С. Розенфельда и В. М. Штейна и мн. др. Особо следует отметить работы географов (проф. Суслов, доцент Яунпутнин, проф. С. В. Калесник), подготовивших по заданию Народного комиссариата обороны военно-географические очерки и ряд специальных исследований. Мы избавляем читателей от сухого перечня авторов и тем, не могущего дать представления о значимости работы гуманитарных факультетов.

В общем итоге научно-исследовательской работы Ленинградского университета за период эвакуации должен быть отмечен и солидный вклад его Елабужского филиала. Группа математиков и механиков, под руководством проф. Смирнова, занималась в Елабуге разработкой теории полета артиллерийских снарядов и авиабомб. Математиками были разработаны также таблицы для расчета видимости на больших расстояниях любых объектов (проф. Шаронов), решена за-

дача рассеяния света, важная для расчета видимости объектов в мутной среде (проф. Амбрацумиан).

Физическая группа проф. Цветкова выполнила несколько крупных работ по изучению каучука методом двойного лучепреломления, разработала новые приборы для морских глубин (доцент Михайлов), для связи в ночных условиях (доцент Зайдель) и пр.

Химическая группа (проф. Никольский, доценты Вдовенко, Прошин) предприняла ряд обширных исследований по не изученным вопросам военной химии, имеющим важное практическое значение.

Биологическая группа (проф. Виноградов) изучала действие стимулирующих веществ на работоспособность человека и, в частности, на боеспособность бойца.

Нарком просвещения В. П. Потемкин дважды отметил успехи филиала университета в деле укрепления оборонной мощи нашей Родины. Благодарность университету и его филиалу часто выражали также военные организации и предприятия оборонной промышленности, для которых преимущественно производились как поименованные выше, так и совсем здесь не названные исследования. Весною 1943 г. среди соревновавшихся саратовских вузов Ленинградский университет занял первое место по всем видам работы и получил переходящее Красное знамя горкома ВКП(б) и Саратовского горсовета.

Научная активность университетского коллектива нашла выражение в огромном числе докладов, сделанных во время научных сессий университета и на заседаниях его кафедр, факультетов, научных обществ и т. д.

За «саратовский» период университетом проведено пять научных сессий: в ознаменование 25-летия Великой Октябрьской социалистической революции (72 доклада), 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона (6 докладов), 25-летия Красной Армии (7 докладов), 125-летия со дня рождения К. Маркса (8 докладов), наконец, сессия, посвященная истории русской науки и ее роли в создании мировой науки (26 докладов). Особо следует отметить крупную научную конференцию, посвященную памяти акад. А. А. Ухтомского (25 докладов). На регулярно происходивших заседаниях Ленинградского общества естествоиспытателей, Филологического объединения, Научного объединения аспирантов, ученого совета исторического факультета и др. также сделано было большое число докладов, рефератов и сообщений.

Необходимо подчеркнуть, что все эти сессии, заседания и конференции, проводившиеся Ленинградским университетом иногда совместно с саратовскими учреждениями, не могли не иметь известного значения для развития научной

работы и создания для нее соответствующей атмосферы в Саратове. Привлекая большое число слушателей, а подчас и участников из саратовских академических кругов, вызывая в саратовцах дух научного соревнования, подобные мероприятия, несомненно, способствовали оживлению научной деятельности и большей консолидации научных сил Саратова — города, давшего в своих стенах временный приют Ленинградскому университету. Такое же влияние и значение имели публичные защиты диссертаций, проходившие в университете весьма оживленно, при переполненной аудитории, даже в зимние месяцы, когда холод и тьма в университетских помещениях, казалось, должны были бы понизить интерес к подобным собраниям.

В 1942/43 г. ученые степени докторов и кандидатов наук получили в Ленинградском университете 56 чел., из которых 25 лиц, принадлежащих к штату университета или окончивших в нем аспирантуру; остальные диссертанты являются работниками других, главным образом саратовских вузов.

Приведенные данные неопровержимо свидетельствуют о том, что Ленинградский университет, даже находясь в эвакуации, не переставал ни на один день играть роль крупного организующего центра научной мысли.

Такой же вывод мы вправе сделать и при оценке научно-популяризаторской и политико-пропагандистской работы Ленинградского университета.

Уже в апреле 1942 г. по инициативе ректора был организован и начал правильно функционировать лекторий, сразу завоевавший популярность в самых широких кругах саратовской общественности. К чтению лекций в помещениях лектория и в его филиалах (в Доме Красной Армии, на заводах) были привлечены лучшие силы из университетского научного коллектива. За полтора года существования лекторий провел свыше 600 эпизодических и цикловых лекций, которые посетили более 120 тыс. чел.

Лекторий строил свою работу, исходя из задач текущего момента, из задач Отечественной войны, выдвигая разностороннюю тематику. Таковы, например, эпизодические лекции: «Ленин и Сталин об обороне социалистического отечества», «Война на Тихом океане», «Вторая мировая война и Ближний Восток», «Сила и ресурсы СССР», «Индия и вторая мировая война», «Два года героической борьбы советского народа», «Кто такие национал-социалисты», «Горький в борьбе с фашизмом», «Достижения советской генетики и их значение в народном хозяйстве», «География и война», «Взятие Берлина русскими войсками в 1760 г.», «Уинстон Черчилль» и т. д. Помимо этого, были осуществлены циклы лекций, например, о Пушкине, о Горьком, «Влияние русской литера-

туры на мировую литературу», «Героическое прошлое русского народа», «Антифашистская литература Запада и Америки», «Арабские страны», «Наши союзники», «Наука и война» и ряд других.

Некоторые лекции («Великая Отечественная война в художественной литературе», «Великая Отечественная война в искусстве» и др.) сопровождались концертами с участием лучших артистических сил, в том числе и находившихся одно время в Саратове артистов МХАТ и профессоров Московской консерватории. Большую работу по организации и руководству лекторием провела его директор Е. М. Косачевская.

Общее количество лекций, прочитанных научными работниками Ленинградского университета в Саратове и Саратовской области, в частях Красной Армии, в госпиталях, на собраниях агитаторов и пропагандистов, в районных центрах и в колхозах, исчисляется многими тысячами. В этой важной культурно-политической работе активное участие принимали через комитет комсомола также аспиранты и студенты старших курсов. Характерная деталь: когда при Кировском райкоме ВЛКСМ, по инициативе комсомольской организации университета, было создано лекторское бюро, то весь состав его лекторов был полностью укомплектован студентами Ленинградского университета.

Профессора и преподаватели—партийцы, в свою очередь, включились в работу местных партийных органов агитации и пропаганды, сделались нештатными лекторами Обкома и Горкома ВКП(б), несущими немалую работу.

По инициативе группы профессоров 24 июля 1942 г. было созвано общегородское собрание научных работников для организации Саратовского бюро Антифашистского комитета ученых. В состав бюро вошла, естественно, бóльшая часть его инициаторов. В актив новой общественной организации можно записать, правда, весьма немногое: подготовку для иностранной прессы 25—30 статей, популяризирующих в союзных странах советскую науку, героическую борьбу советского народа с немецкими захватчиками и т. д.

Хотя ожидания, связывавшиеся с бюро при его организации, не оправдались, все же самый факт его создания в период, когда фронт приближался к Саратову, имел определенное политическое значение.

Политическая инициатива ленинградцев неоднократно проявлялась во многих других действиях и мероприятиях.

Два подшефных университету саратовских военных госпиталя получали от университетского коллектива самую разнообразную помощь: начиная от стирки и починки белья раненых бойцов, кончая лекциями, беседами на любые научные и политические темы. Профессор, аспирант, студент был в госпитале всегда желанным гостем.

По итогам сборов денежных средств на подарки фронту, на помощь семьям фронтовиков, на усиление вооруженной мощи Красной Армии и т. д. Ленинградский университет неизменно занимал одно из первых мест среди других вузовских коллективов. В марте 1943 г. он получил приветственную телеграмму за подписью Верховного Главнокомандующего товарища Сталина за проведенный в течение одного дня сбор 105 тыс. руб. на приобретение боевого самолета «Ленинградский университет».

Саратовская областная газета «Коммунист», где печатались не только статьи профессоров и доцентов, но и патриотические обращения, воззвания, письма коллектива университета к другим научным работникам, сохранила многочисленные следы политической активности работников университета.

С большой учебной, научно-исследовательской и общественной работой профессора и студенты Ленинградского университета, имевшие за плечами внушительный организационный и практический опыт, сумели сочетать различные виды общественно-трудовой деятельности. Каждое лето и осень они работали на колхозных полях, и тысячи выработанных ими трудодней являются наглядным свидетельством их добросовестности и рвения. Общее с Саратовским университетом подсобное хозяйство, выросшее со времени переезда Ленинградского университета в Саратов в несколько раз, не могло бы существовать без систематической трудовой помощи студентов и преподавателей Ленинградского университета. Выгрузка дров и сланцев с барж в Саратовском речном порту, заготовка дров в лесу и другие, весьма трудоемкие и нередко длительные операции, требовавшие физической выносливости, временного отказа от самых элементарных жизненных удобств, дисциплинированности и упорной настойчивости, лежали на плечах всех трудоспособных членов коллектива.

Для некоторых сельскохозяйственные работы сделались как бы второй специальностью. Индивидуальное и коллективное огородничество, получившее в «саратовский» период большое развитие, охватило даже людей чисто городской культуры, ранее не знавших, как растет огурец и как выглядят семена моркови. Иные специализировались в распиловке и колке дров, иные — в погрузочных работах. Как часто почтенному профессору, заслуженному ученому, завтрашнему академику, с тяжелым мешком за спиною или с ведрами воды в обеих руках, приходилось кряхтя взбираться к себе на 3-й или 4-й этаж! Не было такой черной, подчас непосильной для его возраста работы, которую ему не приходилось бы выполнять.

Жизнь в эвакуации в безмерно трудное для всей страны время, конечно, не была жизнью на розах. Бремя повседневных забот, бремя обслуживания себя и своей семьи нужно было тащить на самом себе, — в этом никто не мог помочь.

В 126-й год своего существования Ленинградский университет вступает в момент, когда Великая Отечественная война советского народа приближается к победоносному концу. Война, потребовавшая от всего советского народа и, в частности, от советской интеллигенции величайшего напряжения сил и огромных жертв, явилась суровым испытанием крепости созданного Лениным Советского государства, прочности организованного Сталиным социалистического строя, нерушимости дружбы народов Советского Союза. Это историческое испытание наша страна, весь наш народ выдержали блестяще. Во всемирно-исторической победе, одержанной над черными силами разбойничьего немецкого фашизма, имеется значительный вклад кровно связанный с народом советской интеллигенции. Это засвидетельствовано выступлением нашего любимого вождя и организатора наших побед товарища Сталина. «Советская интеллигенция, — сказал он в своей речи 6 ноября 1943 г., — преданно работает на дело обороны нашей страны, непрерывно совершенствует вооружение Красной Армии, технику и организацию производства. Она помогает рабочим и колхозникам в подъеме промышленности и сельского хозяйства, двигает вперед в условиях войны советскую науку и культуру. Это делает честь нашей интеллигенции».

Одним из отрядов этой преданной делу Ленина—Сталина советской интеллигенции является коллектив Ленинградского университета. Вклад его в общенародное дело помощи фронту, участие его членов в боевой работе на фронте и в производственной работе в тылу соответствует его силам, возможностям, высокому сознанию патриотического долга, которым он охвачен наравне со всеми большими и малыми коллективами нашей страны.

Но за войной, после окончательной победы, после освобождения народов от гнета гитлеровской тирании настанет период мирного строительства, открывающий перед всей нашей страною необъятные перспективы развития и процветания всех видов материальной и духовной культуры. Нужно будет залечить раны, нанесенные нашему хозяйству и культуре немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных ими районах, а затем и даже одновременно с этим двигаться дальше к высочайшим вершинам культурного развития. «Уже теперь полным ходом развернулась работа по восстановлению хозяйства и культуры в освобожденных от врага районах. Но это только начало» (И. В. Сталин, доклад

к XXVI годовщине Великой Октябрьской социалистической революции).

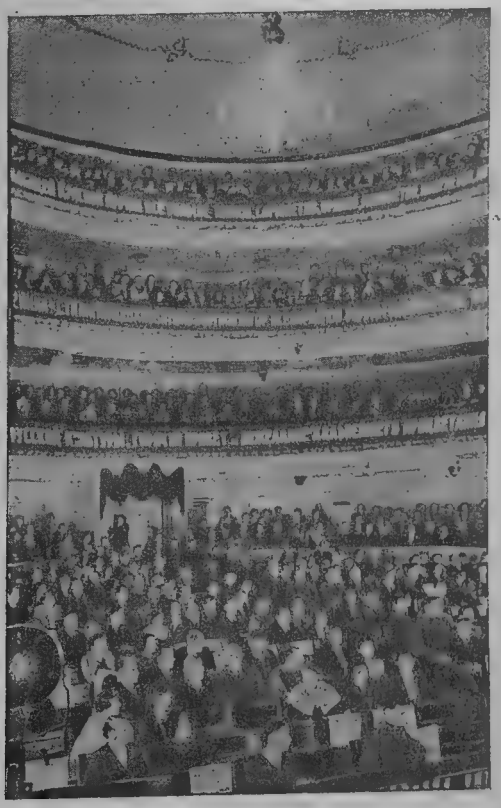
Ленинградский университет не может и не должен остаться в стороне от решения и этой всенародной задачи, поставленной нашим вождем. Для его коллектива несомненно, что одной из важных предпосылок успешного разрешения этой задачи является дальнейший подъем высшего образования в нашей стране, дальнейший количественный и качественный рост научных кадров.

В президиуме торжественного заседания 24 февраля 1944 г.

Именно этими соображениями была вызвана инициатива Ленинградского университета в вопросе о создании нового университетского устава, который отразил бы потребности открывающейся перед нами эпохи и явился бы важным новым этапом в истории университетского образования.

Ректор университета весною 1943 г. обратился в ЦК ВКП(б), в Наркомпрос РСФСР и в Комитет по делам высшей школы с соответствующим предложением. Оно было встречено положительно и явилось основанием к организации при Наркомпросе специальной комиссии по рассмотрению проектов нового университетского устава, на первых порах только для Московского и Ленинградского университетов.

Ректор и ведущие профессора Ленинградского университета уделили вопросу о новом уставе исключительно большое внимание и приложили много труда для подготовки проекта, который затем подвергся самому тщательному рассмотрению



Зрительный зал театра им. Н. Г. Чернышевского во время торжественного заседания, посвященного 125-летию Ленинградского университета

на трех заседаниях ученого совета и получил в своей окончательной редакции его единодушное одобрение.

Цель и смысл представленного в правительственные инстанции проекта нового университетского устава заключается в том, чтобы поднять роль университета в культурной жизни страны.

В новом уставе Ленинградский университет определяется как «научно-исследовательское учреждение, высшее учебное

заведение и научно-просветительное учреждение Союза Советских Социалистических Республик».

В основу проекта устава, в полном соответствии с неуклонным политическим, хозяйственным и культурным ростом нашей страны, положены принципы повышения качества и удельного веса научной работы в университете, создания и дальнейшего развития прогрессивных научных школ и направлений, установления еще более тесной связи университетской науки с народным хозяйством, высокой требовательности к подготовке выпускаемых специалистов и квалификации научных работников, органической связи преподавания с научной работой, стимулирования и поощрения самостоятельных научных исканий студентов и широкого развертывания университетом систематической и массовой общественно-политической и научно-просветительной деятельности.

Весь коллектив Ленинградского университета уверен, что проведение в жизнь нового устава поставит университет на более высокую ступень, превратит его в еще более крупный очаг и рассадник передовой науки и культуры и прочно закрепит за ним одно из ведущих мест в стране в области науки, высшего образования и научного просвещения.

* * *

Юбилей Ленинградского государственного университета был отмечен указами Президиума Верховного Совета СССР о награждении университета орденом Ленина и медалями 47 профессоров, преподавателей и служащих университета, а также специальным постановлением Совета Народных Комиссаров СССР о мероприятиях по укреплению Ленинградского университета.

В юбилейные дни университет получил свыше 200 приветствий от различных партийных и советских организаций, научных учреждений, высших учебных заведений и отдельных ученых.

24 февраля 1944 года в Саратове в театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского состоялось торжественное заседание коллектива университета совместно с общественными организациями города Саратова, посвященное юбилею и награждению университета орденом Ленина.

На заседании были оглашены указы Президиума Верховного Совета СССР и заслушаны многочисленные приветствия и доклад ректора, посвященный истории университета и его роли в развитии науки.

В январе — феврале 1944 года героическая Красная Армия окончательно освободила Ленинград от блокады и университет получил возможность вернуться в родной город. Переезд был осуществлен — организованно и четко — в мае — июне 1944 года.

Здания Университета, сильно пострадавшие за время блокады, требовали больших ремонтно-восстановительных работ.

В течение лета и начала осени большая часть университетских зданий была отремонтирована, а кабинеты и лаборатории приведены в порядок.

За это время было выполнено (в значительной мере силами студентов и научных работников университета) 84.605 квадратных метров малярных работ, 31.534 штукатурных, 1.318 оконных и 17.305 кровельных работ и мн. др.

Выполнение этих работ сочеталось с проведением экзаменационной сессии и интенсивной подготовкой к юбилейной научной сессии.

Напряженный труд всего университетского коллектива обеспечил возможность в нормальный срок и в нормальных условиях начать 2 октября новый 1944/45 учебный год.

Достойным завершением юбилейного года явилась проведенная в Ленинграде с 20 ноября по 8 декабря юбилейная научная сессия. Она была проведена в высокой степени организованно и оказалась не только большим праздником для работников университета, но и крупным научным событием в жизни Ленинграда и всей страны, приковавшим к себе на целых 18 дней внимание широких кругов ленинградской интеллигенции и ученых других городов Советского Союза.

На сессии было заслушано 216 докладов. Научная сессия Ленинградского университета, проведенная после двухлетней эвакуации в трудных условиях военного времени, в городе, только недавно освобожденном от кольца вражеской блокады, показала, что университет, перенесший тяжелые испытания в период великой Отечественной войны, сохранен как крупный творческий коллектив и продолжает верно служить своей Родине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Часть I. 1819—1917

Глава I. Открытие университета 5
Глава II. Университет в 1820—1835 гг. 11
Глава III. Университет в 1835—1863 гг. 19
Глава IV. Петербургский университет в 60—90-х годах XIX века . . 38
Глава V. Университет в период между двумя революциями . . . 61

Часть II. 1917—1941

Глава I. Основные моменты развития университета от 1917 г. до Великой Отечественной войны 84
Глава II. Факультеты университета (1917—1941 гг.) 102

Часть III. 1941—1944 гг. Ленинградский университет в период Отечественной войны

Глава I. Университет в первые месяцы войны (июнь—август 1941 г.) 141
Глава II. Университет в условиях ленинградской блокады (сентябрь 1941—февраль-март 1942 г.) 154
Глава III. В Саратове. Снова в Ленинграде 169

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
82	22 сверху	процессии	прецессии
82	„	мутации	нутации
82	3 снизу	А. В. Воейков	А. И. Воейков
96	12 снизу	В. В. Перфильевым	Б. В. Перфильевым
111	22 снизу	Н. С. Эдельштейн	Я. С. Эдельштейн
123	9 снизу	С. А. Добиаш-Рождественская	О. А. Добиаш-Рождественская
127	6 снизу	„Розысканий“	„Разысканий“
130	17 сверху	М. К. Каргра	М. К. Каргера
130	20 снизу	Е. Н. Люстеркин	Е. Я. Люстеркин

Ленинградский Университет.

Глава II. Университет в условиях ленинградской блокады (сентябрь 1941—февраль-март 1942 г.) 154
Глава III. В Саратове. Снова в Ленинграде 169

47.48/30.

ou 15/50